

ФЕДЕРАЛЬНОЕ ГОСУДАРСТВЕННОЕ АВТОНОМНОЕ
ОБРАЗОВАТЕЛЬНОЕ УЧРЕЖДЕНИЕ ВЫСШЕГО ОБРАЗОВАНИЯ
«НАЦИОНАЛЬНЫЙ ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКИЙ УНИВЕРСИТЕТ
«ВЫСШАЯ ШКОЛА ЭКОНОМИКИ»

На правах рукописи

Каногина (Белова) Полина Евгеньевна

**ДИНАМИКА КОНЦЕПТУАЛИЗАЦИИ И КАТЕГОРИЗАЦИИ
ПРОСТРАНСТВА И ЕЁ ОТРАЖЕНИЕ В РУССКОМ ЯЗЫКЕ**

Специальность 5.12.3. Междисциплинарные исследования языка
(филологические науки)

Диссертация
на соискание ученой степени
кандидата филологических наук

Научный руководитель:
доктор филологических наук, профессор
Татьяна Владимировна Романова

Нижний Новгород 2025

ОГЛАВЛЕНИЕ

ВВЕДЕНИЕ	4
ГЛАВА I. ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ ОСНОВЫ ИЗУЧЕНИЯ ПРЕДСТАВЛЕНИЯ ПРОСТРАНСТВА В ЯЗЫКОВОМ СОЗНАНИИ	20
1.1. Общая характеристика понятия «пространство» и степень его изученности в философии, культурологии, лингвистике	20
1.2. Концептуализация и категоризация как основные способы познания мира	27
1.3. Основные аспекты концептуализации и категоризации пространства в русской культуре	34
Выводы по Главе I	38
ГЛАВА II. РЕКОНСТРУКЦИЯ СТРУКТУРЫ КЛЮЧЕВОЙ МЕНТАЛЬНОЙ КАТЕГОРИИ «ПРОСТРАНСТВО» В РУССКОМ ЯЗЫКЕ	40
2.1. Дефиниционный анализ лексемы <i>пространство</i>	40
2.2. Лингвокогнитивное моделирование содержания концепта ПРОСТРАНСТВО в сознании носителей русского языка	47
2.2.1. Анализ данных свободного ассоциативного эксперимента	52
2.2.2. Динамика восприятия пространства по данным РАС, СИБАС, ЕВРАС и проведённого ассоциативного эксперимента	64
2.2.3. Анализ данных направленного ассоциативного эксперимента	67
2.2.4. Анализ данных, полученных с использованием метода субъективных дефиниций	74
2.3. Анализ вербализации концепта ПРОСТРАНСТВО по данным НКРЯ ...	85
2.4. Структурирование ментальной категории «пространство»	107
Выводы по Главе II	115
Глава III. ЯЗЫКОВАЯ КОНЦЕПТУАЛИЗАЦИЯ ПРОСТРАНСТВА ГОРОДА В РУССКОЙ ХУДОЖЕСТВЕННОЙ ПРОЗЕ ВТОРОЙ ПОЛОВИНЫ XX ВЕКА – ПЕРВОЙ ЧЕТВЕРТИ XXI ВЕКА	120
3.1. Город как пространство	120
3.2. Площади в пространстве города	128

3.3. Улицы в пространстве города	137
3.4. Проспекты в пространстве города	154
3.5. Бульвары в пространстве города	164
3.6. Набережные в пространстве города	173
Выводы по Главе III	183
ЗАКЛЮЧЕНИЕ	190
БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК	196

ВВЕДЕНИЕ

В настоящее время в лингвистической науке наблюдается возрастающий интерес к изучению особенностей познания человеком окружающей действительности, механизмов ментальной деятельности людей, а также различных форм репрезентации знания и роли языка в перечисленных процессах. Одной из базовых концептуальных структур, на основе которой происходит формирование суждений о мире, является пространство, в связи с чем в любом языке можно найти множество языковых средств обозначения пространства и пространственных отношений.

Данное диссертационное исследование направлено на изучение концептуализации и категоризации пространства и их представления в русском языке, поскольку в настоящее время недостаточно изучен вопрос об особенностях концептуализации и вербализации пространства в русском языковом сознании. В связи с этим в рамках данного исследования, во-первых, рассматривается процесс концептуализации и выявляются особенности категоризации пространства в сознании русской языковой личности на современном этапе, во-вторых, отслеживается динамика данного процесса с опорой на данные психолингвистического эксперимента и художественные тексты второй половины XX века и первой четверти XXI века.

Объектом данного исследования является категория «пространство» в русской языковой картине мира.

Предмет исследования – способы концептуализации, особенности категоризации и вербальной репрезентации пространства в научной, наивной и художественной картинах мира.

Цель работы состоит в выявлении специфики концептуализации и категоризации пространства в русском языке на современном этапе и определении динамики данных процессов на примере научного, бытового и художественного восприятия пространства в русском языковом сознании.

Для достижения поставленной цели решались следующие **задачи**:

- по научным источникам изучить сущность понятий «концептуализация» и «категоризация»;

- по словарным и научным источникам определить основные аспекты концептуализации и категоризации пространства в русской лингвокультуре;

- по данным лично проведённого ассоциативного эксперимента смоделировать ассоциативное поле ПРОСТРАНСТВО, провести лексико-грамматическое описание ассоциаций, в сравнении с данными трёх ассоциативных словарей выявить диахронические изменения содержания ассоциативного поля ПРОСТРАНСТВО;

- проанализировать данные, лично полученные с использованием метода субъективных дефиниций, определить их структурно-логическое построение; выявить уровни категоризации пространства, задействованные в субъективных дефинициях: суперординатный, базовый, субординатный;

- на материале художественных прозаических текстов, созданных во второй половине XX века и в первой четверти XXI века и представленных в НКРЯ, установить, как концептуализируется и вербализуется пространство с учётом таких культурно-языковых факторов, как пропозициональные установки, предметно-понятийные корреляции, метафорические преобразования;

- установить по данным НКРЯ, как в русской языковой картине мира осознаётся и воспринимается городское пространство в совокупности образующих его элементов, а именно: площадей, улиц, проспектов, бульваров и набережных;

- реконструировать структуру ключевой ментальной категории «пространство» в русском языке на современном этапе путём построения научной, наивной, художественной таксономии «пространство» и её языковой репрезентации в ходе обращения к лексикографическим источникам, текстам художественной литературы, представленным в НКРЯ, и путём обработки результатов проведённого ассоциативного эксперимента и данных, полученных с использованием метода субъективных дефиниций;

- на основе проанализированного материала сделать выводы о динамике процесса концептуализации и особенностях категоризации пространства в русском языковом сознании.

Степень изученности проблемы в лингвистике. Несмотря на наличие разнообразных работ на тему пространства, изучение его языкового выражения на данный момент не осуществлено в полной мере ни для одного из языков. В отечественной лингвистике основные направления изучения категории пространства были определены в монографии Е.С. Яковлевой «Фрагменты русской языковой картины мира (модели пространства, времени и восприятия)» (1994), в книге А.В. Кравченко «Язык и восприятие: Когнитивные аспекты в языковой категоризации» (1996), в сборнике «Логический анализ языка. Языки пространств» (2000) под редакцией Н.Д. Арутюновой, И.Б. Левонтиной, содержащем статьи известных лингвистов (В.Г. Гака, И.М. Кобозевой, Е.С. Кубряковой и др.), исследующих способы представления пространства в разных языках и функциональных стилях, описывающих различные типы пространства и пр.

Как показал анализ монографий, диссертационных исследований и научных публикаций на тему пространства за последние два десятилетия, учёные уделяют особое внимание изучению языковой репрезентации концепта ПРОСТРАНСТВО [Николова 2002, Осыка 2009, Зубова 2011, Романова 2013, Рубцова 2019, Баландина 2024 и др.], выделению разных типов пространства и его видов, взаимосвязи категорий пространства и времени и их языковой репрезентации [Малафеев 2011, Толстая 2011, Ястребова 2011, Аюпова 2012, Панкова 2012, Павловский 2013, Безукладова 2016, Федосеева 2018, др.] и т.п.

Значительная часть работ посвящена изучению языковых единиц, используемых для вербализации пространственной семантики: предлогов, наречий, глаголов, существительных и прилагательных [Морозов 1999, Шамне 2000; Пупынина 2004, Черемисин 2015 и др.]. Кроме того, отечественные лингвисты активно исследуют пространственные метафоры, словообразовательные, фразеологические и синтаксические средства обозначения

пространства [Ермакова 2000, Падучева 2000, Чудинов 2001, Арутюнова 2002, Никитин 2002, Мухачёва 2003, Сабурова 2003, Склярёвская 2004 и др.].

Некоторые исследователи изучают концепт ПРОСТРАНСТВО с точки зрения лингвокультурологии, подчёркивая его обусловленность культурой отдельного национально-культурного сообщества. Здесь особый интерес представляют труды А.Д. Шмелёва «Пространственная составляющая русской души» (2002) и И.Б. Левонтиной и А.Д. Шмелёва «Родные просторы» (2005). Подобные исследования проводятся и в сопоставительном плане, например, М.В. Макарова (2009) и Т.С. Медведева (2010) представляют комплексный анализ концепта ПРОСТРАНСТВО в русской и немецкой лингвокультурах; И.С. Бороздина (2010), О.А. Радчук и В.К. Аубакирова (2020) – в англо- и русскоязычных культурах.

Проведённый анализ имеющихся публикаций, посвящённых изучению различных аспектов вербализации пространства, показал, что, несмотря на большое число уже изданных работ, исследование данной проблематики нельзя считать исчерпывающим. **Актуальным остаётся** изучение динамики концептуализации и категоризации пространства с помощью методов междисциплинарных исследований через сопоставление научного, бытового и художественного восприятия пространства современными носителями русского языка, что и осуществлено в рамках настоящего исследования, а также типов пространства, пространственных отношений, пространственной метафоры и других направлений в области исследования пространственных представлений, отражённых и зафиксированных в развивающемся языке.

Научная новизна настоящего диссертационного исследования состоит не только в выявлении особенностей концептуализации, категоризации и языковой репрезентации пространства в русской языковой картине мира на современном этапе (синхронное состояние), но и в описании некоторых диахронических изменений в его восприятии (начиная со второй половины XX века по настоящее время). Сопоставление наивной (обыденное восприятие), научной и художественной картин мира, проведённое с использованием

собственно лингвистических, психолингвистических, когнитивных методов и методик, осуществляется впервые и способствует более полной характеристике и пониманию особенностей содержания и структуры категории «пространство» в современной русской языковой картине мира.

Теоретической базой исследования в области когнитивной лингвистики послужили работы Н.Н. Болдырева, А. Вежбицкой, И.М. Кобозевой, Е.С. Кубряковой, З.Д. Поповой и И.А. Стернина, Ю.С. Степанова и др.; в области теории языковой концептуализации и категоризации – Л.Г. Бабенко, Л.В. Бабиной, Н.Н. Болдырева, В.И. Карасика, Т.В. Романовой и др.; в области лингвокультурологии – Н.Д. Арутюновой, М.М. Бахтина, В.И. Карасика, Ю.М. Лотмана, В.А. Масловой и др.; в области лингвистического исследования пространства – Н.Д. Арутюновой, В.Г. Гака, И.М. Кобозевой, А.В. Кравченко, Е.С. Кубряковой, И.Б. Левонтиной, Е.С. Яковлевой и др., в области психолингвистики – Ю.Н. Караулова, Н.В. Уфимцевой и др.

Данное исследование проводилось в рамках методики семантико-когнитивного описания концепта с применением экспериментальных методов, предложенной З.Д. Поповой и И.А. Стерниным [Попова, Стернин 2007]. В ходе исследования примеров употребления лексемы *пространство*, номинирующей концепт, в НКРЯ, а также при анализе примеров, в которых упоминались элементы открытого городского пространства, использовался подход, предложенный А.Е. Бочкарёвым [Бочкарёв 2017, 2019] и заключающийся в реконструкции содержания анализируемого концепта путём изучения дистрибутивных возможностей, предметно-понятийных соответствий, построения пропозициональных и метафорических моделей.

Рабочая гипотеза исследования состоит в том, что в современном русском языковом сознании процессы концептуализации и категоризации пространства претерпевают существенные изменения, обусловленные социокультурными трансформациями, что отражается в расширении ассоциативного поля ПРОСТРАНСТВО, различных способах вербализации пространства и в изменении уровней его категоризации.

Материал исследования. С целью изучения содержания категории «пространство» были использованы данные следующих словарей: «Толковый словарь живого великорусского языка» В.И. Даля (1863-1866), «Толковый словарь» Д.Н. Ушакова (1935-1940), «Толковый словарь русского языка» С.И. Ожегова и Н.Ю. Шведовой (1997), «Современный толковый словарь русского языка» С.А. Кузнецова (1998), «Русский толковый словарь» Л.Е. Лопатиной, В.В. Лопатина (1998), «Словарь русского языка» А.П. Евгеньевой (1999), «Новый словарь русского языка» Т.Ф. Ефремовой (2000), «Толковый словарь современного русского языка. Языковые изменения конца XX столетия» Г.Н. Складневской (2005), «Большой академический словарь русского языка» А.С. Герда (2012), «Большой универсальный словарь русского языка» В.В. Морковкина, Г.Ф. Богачёвой, Н.М. Луцкой (2017), а также материалы «Русского семантического словаря» Н.Ю. Шведовой (2003), «Толково-понятийного словаря русского языка» А.А. Шушкова (2008) и «Словаря-тезауруса синонимов русского языка» Л.Г. Бабенко (2021).

Материалом исследования также стали результаты лично проведённого ассоциативного эксперимента (свободного и направленного) с группой носителей русского языка. Участниками эксперимента стали 205 респондентов разного пола и возраста. На первом этапе эксперимента было получено 580 ассоциаций на слово-стимул *пространство*; на втором – 552 определения-ассоциации. Анализ концепта ПРОСТРАНСТВО осуществлялся также при помощи метода субъективных дефиниций. Материалом анализа стали 205 дефиниций, данных носителями русского языка.

С целью выявления диахронических изменений ассоциативного поля ПРОСТРАНСТВО сопоставлялись данные «Русского ассоциативного словаря» под ред. Ю.Н. Караулова (2002), «Русского регионального ассоциативного словаря-тезауруса ЕВРАС» под ред. Г.А. Черкасовой, Н.В. Уфимцевой (2018) и «Русского регионального ассоциативного словаря» (Сибирь и Дальний восток) под ред. И.В. Шапошниковой, А.А. Романенко (2022).

В ходе анализа лексемы *пространство*, номинирующей концепт, материалом исследования стали художественные прозаические тексты разных жанров и направлений, созданные во второй половине XX века и в первой четверти XXI века и представленные в основном корпусе НКРЯ. Общий объём исследуемого материала в подкорпусе второй половины XX века составил 831 текст, в которых встретилось 3899 примеров употребления леммы *пространство*; в подкорпусе текстов первой четверти XXI века – 706 текстов и 3506 примеров. При установлении того, как в русской языковой картине мира осознаётся и воспринимается городское пространство в совокупности образующих его элементов, а именно: площадей, улиц, проспектов, бульваров и набережных, материалом исследования также послужили данные основного корпуса НКРЯ. Исследуемый материал из подкорпуса художественных прозаических текстов второй половины XX века и первой четверти XXI века составил 2994 текста общим объёмом более 45 млн слов и 1940 текстов общим объёмом более 29 млн слов соответственно.

Настоящее диссертационное исследование проводилось в рамках когнитивного и лингвокультурологического подходов к изучению особенностей концептуализации и категоризации пространства в русской языковой картине мира и применения методов когнитивной лингвистики и психолингвистики для анализа данной ментальной категории. В связи с этим использовались следующие **методы исследования**:

– метод семантико-когнитивного анализа, заключающийся в поэтапном переходе от анализа словарных значений лексемы *пространство*, номинирующей концепт, к изучению содержания концепта ПРОСТРАНСТВО. На начальном этапе применялся дефиниционный анализ лексемы *пространство* по данным лексикографических источников; затем – компонентный анализ, позволяющий определить дифференциальные семантические признаки, и метод построения номинативного поля концепта, заключающийся в выявлении когнитивных признаков исследуемого понятия; далее – метод когнитивной интерпретации и др.

– метод свободных и направленных ассоциаций (ассоциативный эксперимент) для выявления ассоциатов на слово-стимул *пространство* и выделения когнитивных признаков, объективированных ассоциатами;

– метод лингвокогнитивного моделирования для построения ассоциативного поля по данным проведённого эксперимента;

– метод субъективных дефиниций для выявления реального содержания понятия «пространство» в сознании носителей русского языка;

– метод корпусного анализа, включающий в себя поиск и сбор данных из НКРЯ с использованием опции «Лексико-грамматический поиск» (метод специализированной выборки), валентностный анализ, используемый для изучения окружения ключевых лексем в тексте и осуществляющийся посредством специальных настроек в формате KWIC, подсчёт частотности употребления лексем и др.;

– лексико-семантический контекстуальный анализ, направленный на выявление того, каким образом лексема, номинирующая концепт, функционирует в художественных текстах, какие из значений лексемы при этом реализуются и др.

– сравнительно-сопоставительный анализ, используемый для выявления сходств и различий в языковой репрезентации концепта ПРОСТРАНСТВО в художественных текстах второй половины XX века и первой четверти XXI века и отслеживания диахронических изменений ассоциативного поля ПРОСТРАНСТВО по данным ассоциативных словарей и др.

На защиту выносятся следующие положения:

1. Комплексный подход к изучению категории «пространство», включающий в себя анализ лексикографических источников, данных психолингвистического эксперимента, а затем контекстных вербализаций данной категории на материале художественной литературы, даёт возможность всестороннего рассмотрения особенностей содержания и структуры категории «пространство» в русской языковой картине мира.

2. Построенная научная таксономия «пространство» демонстрирует систематизированный подход к классификации пространства в русской лингвокультуре. По данным лексикографических источников, пространство можно классифицировать по таким дифференциальным когнитивным признакам, как тип пространства, место в пространстве, характеристика пространства, расположение в пространстве и пространственные ориентиры. Как правило, словарные данные отражают базовый и суперординатный уровни категоризации пространства.

3. Результаты психолингвистического эксперимента показывают, что в сознании носителей русского языка существует определённый набор параметров, на основании которых происходит наивная концептуализация и категоризация пространства: *‘наличие/отсутствие границ’, ‘размер’, ‘наполненность’, ‘ширина’, ‘расположение’, ‘степень освещённости’, ‘предназначение’, ‘протяжённость и объём’, ‘степень освоённости человеком’, ‘характер действия’, ‘цветовое восприятие’, ‘научная область’, ‘восприятие’, ‘температура’, ‘мера отдалённости и обозримости’, ‘глубина’, ‘форма’.*

Категоризация пространства в русском языковом сознании также происходит при помощи когнитивной схемы «место», для которой характерны такие структурные элементы, как *‘функция и предназначение’, ‘границы’, ‘внутреннее содержание’, ‘расположение’.* Основой выделения подобных когнитивных схем являются данные эксперимента с использованием метода субъективных дефиниций. Их анализ позволил выделить уровни, задействованные в категоризации пространства: суперординатный, базовый и субординатный, к которым относятся слова-идентификаторы пространства. Наибольшая часть нашего знания о пространстве содержится на базовом уровне: *место (69), территория (15), объём (11), область (6), воздух, плоскость, простор, пустота, среда (по 3), измерение, промежуток, расстояние, сфера, форма (по 2), величина, зона, люди, масштаб, общество, окружение, отношения, протяжённость, сообщество.*

4. Сопоставительное исследование данных РАС, СИБАС и ЕВРАС, в которых отражены результаты ассоциативных экспериментов конца XX-го – второго десятилетия XXI века, и лично проведённого ассоциативного эксперимента (2023-2024 гг.) позволяет установить, что на протяжении времени устойчивыми на слово-стимул *пространство* являются такие реакции, как *космос, пустое, бесконечность, Вселенная, замкнутое, воздух, огромное*. При этом в последние годы наблюдается расширение содержательных компонентов ассоциативного поля ПРОСТРАНСТВО за счёт восприятия пространства с точки зрения индивидуальной психологии (личное пространство) и появления эмоционально-оценочных коннотаций, что говорит о категоризации на субординатном уровне.

5. В художественном тексте через объективно-субъективное восприятие автором окружающего его мира происходит трансформация представлений о пространстве, его вторичная концептуализация. В отличие от наивного восприятия, художественное восприятие пространства отличается своей метафоричностью и большим разнообразием приписываемых ему признаков. К ранее перечисленному набору параметров, на основании которых происходит наивная концептуализация и категоризация пространства, по результатам анализа художественных текстов были добавлены такие параметры, как *‘охват’, ‘форма и агрегатное состояние’, ‘звуковое впечатление’, ‘материал’, ‘последствия воздействия’, ‘влияние природных явлений’*. Это свидетельствует о совмещении в художественном тексте трёх уровней категоризации пространства: суперординатного, базового и субординатного.

6. Корпусное исследование также показывает трансформацию значения слова *пространство*. Если с момента его появления в корпусе (в середине XVIII века) доминировало понимание пространства как философской категории, обширной площади и определённого места, то со временем всё реже встречались примеры, когда пространство было представлено в качестве одной из форм существования материи, являлось местом, образованным в результате деления окружающего мира, и выступало в значении промежутка

времени. В художественных произведениях второй половины XX века и начала XXI века слово *пространство* преимущественно представлено в значениях 'неограниченной протяжённости' и 'большой площади'; 'земной поверхности, пространства воды, воздуха и космоса'; 'вместилища или места, где что-либо происходит'. Кроме того, в произведениях первой четверти XXI века появляются упоминания частных видов пространства и уделяется больше внимания личному пространству человека.

7. Анализ конкретного вида пространства – городского – и наполняющих его объектов (площадей, улиц, проспектов, бульваров и набережных) по данным НКРЯ позволяет установить, что упорядочивание наших знаний об этих элементах открытого городского пространства происходит, во-первых, на основании следующих параметров: '*местоположение*', '*наполненность*', '*значимость*', '*степень освещённости*' (данные группы признаков были выделены у всех рассматриваемых объектов). Во-вторых, путём упоминания сопутствующих объектов, с которыми площади, улицы, проспекты, бульвары и набережные сочетаются по принципу дополнительности. В-третьих, в пропозициональной структуре перечисленные элементы городского пространства выполняют семантическую роль субъекта (носителя предикативного признака: производителя действия или носителя состояния); объекта характеристики; объекта, на которое направлено действие; локатива (собственно локатива, директива-старта, директива-финиша, транзитива).

Теоретическая значимость исследования заключается в лингвокультурологическом углублении понимания специфики категории «пространство», представленной в сознании носителей русского языка. Методики собственно когнитивного исследования ментальных процессов концептуализации и категоризации обогащены психолингвистическими методами анализа ментальной категории и языковых средств её объективации. Кроме того, данное исследование посвящено дальнейшей разработке теоретических проблем концептуализации и репрезентации знания в языке.

Практическая значимость работы состоит в возможности использования полученных результатов в практике преподавания таких дисциплин, как «Когнитивная лингвистика», «Психолингвистика», «Социолингвистика», «Лингвокультурология» и др. Материалы данного научного исследования уже применялись автором на занятиях в рамках курса «Функциональные и когнитивные модели в лингвистике» (НИУ ВШЭ – Нижний Новгород) для раскрытия сущности понятий «концептуализация» и «категоризация», для описания того, каким предстаёт пространство в русской языковой картине мира и как используются методы психолингвистики при анализе концепта, а также в ходе преподавания таких дисциплин, как «Социолингвистика» и «Лингвистическая экспертиза» в части описания методики проведения ассоциативного эксперимента и при интерпретации полученных результатов.

Кроме того, полученные результаты могут обладать существенной практической значимостью для различных прикладных областей: городской психологии – для разработки методик оценки восприятия городского пространства его жителями, дизайна городской среды – для проектирования эргономичных и культурно-специфических общественных пространств, маркетинга – для создания привлекательных образов городских локаций, что в совокупности будет способствовать повышению качества жизни горожан и эффективности управления городской средой.

Апробация работы. Основные результаты проведённого исследования были представлены на Международной научно-практической конференции «Язык, мышление, цифровизация: к 160-летию «Филологических записок»» (Воронеж, 2021), на Международной научной конференции «Скребневские чтения» (Нижний Новгород, 2022), на Международной научной конференции «Актуальные проблемы лингвистики и литературоведения» (Москва, 2022), на III Казанском международном лингвистическом саммите «Современная лингвистика: от теории к практике» (Казань, 2022), на IX Всероссийской научной конференции с международным участием «Стернинские чтения: Значение как феномен актуального языкового сознания носителя языка» (Воронеж, 2023),

на Всероссийской научной конференции с международным участием «Теоретическая семантика и идеографическая лексикография: Словарь. Дискурс. Корпус» (Екатеринбург, 2024), на II Международной научной конференции «Актуальные вопросы лингвистики и литературоведения» (Кемерово, 2025), на XIII Международной конференции по когнитивной лингвистике «Когнитивные исследования в цифровую эпоху» (Тюмень, 2025), на занятиях в рамках курсов «Функциональные и когнитивные модели в лингвистике», «Социолингвистика», «Лингвистическая экспертиза».

Основные результаты работы также отражены в следующих публикациях по теме исследования.

Статьи в научных изданиях, индексируемых в международных наукометрических базах данных Web of Science и Scopus:

1. Белова П.Е., Соснин А.В., Гусева Л.В., Никшикова Л.Ю. The Moscow Text and the Imagery of Urban Perception // Forum for World Literature Studies, 2023. – Vol. 15. – No. 4. – P. 733-750. (*Квартиль в МНБД – Q1; в Перечне ВАК – K1. Личный вклад – 0,77 п.л.*).

2. Соснин А.В., Балакина Ю.В., Белова П.Е. Прологомены к когнитивно-семиотическому исследованию московского текста русской литературы XXI века // Slavisticna Revija, 2021. – Т. 69. – № 2. – С. 239-256. (*Квартиль в МНБД – Q2; в Перечне ВАК – K1. Личный вклад – 0,98 п.л.*).

Статьи в рецензируемых изданиях ВАК:

3. Белова П.Е. Языковая концептуализация пространства в художественном тексте (по данным НКРЯ) // Когнитивные исследования языка – №1 (62): материалы Международной научной конференции по когнитивной лингвистике. 5-7 июня 2025 г. / отв. ред. вып. О.В. Бронникова. – Тюмень: ТюмГУ-Press, 2025. – С. 56-60. (*Квартиль в Перечне ВАК – K2*).

4. Белова П.Е. Особенности представления пространства в сознании носителей русского языка (по данным ассоциативного эксперимента) // Этнопсихолингвистика, 2025. – № 2 (21). – М.: ИНИОН РАН. – С. 74-92. (*Квартиль в Перечне ВАК – K3*).

Статьи в других изданиях:

5. Белова П.Е. Динамика восприятия площадей в пространстве города носителями русского языка (сравнительный анализ по данным НКРЯ) // Актуальные вопросы лингвистики и литературоведения: сб. науч. статей по материалам междунар. науч. конф. памяти д.ф.н., проф. Л.А. Араевой, Кемерово, 6-8 февраля 2025 г. / под ред. Н.В. Мельник (науч. ред.), Э.С. Денисовой (отв. ред.), С.В. Оленева, Ю.С. Игнатовой; Кемеровский государственный университет. – Электрон. дан. – Кемерово, 2025. – С. 152-158.

6. Белова П.Е. Городские площади: взаимосвязь функций и пространства в русской языковой картине мира // В кн.: Значение как феномен актуального языкового сознания носителя языка / Науч. ред.: А.В. Рудакова. Под общ. ред.: М.А. Стерниной, Г.А. Заварзиной, Е.А. Маклаковой, М.Е. Новичихиной, А.О. Стеблецовой. – Вып. 9. – М.: ООО «Издательство Ритм», 2023. – С. 84-93.

7. Белова П.Е. Особенности реализации концепта «пространство» в русской поэзии (на материале поэтического подкорпуса НКРЯ) // В кн.: Современная лингвистика: от теории к практике: III Казанский международный лингвистический саммит: (Казань, 14-19 ноября 2022 г.): тр. и матер.: в 3 т. / Под общ. ред.: И.Э. Ярмакеева, Ф.Х. Тарасовой. – Т. 1. – Каз.: Издательство Казанского университета, 2023. – С. 157-161.

8. Балакина Ю.В., Белова П.Е., Соснин А.В. Пространство и время в русскоязычной и англоязычной картинах мира // В кн.: Теория и практика лингвистического описания разговорной речи: Выпуск 4 (33): Сборник научных статей по материалам международной конференции «Скребневские чтения» 27-28 октября 2022 г. / Отв. ред.: И.Н. Кабанова. – Вып. 4(33) – Н.Новгород: НГЛУ им. Н.А. Добролюбова, 2022. – С. 30-40.

9. Белова П.Е. Особенности восприятия и представления Москвы в русской поэзии XXI века // В кн.: Актуальные проблемы лингвистики и литературоведения: сборник материалов Международной научной конференции, посвященной памяти профессора Л.А. Араевой (3-4 февраля

2022 года, Москва) / Отв. ред.: Э.М. Афанасьева. – М.: Государственный институт русского языка им. А.С. Пушкина, 2022. – С. 372-376.

10. Белова П.Е. Мифы и мотивы московского текста в русской лингвокультуре XXI века // Журнал филологических исследований, 2022. – Т. 7. – № 3. – С. 87-91.

Структура работы. Диссертация состоит из Введения, трёх глав, включающих 13 разделов, Заключения и Библиографического списка, состоящего из 165 наименований использованных источников.

Во **Введении** содержится информация о цели и задачах работы, обозначен объект и предмет исследования, перечислены используемые методы исследования, описаны существующие в отечественной лингвистике научные работы на тему пространства, определена новизна, теоретическая и практическая значимость исследования, представлена теоретическая база и материалы исследования, сформулированы положения, выносимые на защиту и сведения об апробации работы.

В **первой главе «Теоретические основы изучения представления пространства в языковом сознании»** отражены существующие концепции пространства, которые легли в основу дефиниций понятия «пространство» в различных отраслях науки, описаны ключевые для данной работы понятия «концептуализация» и «категоризация» и раскрыты основные аспекты концептуализации и категоризации пространства в русской культуре.

Во **второй главе «Реконструкция структуры ключевой ментальной категории «пространство» в русском языке»** представлены результаты реконструирования структуры категории «пространство» в русском языке на современном этапе путём дефиниционного анализа лексемы, номинирующей категорию, анализа данных проведённого свободного и направленного ассоциативного эксперимента и данных, полученных с использованием метода субъективных дефиниций, а также путём обращения к текстам художественной литературы, представленным в НКРЯ, с целью анализа вербализации концепта ПРОСТРАНСТВО.

В третьей главе «Языковая концептуализация пространства города в русской художественной прозе второй половины XX века – первой четверти XXI века» по данным подкорпусов художественных текстов НКРЯ прослеживается динамика того, как в русской языковой картине мира со временем менялось восприятие пространства города в совокупности образующих его элементов – площадей, улиц, проспектов, бульваров и набережных.

В Заключении представлены итоговые выводы по проведённому исследованию.

ГЛАВА I. ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ ОСНОВЫ ИЗУЧЕНИЯ ПРЕДСТАВЛЕНИЯ ПРОСТРАНСТВА В ЯЗЫКОВОМ СОЗНАНИИ

1.1. Общая характеристика понятия «пространство» и степень изученности проблемы в философии, культурологии, лингвистике

Пространство является базовой категорией бытия и познания, которая играет важную роль в жизни людей. Как пишет А.Э. Левицкий, «пространство предстаёт в качестве одного из измерений человеческого бытия как в физическом, так и в духовном плане <...> Пространство воспринимается человеком не просто как объект мироздания, но как антропоцентрически преобразованное им самим образование» [Левицкий 2008: 697].

Если обратиться к истории, то в архаичном сознании, ещё до формирования пространства как чёткой абстрактной категории наряду со временем, оно представлялось разнородным, ограниченным, отделённым от бесконечного неорганизованного хаоса и структурированным. В организации пространства (в горизонтальной плоскости) чаще всего выделялся центр и четыре направления – стороны света. По вертикали деление пространства было троичным (мир небесный, земной и подземный). Верхний мир был предназначен для жизни богов, средний мир есть пространство бытия человека и других земных существ и сакральных объектов. Обитателями нижнего мира были божества подземного царства. Об этих изначальных представлениях о пространстве мы узнаём из мифов, ритуалов и древнего искусства, то есть из языка и культуры народов.

Появление самого понятия «пространство» восходит к античным временам и приходится на период около V века до н.э. Уже тогда античные философы наблюдали за окружающим их миром и пытались дать определение той сущности, в которой они находились. Существовавшие в ту пору идеи о пространстве можно объединить в две группы. Левкипп и его ученик Демокрит – основоположники натурфилософской идеи «атомизма» и субстанциональной концепции – определяли пространство в контексте атомистического видения реальности. Согласно этому подходу, материальный

мир состоит из крошечных частиц, или атомов, движущихся в пустоте. Пространство как раз и воспринималось некой безграничной пустотой («вместилищем»), где существуют неделимые частицы материи (атомы). Оно мыслилось изотропным и однородным и не имело преимущественных направлений и мест (центра и периферии, верха и низа).

Наиболее яркое воплощение субстанциональная концепция нашла в Новое время в трудах философов XVII века и в механике И. Ньютона. Пространство в механике Ньютона характеризовалось как однородное во всех своих частях, неподвижное, трёхмерное (высота, ширина и длина), изотропное (его свойства не зависят от направления) и представлялось вместилищем для тел материального мира. Как отмечал Э. Мах, «<...> именно со времени Ньютона время и пространство стали теми самостоятельными и, однако, бестелесными сущностями, которыми они считаются по настоящее время... Для Ньютона время и пространство представляют нечто сверхфизическое: они суть первичные, независимые переменные, непосредственно недоступные, по крайней мере, точно не определяемые, направляющие и регулирующие всё в мире. Как пространство определяет движение отдалённых планет вокруг Солнца, так время делает согласными отдалённые небесные движения с незначительнейшими процессами здесь на земле» [Мах 1909: 421].

Кроме того, именно Ньютон разделил пространство на абсолютное и относительное, являющееся частью абсолютного пространства: «Абсолютное пространство, по самой своей сущности безотносительное к чему бы то ни было внешнему, остаётся всегда одинаковым и неподвижным. Относительное есть его мера или какая-либо ограниченная подвижная часть, которая определяется нашими чувствами по положению его относительно некоторых тел и которая в обыденной жизни принимается за пространство неподвижное» [Ньютон 1989: 30]. Из вышесказанного следует, что, согласно субстанциональной теории, пространство представляет собой пустоту и рассматривается как некое вместилище реально существующих материальных объектов, которые, в свою очередь, не могут существовать без него.

Вторая группа представлений о пространстве (реляционная концепция) базируется на идеях Аристотеля. Он критиковал Демокрита за утверждение о том, что существуют только атомы и пустота, и отрицал существование пустоты. Рассуждая о пространстве, Аристотель отметил, что оно выступает в качестве некоего отношения предметов материального мира и является системой мест, где располагаются материальные объекты. «Место не есть ни материя, ни форма, ни протяжение, но то, в чём помещается тело. Место пространственно, то есть трёхмерно, и обладает некой силой, обуславливающей движение относительно него, само при этом являясь неподвижным. Всякое тело движется к своему естественному месту, в котором покоится, целый космос в связи с этим трактуется как система естественных мест» [Прокофьева 2017: 608].

В эпоху Просвещения взгляды Аристотеля развили Р. Декарт и Г. Лейбниц. Декарт отождествил пространство с материей и мыслил его заполненным без промежутков [Декарт 1950: 477-478]. По мнению Декарта, «пространство или внутреннее место <...> разнится от телесной субстанции, заключённой в этом пространстве, лишь в нашем мышлении. И действительно, протяжение в длину, ширину и глубину, составляющее пространство, составляет и тело» [Гайденко 2000: 124]. Никакого пустого пространства система понятий Декарта не допускала, пространство составляло сущность телесной субстанции. А согласно Лейбницу, пространство не являлось самостоятельной и независимой от материи реальностью. В его понимании «пространство представляет собой не что иное, как порядок сосуществования вещей, рассматриваемых в их одновременности» [Лейбниц 1982: 441, 473].

Подводя итог, заключим, что, с точки зрения реляционной концепции, пространство не существует независимо от материальных вещей и предметов. Это форма материи, которая выражает сосуществование материальных объектов. Окончательно реляционная концепция была утверждена благодаря неевклидовой геометрии Н. Лобачевского и теории относительности А. Эйнштейна. «Главный вывод теории относительности состоит в том, что

пространство – форма существования материи, оно не просто зависит от своего содержания – движущейся материи, а находится в единстве со своим содержанием, определяется движущейся материей» [Пойманова 2010: 37].

Как форма бытия материи пространство обладает рядом общих и частных свойств. *Объективность* (независимость от человеческого сознания) и *всеобщность* (имеют неразрывную связь с движущейся материей) – всеобщие свойства как пространства, так и времени. К частным свойствам пространства отнесём *протяжённость*, заключающуюся в способности пространства соединять и объединять все вещи и предметы материального мира, *трёхмерность*, *изотропность* и *однородность*. Среди них главным свойством пространства является *протяжённость*. Как писал А.М. Мостепаненко, пространство считалось «<...> как единая для всего мира эвклидова трёхмерная протяжённость, а время – как абсолютная универсальная длительность, которая всюду протекает равномерно» [Мостепаненко 1974: 108]. Частные свойства пространства также делятся на метрические, включающие количественные характеристики (размер, расстояние и т.д.), и топологические, связанные с качественными характеристиками, – связность, порядок, направление и т.д. [ФЭС 1983: 541-542].

Помимо субстанционального и релятивистского подхода к трактовке понятия «пространство», Б. Верленом также был добавлен третий – кантовский, или, по-другому, эпистемологическая трактовка пространства. В философии Нового времени пространство стало рассматриваться не только в связи с физическими телами, но и как продукт сознания и восприятия. В философии И. Канта пространство выступало априорной формой чувственного восприятия, лежащей в основе всех внешних созерцаний. Он отрицал пространство как объективную реальность или как явление опыта и рассматривал его как врождённое свойство сознания, предопределяющее саму возможность всякого визуального внешнего опыта [Прокофьева 2017: 607]. «Пространство не является эмпирическим понятием, полученным в результате

абстрагирования от внешнего опыта. Пространство – это необходимое представление, и, следовательно, оно априорно» [Верлен 2001: 33-34].

Описанные выше концепции пространства оказали продуктивное влияние на развитие целого ряда отраслей научного знания, и в первую очередь естественных наук – физики, географии, астрономии, отчего в настоящее время существует большое разнообразие дефиниций данного понятия. В каждой научной области существует своя модель пространства с присущими только ей характерными чертами. Например, с развитием физики понятие «пространство» стало связываться с понятием «гравитационного поля». Согласно представлениям современной науки, пространство – это не абсолютная пустота, а состояние, обладающее нулевой энергией (физический вакуум) и потому создающее собственное гравитационное поле.

Особую роль пространство играет в математике, где понимается как множество объектов, называемых его точками и соотносящихся между собой. В математике представлены различные виды пространств – метрическое (двухмерное, трёхмерное, четырёхмерное, многомерное), векторное, функциональное, топологическое – названные именами их открывателей: Евклида, Лобачевского, Римана, Гильберта, Минковского.

В географии пространство является «формой существования географических объектов и явлений в пределах географической оболочки», также это «совокупность отношений между географическими объектами, расположенными на конкретной территории и развивающимися во времени» [ГЭС 1988: 56]. Среди видов пространства, выделенных в географии С. Лещитским, отметим геодезическое, определяемое формой планеты; физико-географическое (суша, океан, море) и социально-экономическое пространство, включающее территории, на которых живёт человек.

Литературоведы изучают пространство в контексте сюжета, композиции и образов литературных произведений, обращая внимание на взаимосвязь их пространственных и временных аспектов. По мнению Н.А. Николиной, «пространство, моделируемое в тексте, может быть открытым или замкнутым,

конкретным или абстрактным, реальным или воображаемым, а также расширяющимся или сужающимся. Художественное пространство неразрывно связано с художественным временем, поскольку время – такой же обязательный атрибут денотативного пространства текста, как и пространство» [Николина 2003: 256].

Исследуя способы отражения категории пространства в языке, многие учёные связывают её с понятием местоположения, или локативности. В языковом сознании различные аспекты пространства отражаются в различных типах локализации: 1) *событийно-ситуативной*, включающей названия мест, где протекает жизнь человека и события, и обозначения географических понятий, ландшафта; 2) *событийно-динамической*, связывающейся с глаголами движения, с помощью которых описывается перемещение от начальной точки к конечной, а также с различными ориентирами в пространстве; 3) *предметно-соотнесительной локализации* (расположение предметов относительно друг друга); 4) *параметрической*, которая актуализирует перечисленные выше частные и общие свойства пространства; и 5) *субъективно-ориентированной*, связанной с восприятием человека и его местоположением [Апресян 1986].

В рамках языковедческих дисциплин пространство также изучается когнитивной лингвистикой, где рассматривается как один из важнейших концептов культуры, который включает в себя и человека, и «то, что он осознаёт вокруг себя, то, что видит простирающимся перед ним» [Кубрякова 1997: 24]. Говоря об образе пространства в сознании архаичного человека, Е.С. Кубрякова даёт следующее определение: «это обобщённое представление о целостном образовании между небом и землёй (целостность), которое наблюдаемо, видимо и осязаемо (имеет чувственную основу), частью которого себя ощущает сам человек и внутри которого он относительно свободно перемещается или же перемещает подчинённые ему объекты; это расстилающаяся во все стороны протяжённость, сквозь которую скользит его

взгляд (про-стран-ство) и которая доступна ему при панорамном охвате в виде поля зрения при её обозрении и разглядывании» [Кубрякова 2004: 466].

Следовательно, пространство представляется как целостная среда, имеющая чувственную основу, протяжённость и служащая вместилищем для объектов и человека. Некоторые учёные добавляют ещё один признак пространства – реверсивность, или симметрия, то есть возможность движения туда и обратно. Данное свойство отличает пространство от времени.

Важно понимать, что способы вербализации знаний о пространстве уникальны для каждого языка и основываются они «не только на объективных пространственных отношениях объектов внешнего мира, но и на средствах познания ситуации в целом, которые сознание использует для моделирования и категоризации мира. Человек структурирует пространство на основе своего восприятия и определения значимости отдельных его элементов, которые в сознании реализуются в виде концептов, для жизнедеятельности» [Колесов 2016: 36]. В результате такой переработки объективная информация об окружающем мире под действием коллективного и индивидуального сознания преломляется в сознании человека, а на её основе складываются образы-концепты [Шмелёва 2021: 200].

Таким образом, понятие «пространство» в ходе истории претерпело значительные изменения, начиная от его первоначального интуитивного восприятия до видения пространства Ньютоном (абсолютное пространство), но при этом оно всегда относилось к числу фундаментальных понятий и играло значимую роль в человеческом мышлении [Ахундов 1982: 23]. Тем не менее единой дефиниции данного понятия нет до сих пор. Можно лишь сказать, что современное понимание пространства с точки зрения науки во многом основано на положениях теории относительности А. Эйнштейна, а сам термин часто ассоциируется с понятием «время». Среди основных характеристик пространства, важных для человеческого восприятия, отмечается протяжённость, связность, непрерывность и трёхмерность.

Помимо научного понимания пространства существует и обыденное, связанное с познавательной, практической и эмоциональной деятельностью человека и обусловленное ценностями конкретной культурно-исторической эпохи. В отличие от научного, в обыденном понимании пространства отсутствуют его точные количественные характеристики, из чего следует, что топологические свойства в стандартно-бытовом понимании преобладают над метрическими. При этом общей чертой научного (кроме пространства-пустоты) и наивного понимания пространства является его неразрывная связь с объектами материального мира. А различия между типами знаний находят своё отражение в особенностях классификации пространства, основой которой становится как научное, так и обыденное знание, последнее при этом проявляется в языковых значениях в большей степени и является приоритетным для человека. В связи с этим проводимое исследование будет нацелено в первую очередь на изучение стандартно-бытового понимания пространства (его первичной концептуализации), а также вторичной концептуализации путём обращения к текстам художественной литературы.

1.2. Концептуализация и категоризация как основные способы познания мира

Концептуализация и категоризация относятся к числу основных мыслительных процессов, непосредственно связанных с языком и с формированием картины мира в сознании человека [Болдырев 2004]. Тесную взаимосвязь и важность данных познавательных процессов отмечает и Е.С. Кубрякова, по мнению которой «пробуждающееся мышление изначально было неразрывно связано с процессами концептуализации и категоризации действительности» [Цит. по Чистякова 2015: 27]. Освоение окружающего мира связано с необходимостью соотнести тот или иной элемент действительности с какой-либо категорией и присвоить ему соответствующее имя, а значит, приписать этому элементу определённые признаки. Такая классификационная деятельность важна для каждого человека, и особое место

в ней отводятся упомянутым выше процессам концептуализации и категоризации, изучением которых занимаются специалисты когнитивно-семантического направления, такие как Н.Н. Болдырев, А. Вежбицка, В.З. Демьянков, Е.С. Кубрякова, З.Д. Попова, И.А. Стернин и др.

Для более точного описания интересующих нас феноменов приведём несколько определений указанных познавательных процессов из различных научных источников:

«Концептуализация – один из важнейших процессов познавательной деятельности человека, заключающийся в осмыслении поступающей к нему информации и приводящей к образованию концептов, концептуальных структур и всей концептуальной системы в мозгу человека» [КСКТ 1996: 93].

«Концептуализация – это процесс формирования знания человека о мире и о себе самом на основании ментальной обработки разнородной информации, полученной в результате сенсорного, моторного, эмоционального опыта человека, а также в результате его мыслительной деятельности и действия воображения, с учётом исторического, социально-культурного, физического, языкового и иного контекста» [Дзюба 2018: 34].

Иначе говоря, концептуализация – это познавательный процесс, направленный на выделение, осмысление и закрепление результатов познания в виде концептов, отражающих представление «о тех смыслах, которыми оперирует человек в процессах мышления и которые отражают содержание опыта и знания, содержание результатов всей человеческой деятельности и процессов познания мира...» [КСКТ 1996: 90]. Концепт – «это единица осмысленного (осознанного) знания о каких-то событиях, предметах, их отдельных свойствах, характеристиках, взаимосвязях с другими предметами и событиями, которой оперирует человек в процессе речемыслительной деятельности» [Болдырев 2009: 25-26].

Если сначала концепт рождается как чувственный образ, то со временем он начинает приобретать рациональные и эмоциональные признаки, расширять своё содержание и становится собственно мыслительным образом

– объёмным и многослойным концептом [Попова, Стернин 2007: 125], содержание которого познаётся посредством выявления его различных характеристик. Многие концепты в условиях преобразований в человеческом обществе существенно изменяются, «усложняется как образный компонент концепта, так и рациональная составляющая – информационный минимум и интерпретационные признаки» [там же: 125], а некоторые даже исчезают. Таким образом, концептуализация представляет собой динамический процесс, имеющий место как обществе, так и в индивидуальном сознании.

Нельзя не отметить и многоуровневый характер концептуализации. «На уровне первичной концептуализации в сознании человека происходит первичное формирование концептов как «квантов структурированного знания», идеальных, абстрактных единиц, смыслов, которые отражают содержание полученных знаний, опыта, результатов всей деятельности человека и результаты познания им окружающего мира и позволяют ему оперировать ими в процессе мышления. В рамках эмпирического опыта создаётся чувственно-наглядное представление, которое существует в виде конкретного образа, о воспринимаемом органами чувств предмете или явлении и имеет прямую соотнесённость с действительностью» [Ланге-Соболева 2022: 146]. Вторичная концептуализация предполагает осмысление мира с точки зрения субъекта познания. «Говоря о сущности вторичной концептуализации, следует подчеркнуть важную роль метафоры, метонимии, сравнения, которые выступают главным моментом в формировании вторичной концептуализации. Метафорические когнитивные модели отображают перенос пропозициональных моделей одной области на соответствующие структуры другой области. В свою очередь, метонимические когнитивные модели используются для ссылки на объект, связанный с первоначальным объектом действительности. Концептуальное сравнение используется во вторичной концептуализации как способ переноса характеристики одного концепта на другой концепт с опорой на их подобие» [Ланге-Соболева 2022: 147]. Таким образом, концептуализация в лингвистике

делится на первичную и вторичную. В ходе первичной путём восприятия и наблюдения человек получает феноменологическое знание. На этапе вторичной концептуализации формируется конкретный смысл и происходит субъективное выделение характеристик, необходимых человеку для объяснения действительности [Магировская 2009: 79-95].

«Категоризация – мыслительная операция, направленная на формирование категорий как понятий, предельно обобщающих и классифицирующих результаты познавательной деятельности человека» [НФС].

«Категоризация – в узком смысле подведение явления, объекта, процесса и т.п. под определённую рубрику опыта, категорию и признание его членом этой категории, но в более широком смысле – процесс образования и выделения самих категорий, членение внешнего и внутреннего мира человека сообразно сущностным характеристикам его функционирования и бытия, упорядоченное представление разнообразных явлений через сведение их к меньшему числу разрядов или объединений и т.п., а также – результат классификационной (таксономической) деятельности. Категоризация – одно из ключевых понятий в описании познавательной деятельности человека, связанное едва ли не со всеми когнитивными способностями и системами в его когнитивном аппарате, а также с совершаемыми в процессах мышления операциями – сравнением, отождествлением, установлением сходства и подобия и т.п.» [КСКТ 1996: 42].

Как уже отмечалось ранее, концептуализация неотделима от категоризации, но по своей природе они имеют различные цели. Процесс концептуализации заключается «в выделении неких минимальных единиц человеческого опыта в их идеальном содержательном представлении» и в определении набора когнитивных признаков какого-либо явления, категоризация же направлена на «объединение единиц, проявляющих в том или ином отношении сходство или характеризующихся как тождественные, в более крупные разряды – категории» [КСКТ 1996: 93], то есть первый процесс направлен на идентификацию, второй – на дифференциацию.

Способность к категоризации лежит в основе человеческого мышления и является его неотъемлемой частью: «Не будь у нас способности к категоризации, мы не смогли бы действовать вообще, ни в физическом мире, ни в нашей социальной или интеллектуальной жизни» [Лакофф 2004: 20]. Часто мы даже не обращаем внимания на то, каким образом осуществляется отнесение тех или иных объектов к какой-либо категории, настолько это происходит незаметно, неосознанно. Как пишет Н.Н. Болдырев, «знания о категориях хранятся в нашем сознании в виде концептов того, что есть, и того, какие объекты могут быть отнесены к этой категории. Имея в сознании концепт, например, какого-либо объекта и осознавая его основные характеристики, человек может относить другие объекты к этой категории на основании общности каких-либо признаков и характеристик, определять, какие образцы являются более типичными для данной категории, какие – менее типичными и т.д.» [Болдырев 2015: 30].

Процесс категоризации состоит из нескольких этапов осмысления реальности: «*когнитивная элекция* (фокусирование человеческого сознания на определённом фрагменте действительности, то есть выбор объектов для когнитивной обработки) – *когнитивная идентификация и категоризация* (сопоставление объекта познания с членами знакомых категорий по выявленным признакам категоризации и его отнесение к определённой категории) – *категориальная номинация* (присвоение объекту познания категориального имени)» [Дзюба 2018: 35]. «К особенностям категоризации в когнитивной лингвистике относится соотнесение её и с ментальной, и с языковой областями. В первом случае происходит выявление существенных признаков у познаваемого объекта, сопоставление с известными членами естественных категорий, во втором – подведение нового знания под категории языка или наложение языковых категорий на фрагмент познаваемой действительности» [Дзюба 2018: 35].

Обобщим вышесказанное и отметим основные положения теории категоризации: в основе формирования категории (концептуального

объединения объектов) лежит определённый концепт → разнообразие концептов определяет существование разных категорий → специфика категориального концепта обуславливает структуру и содержание категории → все знания хранятся в нашей памяти в категориальной форме.

В науке существует три взгляда на объединение предметов по категориальному признаку. Первый из них, существовавший на протяжении более двух тысяч лет – классический, или традиционный, подход, сформулированный ещё Платоном и Аристотелем. Согласно этому подходу, содержание любой категории определяется через совокупность обязательных признаков, свойственных всем её представителям. При этом все входящие в категорию элементы равноправны, а её границы строго детерминированы: предмет либо является членом категории, либо нет.

Второй принцип формирования категорий, благодаря австрийскому философу Л. Витгенштейну, получил название категория «семейного сходства». На примере категории “Spiel” («Игра») он установил, что не существует таких свойств, которые были бы общими для всех членов категории. Сходства между элементами категорий то появляются и множатся, то исчезают. «Категория не имеет чётких границ и строится на некотором подобии тех или иных характеристик. Один и тот же признак может присутствовать у одного члена категории и отсутствовать у другого, у разных членов категории признаки встречаются в разном сочетании» [Болдырев 2000: 83, Болдырев 2015: 31]. По мнению Т.Г. Скребцовой, «идея «семейного сходства» не противоречит наличию общих свойств у всех членов категории, но и не требует этого, так что допускается существование категорий, где этот принцип классической теории не соблюдается» [Скребцова 2011: 86].

Возникновение третьего подхода (прототипического) связано с именем американского психолога Элеоноры Рош. При данном подходе, в основу которого легли исследования когнитивно-мыслительных процессов человека, центр категории образуется вокруг прототипа – яркого представителя категории, обладающего наиболее характерными её признаками. Прототип –

«концепт, лежащий в основе формирования категории и определяющий её содержание» [Болдырев 2000: 83]. Принадлежность объекта к категории определяется его сходством с прототипом. Категории не имеют строго очерченных границ, а члены категории не равноправны между собой.

В рамках прототипического подхода выделяется два уровня категоризации. «На первом, горизонтальном, уровне объединяются объекты одной и той же степени обобщения. На втором, вертикальном, формируется трёхступенчатая иерархия: высший уровень (суперординатный), средний (базовый) и низший (субординатный), образующие вместе таксономическую модель» [Болдырев 2015: 90]. В отличие от базового уровня, где категоризация связана с делением целостного объекта на части, на субординатном уровне происходит конкретизация знаний об объектах на основе каких-либо характеристик, специфицирующих объект в плане его составных частей. Сюда относятся 1) единицы, определяемые в словаре через единицы базового и переходного уровней; 2) морфологически сложные слова, производные от других слов; 3) стилистически окрашенные слова и 4) единицы, называющие конкретные виды чего-либо [Болдырев 2015: 95-96].

На суперординатном уровне расположены объекты высокого уровня обобщения и абстрактности, обладающие основным признаком, характерным для большинства членов категории. «Они строятся на основе концептов логического плана, обобщающих постоянные характеристики, которые свойственны целым классам объектов. Суперординатный уровень, как правило, задаёт область категоризации объектов. К этому уровню обычно относятся слова широкой и абстрактной семантики» [Болдырев 2015: 96]. Таким образом, для отнесения объектов к какой-либо категории необходимо наличие специальных знаний, общих и отличительных характеристик.

Настоящее исследование направлено на выявление особенностей концептуализации и категоризации пространства в русском языке, и здесь в первую очередь нужно выявить основные характеристики концепта ПРОСТРАНСТВО, поскольку «любая категоризация имеет концептуальное

основание, и именно эти характеристики будут определяющими для категоризации <...> Концептуальные характеристики могут быть выявлены через значения языковых единиц, репрезентирующих данный концепт, их словарные толкования, речевые контексты» [Болдырев 2015: 40]. Затем необходимо определить, на основании чего возможна классификация членов категории пространство, и осуществить категоризацию пространства на суперординатном, базовом и субординатном уровнях.

1.3. Основные аспекты концептуализации и категоризации пространства в русской культуре

Организация существования человека неразрывно связана с познанием пространства, в котором он находится. Прежде чем поселиться в каком-либо месте, люди сначала начинали его исследовать, осмысливать, а также ориентироваться в нём, поэтому его познание оказывало большое влияние не только на формирование территорий будущих государств, но и на менталитет народов, что и отметил в своём основополагающем труде «Этногенез и биосфера Земли» Л.Н. Гумилёв: «прямое и косвенное воздействие ландшафта на этнос не вызывает сомнений... на этнические процессы ландшафт влияет принудительно» [Гумилёв 2002: 58]. Так, например, для осёдлых народов, которые были привязаны к своей территории, важными были топологические характеристики, ландшафт их места обитания, наличие в нём водоёмов, лесов, полей. Кочевники же пространство завоёвывали и опустошали, для них оно становилось бесконечным. Вот почему в картинах мира разных народов мы находим свои особенности развития категории «пространство».

По определению В.В. Красных, «картина мира по сути есть отражение окружающего мира в голове человека» [Красных 2001: 65]. Однако, как пишет Г.В. Колшанский, картина реального мира, отображённая в сознании индивида, является «вторичным, идеальным миром в языковой плоти» [Колшанский 1990: 18] и определяется как языковая картина мира. Язык, являясь формой существования мыслительной деятельности человека,

«отражает и закрепляет реалии, абстрактные понятия и т.д., отработанные историческим прошлым данного народа» [Леонтьев 1969: 13]. По этой причине в каждом языке картина мира получает свою особую форму выражения с присущими ей национальными особенностями.

Черты концептуализации пространства в русском языке позволяет выявить этимологический анализ ключевой лексемы *пространство*¹. История слова *пространство* берёт начало в старославянском языке. Оно является производным от основы прилагательного *пространыи* в значении 'широкий, просторный' или *пространьнь* («просторный») [Шанский 2000, Шапошников 2019: 236]. То есть изначально понятие «пространство» связывалось не с конкретным ограниченным местом, а с бесконечной и неструктурированной ширью. Именно поэтому в русском языке существует большое количество слов, использующихся для выражения огромных расстояний: *раздолье, приволье, ширь, даль*. Русская национальная картина мира не существует без большого пространства, отсюда и *широта* – одно из душевных качеств нашего сознания. Исследователь древнерусской культуры академик Д.С. Лихачёв замечает: «Широкое пространство всегда владело сердцами русских. Оно выливалось в понятия и представления, которых нет в других языках. Чем, например, отличается воля от свободы? Тем, что воля вольная – это свобода, соединённая с простором, ничем не преграждённым пространством», – а далее Д.С. Лихачёв говорит о том, что «воля – это большие пространства, по которым можно идти и идти, брести, плыть по течению больших рек и на большие расстояния, дышать вольным воздухом, воздухом открытых мест, широко вдыхать грудью ветер, чувствовать над головой небо, иметь возможность двигаться в разные стороны» [Лихачёв 2000: 157].

Связь между пространством и широтой отмечают также российские философы, формулируя идею о влиянии больших пространств на русскую

¹ Результаты данного этапа исследования были опубликованы в статье: Белова П.Е. Особенности реализации концепта «пространство» в русской поэзии (на материале поэтического подкорпуса НКРЯ) // В кн.: Современная лингвистика: от теории к практике: III Казанский международный лингвистический саммит: (Казань, 14-19 ноября 2022 г.): тр. и матер.: в 3 т. / Под общ. ред.: И.Э. Ярмакеева, Ф.Х. Тарасовой. – Т. 1. – Каз.: Издательство Казанского университета, 2023. – С. 157-161.

ментальность: «Эти необъятные русские пространства находятся и внутри русской души и имеют над ней огромную власть. Русский человек чувствует себя беспомощным овладеть этими пространствами и организовать их. Широкий русский человек, широк как русская земля, как русские поля» [Бердяев 1998: 326-327]. И эта широта проявляется в многогранности русского менталитета. Не будучи в силах освоить огромные просторы своей страны, русский крестьянин обживал и рачительно организовывал ближайшее к себе пространство, возделывая на нём каждый клочок земли.

Русское пространство наполненное, событийное, но в то же время невозделанное, не имеющее дорог. На территории России преобладают леса, в отличие от Европы, являющейся территорией садов. Пространство само по себе европейцы воспринимают недостаточным, они считают его пустым и требующим заполнения, поэтому начинают его возделывать и украшать. Да и профессия садовника нерусская. Испокон веков в России всё росло само, то же самое и с русскими дорогами, которые прокладывались сами собой. Извилистые немощёные дороги являются частью русского пространства, поэтому каждая поездка по ним – своего рода приключение [Дугин 2011].

По мнению известного российского литературоведа и культуролога Г.Д. Гачева, любовь русского человека к пространству выражена уже в самом слове: «В русском же слове "пространство" <...> слышится "страна моя!", "сторонка" – интимное, сердечное, однокоренное», и образовано это отвлечённое понятие не от иноземного корня, как в английском и французском языке, а от своего, русского. Русское пространство мыслится «живым, родным и конкретнымместилищем жизни живой, а не просто пустотой для неограниченного бытия тел. В других языках нет этого сопряжения понятий Пространства и Страны» [Гачев 1995: 178].

Однокоренными пространству являются слова *простор*, *простира́ть*, *сторона*, *страна* и др. Пространство интересовало русского человека именно как простор, место для шумных празднеств и гуляний, что связано с особенностями национального характера. При этом *простор* в русском языке

не всегда обозначал пространность. Нередко это слово употребляли, когда речь шла о необходимости освободить место (см. посторониться – отойти в сторону, освободив место для чего-либо). Кроме того, как отмечал В.Н. Топоров, пространство тесно связано с понятием места, причём не места вообще, а конкретного, расположенного вокруг чего-либо места, имеющего свои границы, за которыми расположено нечто чужое, незнакомое [Топоров 2004: 14-15]. С этой точки зрения место является окультуренным миром человека, огороженным границей, и противопоставляется простору, представляющему собой неограниченную, неосвоенную пустоту.

Как уже было отмечено ранее, пространство может осмысливаться вертикально и горизонтально. Г.Д. Гачев считает, что русское пространство – это горизонталь: даль, ширь, дорога – идеи, священные для русского народа и отражающиеся в разных видах искусства. Русский пейзаж – это равнинные степи и бескрайние поля. Русская музыка – это плавность, линейность, раскатистость. А вот в Германии и Италии, наоборот, преобладает вертикальное измерение, отражающееся и в языке, и в архитектуре, и в музыке.

Однако в русской культуре пространство осмысливается не только как физическая категория, характеризующаяся протяжённостью и объёмом и обладающая свойством безграничности. Оно также рассматривается как философская категория (пространство воспринимается как всеобщая форма бытия материального мира), обладающая как общими (объективность, независимость от сознания), так и специфическими свойствами. При этом особая черта русской философии – понимание пространства как категории, неразрывно связанной с человеком и играющей активную роль в его жизни. А в последнее время частотное упоминание пространства как психологической категории, включающей понятие «жизненного пространства» человека.

Таким образом, наполнение содержания понятия «пространство» осуществляется в зависимости от той или иной картины мира, а также под влиянием природных факторов и культурных составляющих, в связи с чем обращение к исследованию данного понятия позволяет описать, каким

образом представители отдельной культуры ментально конструируют мир вокруг себя. Так, в русской языковой картине мира пространство занимает особое, священное место. Оно возводится к таким понятиям, как «простор», «раздолье», «протяжённость», «место», «дом», «семья» и др., и на протяжении жизни пространство человека расширяется. При этом для его восприятия большее значение имеет ширина, обеспечивающая свободу действий.

Кроме того, пространство в менталитете русского человека делится на отгороженное от внешнего мира место жительства и ещё не изведанную, не освоенную территорию за пределами дома и двора. При этом, если раньше желающих путешествовать было мало, ввиду того путешествия считались признаком отступничества, то со временем русский человек стал активно исследовать как внутренние, так и внешние территории.

Наконец, пространство в русской культуре представляет собой сложную многоуровневую систему, где философские, физические и психологические аспекты тесно переплетаются между собой, образуя уникальное явление, основанное на взаимосвязи природных и культурных компонентов, на принципах антропоцентричности и духовной наполненности.

Выводы по Главе I

Анализ научной литературы по теме диссертационного исследования показал, что первоначальные определения понятия «пространство» появились ещё в античные времена, а в дальнейшем с развитием философии и становлением научных дисциплин вкладываемая в данное понятие идея претерпела определённые изменения. «На современном этапе развития философской мысли категория пространство трактуется как всеобщая форма существования материи, как форма сосуществования материальных объектов и процессов <...> Всеобщие свойства пространства – протяжённость, единство прерывности и непрерывности» [Ивашкевич 2015: 13-14].

В рамках данного диссертационного исследования особое внимание уделяется взаимосвязи языка и сознания, в частности – проблеме

концептуализации и категоризации пространства. Именно она находится в центре внимания новых когнитивно-антропологических исследований, и вот по какой причине. Если раньше пространство считалось универсальной категорией, то начиная с 1980-х годов с развитием типологии пространственных значений и увеличением количества исследовательского материала начинается переосмысление универсалистской позиции. На сегодняшний день мы можем говорить о том, что в концептуализации и категоризации пространства в разных языках мира будут наблюдаться различия, которые получают отражение на когнитивном уровне.

Формирование знаний о пространстве с точки зрения когнитивной лингвистики объясняют «выделением особых ментальных образований – концептов, в содержании которых репрезентированы свойства физического пространства» [Ивашкевич 2015: 14]. Результаты концептуализации пространства дают возможность выявить общие принципы и механизмы, участвующие в процессе формирования категорий языка, что позволяет расширить научные представления об особенностях языковой концептуализации и категоризации пространства в русском языковом сознании.

Так, исследование основных аспектов концептуализации пространства в русской культуре по данным словарных и научных источников показало, что русские люди придавали пространству особое значение. Они, в отличие от европейцев, считали его сакральным, ценным. Пространство связывалось с безграничной и неструктурированной ширью, на эту связь указывает сама этимология номинирующей концепт лексемы *пространство*, а также труды исследователей древнерусской культуры и отечественных философов. В то же время отмечалась тесная связь пространства с понятием конкретного места, отделённого границами от мира незнакомого и чужого. Место считалось своим, обжитым миром, а ему противостоял неосвоенный простор за пределами дома. С точки зрения деления пространства по вертикали и горизонтали, русское пространство – это горизонталь: даль, ширь, дорога – священные понятия для русского народа.

ГЛАВА II. РЕКОНСТРУКЦИЯ СТРУКТУРЫ КЛЮЧЕВОЙ МЕНТАЛЬНОЙ КАТЕГОРИИ «ПРОСТРАНСТВО» В РУССКОМ ЯЗЫКЕ

2.1. Дефиниционный анализ лексемы *пространство*

В русском языке XI-XVII вв. уже было известно слово *пространьство*, произошедшее от церк.-славянского *пространьство*, производного с помощью суффикса «-ьство» от основы прилаг. *пространьи* «просторный, широкий» или *пространьнь* «просторный» [Шапошников 2019: 576]. Однако в «Толковом словаре живого великорусского языка» В.И. Даля, созданном в XIX веке, лексема *пространство* в отдельную словарную статью ещё не была вынесена, но использовалась при определении прилагательного *просторный* как образованное от него существительное. **Пространство** – «состояние или свойство всего, что простирается, распространяется, занимает место; самое место это, простор, даль, ширь и глубь, место по трём измерениям своим» [Даль 1882: 515]. Интересно отметить, что раньше прилагательное *просторный* могло употребляться с конкретной лексикой, обозначающей место: *просторные леса, луга, воды; просторное помещение*. Кроме того, лексема *пространство* используется как синонимичная единица наряду с *местом* и *пустотой* при определении слова *простор* – «пустое, порожнее, ничем не занятое место, относительная (не безусловная) пустота; пространство, по трём размерам своим» [Даль 1882: 515]. Далее рассмотрим значения слова *пространство*, зафиксированные в более поздних словарях.

В толковых словарях, созданных в XX веке под редакцией Д.Н. Ушакова (1935-1940), С.И. Ожегова и Н.Ю. Шведовой (1997), С.А. Кузнецова (1998), В.В. Лопатина и Л.Е. Лопатиной (1998), Т.Ф. Ефремовой (2000), а также в Малом академическом словаре под ред. А.П. Евгеньевой (1999) зафиксировано от трёх до пяти словозначений пространства:

- «одна из форм (наряду со временем) существования бесконечно развивающейся материи, характеризующаяся протяжённостью и объёмом» [Ушаков 1935-1940, Ожегов и Шведова 1997, Кузнецов 1998, Лопатин и

Лопатина 1998, Евгеньева 1999, Ефремова 2000]. В данной дефиниции актуализируются такие компоненты значения слова *пространство*, как *'форма'*, *'имеющая протяжённость'*, *'объём'*;

- «протяжённость, место, не ограниченное видимыми пределами» [Ожегов и Шведова 1997, Кузнецов 1998, Евгеньева 1999, Ефремова 2000], компоненты значения: *'протяжённость'*, *'место'*, *'не имеющее границ'*;

- «промежуток между чем-нибудь, место, где что-нибудь вмещается» [Ушаков 1935-1940, Ожегов и Шведова 1997, Кузнецов 1998, Лопатин и Лопатина 1998, Евгеньева 1999, Ефремова 2000], компоненты значения: *'промежуток'*, *'место'*, *'предназначенное для размещения чего-либо'*;

- «поверхность, земельная площадь» [Ушаков 1935-1940, Евгеньева 1999], компоненты значения: *'поверхность'*, *'площадь'*, *'земельная'*;

- «большая площадь чего-либо» [Кузнецов 1998, Ефремова 2000], компоненты значения: *'площадь'*, *'имеющая большой размер'*. В Большом академическом словаре русского языка (2012) под редакцией А.С. Герда данные два значения объединены в одно – «большой участок земной, водной поверхности».

В процессе анализа нами был получен набор семантических компонентов каждого из значений слова, которые можно рассматривать как содержательные признаки пространства. Первыми семантическими компонентами, входящими в словарные дефиниции слова *пространство*, стали *'форма'*, *'место'*, *'промежуток'*, *'поверхность'*, *'площадь'*, отражающие основные типы пространства. Другие выявленные компоненты указывают на дополнительные признаки пространства, среди которых отмечается *'протяжённость'*, *'объём'*, *'отсутствие границ'*, *'большой размер'*, а также его предназначение: *'для размещения чего-либо'*.

Кроме того, в МАС под ред. А.П. Евгеньевой зафиксировано устаревшее значение слова *пространство* как «временного промежутка» [Евгеньева 1999: 528]. В русском толковом словаре под ред. В.В. Лопатина и Л.Е. Лопатиной, а также в «Большом академическом словаре русского языка» под ред.

А.С. Герда выделяют переносные значения данного слова как «предела, сферы воздействия каких-н. факторов, распространения чего-н.»: *правовое пространство, культурное пространство* [Лопатин, Лопатина 1998: 542], «предела, в котором существует какое-л. явление»: *пространство языка, пространство текста* [Герд 2012: 283]. Примечательно, что по данным толкового словаря конца XX века под ред. Г.Н. Складневской, в современном русском языке доминирующим становится переносное значение слова *пространство*: *единое экономическое пространство, постсоветское пространство, правовое пространство* и др. [Складневская 2005: 640].

Обобщив данные толковых словарей, можно сделать вывод о том, что лексема *пространство* представлена в следующих значениях:

1. «философское» – форма существования материи – то, в пределах чего существуют человек, Земля и т.д. и что характеризуется трёхмерностью и неограниченностью;

2. «физическое» – неограниченная протяжённость, большая площадь.

Данная группа содержит основные характеристики пространства, которые также возможно дополнить его мерой и величиной. Основываясь на классификации, представленной в «Русском семантическом словаре» под ред. Н.Ю. Шведовой, пространство можно конкретизировать по: а) направлению и протяжённости (*протяжение, сторона, высота, глубина*); б) состоянию, восприятию (*близь, даль, горизонт, простор*); в) его членению, сегментации (*отрезок, промежуток, сектор, участок*); г) его мере (*габарит, диаметр, площадь, объём, рост*); единицам измерения пространства (*аршин, метр, сантиметр*) [Шведова 2003: 40-41]. В связи с тем, что «физическое» значение пространства является достаточно широким, имеющим более обобщённый смысл, видится необходимым выделить в нём ещё несколько значений («географическое» и «территориальное»):

2.1. не имеющая чётких границ часть земной или водной поверхности;

2.2. пространство, имеющее какие-либо особенности;

2.3. пространство, которое располагается вокруг чего-либо;

- 2.4. часть государства, города;
- 2.5. большое пространство земли, вытянутое в длину;
- 2.6. пространство между чем-либо [Шушков 2008: 590-591].
3. «функциональное» – незаполненное место, предназначенное для чего-либо; свободное место, где что-либо вмещается и располагается;
4. «временное» – промежуток времени;
5. «переносное» – сфера распространения чего-либо.

В большинстве из этих значений лексема *пространство* имеет ряд синонимов, которые расширяют, уточняют исследуемое понятие и позволяют полнее описать его признаки. Согласно данным «Русского семантического словаря», пространство в его философской интерпретации соотносится с такими абстрактными понятиями, как *вечность, бесконечность, время, движение, материя, покой, теплота, энергия, качество, количество, величина, мера*, которые отражают базовые формы существования материи и служат для описания основополагающих характеристик окружающего мира. К пространству в этом значении приложимы такие адъективы, как *бесконечное, безграничное, бескрайнее, необъятное, мировое, небесное, воздушное, безвоздушное, космическое, окружающее* и др. [Морковкин 2017: 945].

Пространство во втором значении включает в себя свои основные характеристики (*огромное, громадное, большое, необъятное, широкое, ровное, холмистое, лесное, водное, морское, пустынное, степное, нетронутое, неисследованное, покрытое чем-л., снежное, голое, безжизненное* и др.), поэтому синонимичными ему будут слова *расстояние, простор, направление, протяжение, протяжённость, сторона, даль, ширь*. Пространство в своём «географическом» значении соотносится с такими понятиями, как *Земля, суша, море, небо, степь, воздух, зона, полоса* и др. Территориальное значение пространства указывает на тот факт, что его можно поделить на части (участки), ограничить, в связи с чем его синонимами в данном значении будут слова *территория, место, местность, область, район, участок, зона, край, площадь, земля, поле, промежуток, просвет, окрестность, округ* и др.

По своему функциональному предназначению пространство может быть местом, где что-либо вмещается, тогда синонимичными ему будут слова *помещение, дом, комната, палата, салон, класс, номер* и др. К пространству в этом значении приложимы такие адъективы, как *(не)большое, тесное, узкое, свободное, освещённое, (не)занятое, (не)заполненное, пустое, необходимое, удобное, замкнутое, рабочее* и др. Пространство имеет и переносное значение – сфера проявления, область распространения чего-либо. Сходной семантикой обладают слова *зона, диапазон, круг, область, охват, поле, радиус, сфера*.

Обращение к «Словарю-тезаурусу синонимов русского языка» под ред. Л.Г. Бабенко также показало, что денотативный класс 15.8 «Пространство» (входит в денотативную сферу «Восприятие окружающего мира») включает в себя четыре денотативные группы: 1) тип пространства; 2) место в пространстве; 3) характеристика пространства; 4) расположение в пространстве и пространственные ориентиры. Эти группы содержат синонимические ряды, соотносимые с понятием «пространство». Так, в группе «Тип пространства» синонимические ряды открывают слова-доминанты *вид, кругозор, окрестность, простор*; в группе «Место в пространстве» – *граница, границы, зона, край, местность, место, промежуток, территория, участок, центр*; в группе «Характеристика пространства» – *безграничный, людной, безжизненный, безлюдный, малопосещаемый, населённый, необитаемый, непроходимый, обширный, окольный, полный, пустой, расстояние*; в группе «Расположение в пространстве и пространственные ориентиры» мы встречаем наречия, существительные, отображающие направление перемещения предмета (субъекта) или указывающие на его местоположение, а также глаголы со значением размещения в пространстве: *близко, далеко, верх, низ, впереди, позади, север, юг, лежать, находиться, окружать, подниматься* и др. Перечисленные слова рассматриваются в словаре как близкородственные по семантике понятию «пространство» [Бабенко 2021: 194-197].

Анализ семантики исследуемого слова, а также материалов «Русского семантического словаря» и «Словаря-тезауруса синонимов русского языка»

позволил выявить синонимы, составляющие ядро номинативного поля лексем *пространство*, номинирующей концепт: *место, область, площадь, помещение, простор, протяжённость, промежуток*. В него вошли слова, чаще употребляющиеся в русском языке и в то же время уточняющие и дополняющие ключевую лексику. Их частотность была установлена по данным интернет-сайта *sinonim.org*. Выделенные синонимы в толковых словарях русского языка имеют следующие дефиниции (приведены релевантные для исследования значения слов):

- **место** – «1) пространство, которое занято кем-чем-н., на котором что-н. происходит, находится или где можно расположиться; 2) участок на земной поверхности, местность; 3) помещение, пространство, предназначенное для временного пребывания кого-н.» [Ожегов, Шведова 1997];

- **область** – «1) часть страны; территория, пространство. 3) б) Место, пространство, в пределах которого находится что-л.» [Ефремова 2000];

- **площадь** – «2) незастроенное небольшое и ровное место, от которого обычно расходятся в разные стороны улицы; 3) пространство, помещение, предназначенное для какой-н. цели» [Ожегов 2012];

- **помещение** – «2) внутренность здания, место, где кто-что-н. помещается» [Ожегов, Шведова 1997];

- **простор** – «1) свободное, ничем не стеснённое пространство; 2) перен. Отсутствие каких-л. ограничений, стеснений в чём-л.; свобода, раздолье» [Ефремова 2000];

- **протяжённость** – «обладание тремя измерениями (длиной, шириной, высотой)» [Ушаков Д.Н. 1935-1940];

- **промежуток** – «пространство или время, разделяющее что-н., находящееся между чем-н.» [Ожегов 2012].

Данные синонимы объективируют следующие признаки пространства в русском языке: *‘простирающееся в разных направлениях’*; *‘имеющее большой размер’*; *‘неограниченное’*; *‘предназначенное для кого-, чего-либо’*; *‘разделяющее что-нибудь, находящееся между чем-нибудь’*; *‘вмещающее что-либо’*.

Как видно из приведённых дефиниций, большинство единиц описывает физические характеристики того или иного типа пространства, то есть подчёркивается, что оно обладает большими размерами, ничем не стеснено и имеет три измерения. Другие слова (*место, область, помещение, промежуток, площадь*) содержат конкретное территориальное значение, при этом указывается, что это место имеет функциональное предназначение для размещения на нём чего-либо или пребывания в нём кого-либо.

Таким образом, проведённый анализ словарных дефиниций позволяет выявить постоянные характеристики концепта ПРОСТРАНСТВО в русском языковом сознании. Так, для русской культуры пространство представляется всегда большим, широким, необъятным, что отражается и в приведённых словарных определениях: «2. а) Неограниченная видимыми пределами протяжённость; б) Большая площадь чего-л.» [Ефремова 2000], 4. «Большой участок земной поверхности» [Кузнецов 1998]. Слово *пространство* редко употребляется при обозначении незначительного расстояния. Для этого есть существительные *промежуток, зазор, щель, проём, просвет*.

Кроме того, если в английской модели мира широко используется понятие «body distance» (личное пространство), а идея личного пространства отражена даже в словарной дефиниции слова *space* – «the possibility of privacy or time for yourself» (возможность уединиться и находить время для себя), то в словарях русского языка пространство в значении комфортной зоны пребывания человека не представлено. Обычно мы говорим: «Оставь меня в покое» или «Отстань от меня». В русском обществе границы личного пространства не являются такими устойчивыми, а их нарушение не влечёт за собой грубое нарушение общепринятых этических норм, что объясняется общинностью русской нации [Любимова, Титова 2014].

Подводя итоги анализа данных толковых и синонимических словарей русского языка, отметим, что «лексикографическое значение слова передаёт лишь часть содержания концепта. Словари отражают варианты осмысления слова, полученные из зафиксированных контекстов употребления, в то время

как постоянно появляются новые смыслы, в которых могут актуализироваться различные характеристики концепта, в том числе, не отражённые в системном значении слова» [Болдырев 2015: 45]. Поэтому следующим этапом нашего исследования была работа с материалами, полученными в ходе проведения экспериментов с носителями русского языка, и контекстами употребления лексемы *пространство* по данным НКРЯ с целью установления концептуальных характеристик пространства, не зафиксированных словарями.

2.2. Лингвокогнитивное моделирование содержания концепта ПРОСТРАНСТВО в сознании носителей русского языка²

Для изучения приёмов вербализации той или иной ментальной категории используются различные методы исследования: концептуальный, фреймовый, прототипический анализ, концептуальное, или когнитивное, моделирование. Теоретическое обоснование этих подходов представлено в трудах Е.С. Кубряковой [2012] и Н.Н. Болдырева [2018] и др. Однако особый интерес представляет изучение понятия «пространство» с использованием экспериментальных методов, таких как ассоциативный эксперимент и эксперимент, в основе которого лежит метод субъективных дефиниций, поскольку «экспериментальные методики позволяют через непосредственное обращение к носителям языка и культуры фиксировать текущие сдвиги в значении слов, с большим опозданием регистрируемые в толковых словарях, а также определять степень актуальности того или иного лексико-семантического варианта слова, выявлять и измерять специфику увязываемых со словом эмоционально-оценочных переживаний и т.д.» [Залевская 2011: 212].

Кроме того, полученные в ходе проведения экспериментов данные отражают духовные и материальные ценности разных народов и становятся основой для дальнейших межкультурных и междисциплинарных исследований, поскольку при интерпретации полученных материалов

² Результаты данного этапа исследования были опубликованы в статье: Белова П.Е. Особенности представления пространства в сознании носителей русского языка (по данным ассоциативного эксперимента) // Этнопсихоллингвистика, 2025. – № 2 (21). – М.: ИНИОН РАН. – С. 74-92.

«выявляются как широко известные слова-ассоциации, так и уникальные слова-ассоциации, присущие той или иной культуре» [Залевская 1978]. И, как отмечает В.А. Пищальникова, «именно язык как элемент культуры того или иного этнокультурного сообщества с помощью системы своих значений, обнаруживаемой в ассоциациях, отражает свою этническую неповторимость» [Пищальникова 2007: 113].

Ассоциативный эксперимент – наиболее объективный инструмент исследования особенностей осмысления лексической единицы носителем культуры, который направлен на получение ассоциаций, сложившихся в сознании индивида. Ни одно слово в нашей памяти не существует в отрыве от другого, и любое слово ищет себе окружение, стремясь стать ядром будущего высказывания. Среди видов ассоциативного эксперимента выделяют свободный ассоциативный эксперимент, являющийся наиболее популярным, направленный ассоциативный эксперимент и цепной ассоциативный эксперимент, который некоторые авторы (например, А.А. Леонтьев) считают разновидностью свободного.

При свободном ассоциативном эксперименте испытуемые должны указать первое пришедшее им в голову слово-ассоциацию, вызванное предложенным словом-стимулом, при этом какие-либо ограничения на словесные реакции отсутствуют. Отличие цепного ассоциативного эксперимента состоит в том, что при его проведении испытуемые отвечают любым количеством слов в течение определённого времени. После проведения эксперимента анкеты участников статистически обрабатываются, а полученные слова-реакции располагаются вслед за словом-стимулом в порядке убывания частотности. При обработке результатов отражается также общее количество информантов, опрошенных в ходе эксперимента, и количество участников, которые не дали реакцию на слово-стимул. Более подробно требования к проведению ассоциативного эксперимента представлены, например, в работе Ю.Н. Караулова [Караулов 1993].

Результатом ассоциативного эксперимента является создание ассоциативного поля слова-стимула, которое затем подвергается семантической интерпретации с различными исследовательскими целями. Ядро ассоциативного поля составляют наиболее частотные реакции, содержащие информацию о важнейших элементах значения слова и, как правило, отражающие связи, свойственные представителям той или иной культуры; к ближней, дальней и крайней периферии относятся наименее частотные и единичные реакции. Это такие ассоциации, которые отражают уникальные знания, свойственные индивидуальному сознанию, на которые наложил отпечаток конкретный опыт отдельного человека.

При выделении в структуре поля ядра и периферийных зон важным является установить «индекс яркости» – показатель частотности ассоциаций, который вычисляется как отношение количества испытуемых, объективировавших данный признак в эксперименте, к общему числу испытуемых. И.А. Стернин и А.В. Рудакова в монографии «Психолингвистическое значение слова и его описание» (2011) предлагают ориентироваться на следующие количественные параметры индекса яркости:

ядро – индекс яркости не менее 0,12-0,15;

ближняя периферия – индекс яркости 0,10-0,04;

дальняя периферия – индекс яркости 0,03-0,02;

крайняя периферия – индекс яркости 0,01 и ниже [Стернин, Рудакова 2011: 126]. Эти критерии и были использованы нами при отнесении полученных ассоциаций к разным зонам поля.

Менее распространён другой метод анализа семантики слова – направленный (контролируемый) ассоциативный эксперимент. Суть его состоит в том, что экспериментатор накладывает некоторые грамматические или семантические ограничения на реакции, которые он предполагает получить от испытуемых. Например, участникам необходимо дать на слово-стимул реакции, выраженные только прилагательными или представляющие собой противоположное или сходное по значению слово. Накладываемые

ограничения позволяют конкретизировать реакции, снизить их разброс и неопределённость и тем самым получить более надёжные данные. Данный вид ассоциативного эксперимента хорошо подходит для полисемичных слов, поскольку позволяет выявить определённые аспекты их многозначности.

По словам известного психолога и лингвиста А.Н. Леонтьева, «если нужно найти метод, с наибольшей объективностью позволяющий вскрыть «культурную» специфику словарных единиц, <...> таким методом является ассоциативный эксперимент» [Леонтьев 1977: 14]. Кроме того, как отмечает А.А. Леонтьев, «ассоциативный эксперимент позволяет эффективно устанавливать актуальные смыслы лексем, поскольку произвольность ассоциирования очевиднее выявляет реальную динамику и потенциальные возможности изменения их значения, в том числе и эмоционально-чувственного содержания» [Леонтьев 1997].

Метод субъективных дефиниций, более подробно описанный в работах Е.И. Грищук [2002] и О.Е. Виноградовой [2016], ассоциативным экспериментом не является. По мнению И.А. Стернина, его следует считать разновидностью лингвистического интервьюирования [Стернин 2008]. Данный метод исследования семантики слова состоит в том, что испытуемому предлагается самостоятельно дать определение предложенному слову и ответить на вопрос в виде речевой формулы «X – это...». Полученные результаты затем статистически обрабатываются, и происходит их семемная и семная интерпретация, по результатам которой, во-первых, «осуществляется полевое структурирование семантемы слова-стимула – ранжирование значения на ядро-периферию», во-вторых, «осуществляется формулирование психолингвистических значений исследуемых лексем как упорядоченной совокупности сем с указанием индекса яркости каждой семы» [Виноградова 2016: 92]. Использование данного метода позволяет выявить психически актуальный для индивида смысл слова, понять, как он коррелирует со словарной дефиницией (возможно выявить ядерные признаки значения слова), а также спрогнозировать пути развития его значения.

Применение в нашем исследовании методов ассоциативного эксперимента (свободного и направленного) и метода субъективных дефиниций объясняется тем, что получаемое в результате экспериментов ассоциативное поле слова-стимула *пространство* представляет собой не только фрагмент вербальной памяти человека, но и «фрагмент образа мира того или иного этноса, <...> его мотивов и оценок и, следовательно, его культурных стереотипов» [Уфимцева 2011: 208]. Кроме того, «ассоциативный эксперимент позволяет верифицировать предположения о структуре и содержании лексического значения, выдвинутые на основании дефиниционного анализа, позволяет значительно уточнить психологически реальное содержание, стоящее за словом, а также выявлять хотя бы некоторые тенденции изменения значения» [Хлопова 2018: 282]. А метод субъективных дефиниций даёт возможность выявить индивидуальные особенности восприятия человеком рассматриваемого понятия. Кроме того, использование экспериментальных методов позволяет многосторонне изучить объект, а также добиться высокой степени достоверности полученных результатов.

Для выявления у группы носителей русского языка особенностей представления пространства была составлена анкета из пяти вопросов, предложенная к заполнению через Google-форму, где первые два вопроса были направлены на получение ассоциаций, возникающих при экспериментальном предъявлении слова-стимула *пространство*, а третий вопрос – на установление индивидуального смысла слова:

1. С чем у Вас ассоциируется пространство?
2. Пространство – какое оно? Напишите 2-3 прилагательных или причастия к слову «пространство».
3. Объясните несколькими словами, что такое пространство: «Пространство – это ...».
4. Укажите биологический пол: мужской / женский.
5. Укажите ваш возраст: младше 18 лет; 18-29 лет; 30-44 года; 45-59 лет; 60 лет и старше.

Для соблюдения условий получения адекватного материала (снятия рефлексии) при заполнении формы с помощью таймера устанавливалось ограничение по времени для внесения ответа. Анкеты были разосланы широкому кругу лиц посредством электронных писем и социальных сетей. Участниками эксперимента с их добровольного согласия стали 205 русскоязычных респондентов разного возраста.

Ваш возраст:

205 ответов

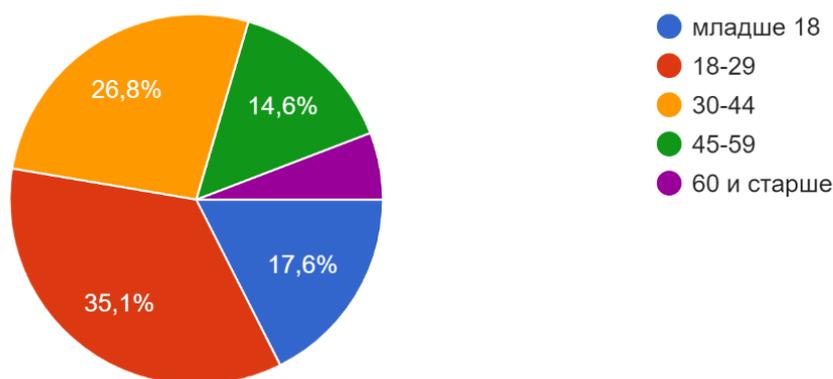

Рис. 1. Распределение участников эксперимента по возрасту

Среди опрошенных младше 18 лет – 17,6%; в возрасте 18-29 лет – 35%; в возрасте 30-44 лет – 26,8%; в возрасте 45-59 лет – 14,6%; 60 лет и старше – 6% (Рис. 1). Основную массу составили респонденты в возрасте от 18 до 29 лет и от 30 до 44 лет, что можно объяснить их активной общественной жизнью, умением пользоваться компьютерами и социальными сетями. Распределение участников по признаку «биологический пол» выглядит следующим образом: 32% мужчин и 68% женщин среди русскоязычных респондентов.

2.2.1. Анализ данных свободного ассоциативного эксперимента

В результате обработки ответов, полученных на первый вопрос («С чем у Вас ассоциируется пространство?»), было установлено, что всего носителями русского языка было дано **580** слов-ассоциаций на слово-стимул *пространство*, из которых **182** различные (из них **122** единичные).

Все ассоциации были ранжированы по мере убывания их частотности. Так, ассоциативное поле слова-стимула *пространство* в сознании носителей русского языка имеет следующий вид:

Ядро: *свобода (36 ассоциаций), космос (34), место (28), воздух (27), пустота (26), простор (23), поле, комната (по 21).*

Ближняя периферия: *помещение (17), объём (16), время, территория (по 12), свет (10), окружающий мир, площадь (по 9), бесконечность (8), Вселенная, границы (по 7).*

Дальняя периферия: *безграничность, дом, квартира, комфорт, улица (по 6), горизонт, лес, уют, широта (по 5), Земля, море, небо, окружение, природа, спокойствие, тишина (по 4), атмосфера, возможности, даль, долина, люди, сфера, (по 3).*

Крайняя периферия: *белый цвет, галактика, город, дизайн, дорога, жизнь, звёзды, измерение, красота, личные границы, местность, область, ограничение, работа, раздолье, реальность, свободное место, стены, степь, темнота (по 2), 3Д, арт-объект, арт-пространство, бескрайние луга, бескрайность, бытие, вакуум, вариативность, ветер, вместимость, внутреннее уединение, вода, воля, временной промежуток, высокие потолки, геометрия, Гильберт, головокружение, гора, грамотная планировка, дайвинг в море, декор, душевное тепло, Евгений Леонов, ёмкость с объектами, жильё, закрытый завод, зал, зона, интернет, кабинет, квадрат, класс, клуб, коллектив единомышленников, коридор, круг, куб, культура, личность, локация, лофт, луг, любимое занятие, материя, мероприятие, местоположение предметов, милота, мироздание, множество, мощь, музей, мысль, невесомость, независимость, неопределённость, неосознанность, непрерывность, нити, нулевая кривизна, обитаемость, обстановка, общество, объект, окно, округа, окружность, ориентация во времени, отдых, отпуск, отрицательная энергия, парк, пейзаж, периметр, покой, полёт в воздухе, порядок, постоянство, планеты, притяжение, промежуток, промежуток времени, протяжённость, психология, равнина, радость,*

размер, размещение, рамки, родители, рояль, рядом, содружество, сообщество, состояние, стереометрия, студия, субъективность, существование мира, телефон, тепло, трава, трёхмерность, три измерения, тьма, участок, учеба, хаос, холод, цветок, человек, чистота, что-то необъятное, шар, широкие возможности, ширь, эфир, эхо, CO₂, space (по 1).

Используя лингвистическую классификацию ассоциаций, основанную на понятии грамматического класса, отметим, что преобладающими по результатам свободного ассоциативного эксперимента являются парадигматические ассоциации (97%), то есть реакции, связанные со словом-стимулом некоторой семантической связью. Если синтагматические ассоциации отражают связи слов между разными грамматическими классами, то парадигматические ассоциации – связи слов внутри одного грамматического класса [Леонтьев 1969]. 94% ассоциаций представлены именами существительными, 6% ассоциаций – простыми именными словосочетаниями с разными видами связи, где главное слово чаще всего выражено именем существительным, реже местоимением: *окружающий мир (9), белый цвет, личные границы, свободное место (по 2), бескрайние луга, внутреннее уединение, грамотная планировка, дайвинг в море, душевное тепло, ёмкость с объектами, любимое занятие, ориентация во времени, промежуток времени, что-то необъятное, широкие возможности (по 1)* и др.

Ядро ассоциативного поля слова-стимула *пространство* составили имя существительное абстрактной семантики – *свобода (36)*; такие понятия астрономии и астрофизики, как *космос (34)* и *воздух (27)*; слова, указывающие на характеристику пространства – *пустота (26), простор (23)*; ландшафтная лексика – *поле (21)*; название конкретного вида пространства – *комната (21)* и архилексема *место (28)*, которая, как и архилексема *пространство*, лежит в основе системы локативности. В ближнюю периферию попало название конкретного вида пространства – *помещение (17)*; слова, отражающие параметрические характеристики пространства – *объём (15), площадь (9)*; слова обобщённой и абстрактной семантики – *территория (12), время (12)* и

свет (10), окружающий мир (9); имена существительные, указывающие на характеристики пространства: *бесконечность (8), границы (7)*, такое понятие астрономии как *Вселенная (7)*.

Дальнюю и крайнюю периферии составили: 1) имена существительные абстрактной семантики, называющие понятия, не имеющие реального воплощения и указывающие на состояние, чувства, процесс, качество, отношения и др. – *комфорт (6), уют (5), спокойствие, тишина (по 4), возможности, сфера (по 3), красота, воля, мощь, мысль, невесомость, независимость, неопределённость, неосознанность, радость, тепло, холод (по 1)* и др.; 2) имена существительные, указывающие на характеристики пространства: *безграничность (6), бескрайность, непрерывность, протяжённость (1)* и др.; 3) названия конкретных рукотворных мест: *дом, квартира, улица (по 6), город, дорога (по 2), завод, зал, кабинет, класс, коридор, локация, парк, студия (по 1)*; 4) основные понятия астрономии и географии: *горизонт (5), Земля, небо (по 4), атмосфера (3), галактика, звёзды (по 2), планеты (1)*; 5) ландшафтная лексика, которая включает в себя слова, обозначающие открытые природные (нерукотворные) пространства: *лес (5), море, природа (по 4), долина (3), степь (2), вода, луг, равнина, трава (по 1)*; 6) слова, отражающие параметрические характеристики пространства – *широта (5), измерение (2), куб, размер, трёхмерность, ширь, 3Д (по 1)*; 7) имена существительные обобщённой семантики: *окружение (4), возможности, люди (по 3), работа (2), общество, сообщество (по 1)*; 8) слова с предметным значением: *объект, окно, рояль*; 9) имена существительные, образованные на основе архилексемы *место*: *местность (2), вместимость*.

Таким образом, для полученных ассоциаций-существительных были выявлены следующие закономерности:

- преобладание имён существительных с абстрактной семантикой (20% от всех ассоциаций), что объясняется абстрактным терминологическим характером семантики самого слова *пространство*;

- соотнесение пространства с основными понятиями астрономии, астрофизики, географии (15%);
- указание наиболее характерных признаков пространства (14%);
- стремление к конкретизации слова-стимула (12%).

В меньшем количестве участниками эксперимента были названы слова, обозначающие открытые природные пространства (7%), и слова, отражающие параметрические характеристики пространства (6%). Немногочисленно упоминание архилексемы *место* и образованных от неё существительных (5%), слов с обобщённой семантикой (4%) и предметным значением (<1%).

Поскольку ассоциативный материал был собран с учётом половой принадлежности респондентов, далее мы рассмотрели отдельно «женские» и «мужские» ассоциации на слово-стимул *пространство*. Так, участниками эксперимента стали 140 женщин (68%) и 65 мужчин (32%) разного возраста. Всего было получено **580** ассоциаций, из которых **180** было приведено мужчинами и **400** – женщинами. Коэффициент разнообразия ассоциаций, рассчитываемый по формуле $KP = B : A$, где **KP** – коэффициент разнообразия, **A** – общее число ответов у мужчин (женщин), **B** – количество разных реакций, составил **0,53** у мужчин и **0,32** у женщин, что позволяет сделать вывод о том, что мужчины дали более разнообразные ассоциации на предложенное слово-стимул. Бóльшая часть их реакций представлена именами существительными (91%), меньшая – простыми именными словосочетаниями с разными видами связи (9%). Среди существительных у мужчин преобладают основные понятия астрономии и географии (18%) – *космос* (7), *Вселенная* (3), *горизонт* (2), *воздух*, *галактика*, *Земля*, *планеты* и др.; слова абстрактной семантики (17%) – *свобода* (10), *время* (3), *комфорт* (2), *спокойствие* (2), *культура*, *мысль*, *радость* и др.; слова, указывающие на характеристики пространства (15%) – *пустота* (10), *простор* (4), *безграничность* (3), *бесконечность* (2) и др. Значительно меньше названий конкретных рукотворных мест (8%), слов-реакций, отражающих параметрические характеристики пространства (8%),

имён существительных обобщённой семантики (7%), ландшафтной лексики, включающей в себя обозначения открытых природных пространств (5%).

Самой частотной у мужчин стала ассоциация *космос* (17), причём данная реакция преобладала у всех возрастных групп (младше 18, 18-29, 30-44, 45-59), за исключением старшей возрастной группы (60+). Реакция *космос* стала ядром ассоциативного поля слова-стимула *пространство* у мужчин, что свидетельствует о тесной связи космоса и пространства в мужском сознании и о соотнесении ими пространства с физической картиной мира. К ближней периферии отнесём реакции *пустота*, *свобода* (по 10), *объём* (8), *территория* (7). Реакции *пустота* и *свобода* следовали с небольшим отрывом за реакцией *космос* у опрошенных в возрасте младше 18 лет и 18-29 лет, в то же время у опрошенных более старшего возраста эти реакции были единичны. В то же время такие реакции, как *объём* и *территория*, встречались по несколько раз у мужчин разного возраста.

К дальней периферии относятся реакции *комната*, *место*, *поле*, *простор* (по 4), *безграничность*, *время*, *Вселенная*, *границы*, *окружение*, *лес*, *площадь*, *помещение*, *улица* (по 3), *бесконечность*, *горизонт*, *квартира*, *комфорт*, *мир*, *область*, *ограничение*, *окружающий мир*, *свободное место*, *спокойствие* (по 2); к крайней – *арт-пространство*, *бескрайние луга*, *воздух*, *галактика*, *геометрия*, *Гильберт*, *даль*, *дорога*, *другой мир*, *Алексей Леонов*, *зал*, *Земля*, *жильё*, *зона*, *измерение*, *класс*, *культура*, *куб*, *личная территория*, *личные границы*, *материя*, *место обитания*, *небо*, *непрерывность*, *нулевая кривизна*, *обстановка*, *общество*, *отдых*, *планеты*, *промежуток времени*, *протяжённость*, *радость*, *рамки*, *реальность*, *три измерения* (по 1) и др. Стоит отметить, что только мужчины на слово-стимул *пространство* в качестве реакции привели имена собственные, назвав немецкого математика Давида Гильберта и русского космонавта Алексея Леонова. Чисто «мужскими» также являются ассоциации *область*, *ограничение*, *свободное место* (по 2) и большинство единичных реакций, приведённых выше.

Как было отмечено ранее, общее количество различных ассоциаций, данных мужчинами и женщинами, составило 182 реакции. Из них общими для мужчин и женщин стали 39 ассоциаций (21%), среди которых *свобода, космос, место, воздух, пустота, простор, поле, комната (по 21), помещение (17), объём (16), время, территория (по 12), окружающий мир, площадь (по 9), бесконечность (8), Вселенная, границы (по 7), безграничность, квартира, комфорт, улица (по 6), горизонт, лес (по 5), Земля, море, небо, окружение, природа, спокойствие, тишина (по 4), даль (3)* и др.

Большая часть «женских» реакций на слово-стимул *пространство* также представлена именами существительными (95%), меньшая – простыми именными словосочетаниями с разными видами связи (5%). Среди существительных у женщин преобладают слова абстрактной семантики (22%) – *свобода (26), свет (10), время (9), уют (5), комфорт (4), тишина (3), дизайн, красота, спокойствие (по 2), воля, мощь, невесомость, независимость, покой* и др.; основные понятия астрономии и географии – *воздух (26), космос (17), Вселенная (4), атмосфера, горизонт, Земля (по 3), звёзды (2)* и др.; слова, указывающие на характеристики пространства (15%) – *простор (19), пустота (16), бесконечность (6), безграничность (3), бескрайность* и др.; названия конкретных мест – *комната (17), помещение (14), дом (6), квартира (4), кабинет, клуб, коридор, музей, студия* и др. С большим отрывом среди ассоциаций встречалась ландшафтная лексика (9%), имена существительные обобщённой семантики (8%), архилексема *место* (6%), слова, отражающие параметрические характеристики пространства (5%), слова с предметным значением (2%). Сопоставление «женских» реакций с «мужскими» показало, что, рассуждая о пространстве, женщины чаще использовали слова абстрактной семантики (22% против 17%), а также приводили в качестве примеров конкретные виды пространств, созданных руками человека (14% против 8%). В то же время в равной степени и мужчины, и женщины на слово-стимул *пространство* привели понятия из астрономии и географии, то есть

соотнесли его с физическим миром (18% и 17%), а также назвали основные характеристики пространства (15%).

Самыми частотными ассоциациями у женщин стали *свобода* и *воздух* (по 26), что может говорить о важности для женщины ощущения свободы действия и лёгкости. Эти реакции были частотны у респондентов следующих возрастных групп: 18-29, 30-44 и 45-59 лет. С немного меньшим отрывом идёт ассоциация *место* (24), которую в равной степени дали опрошенные каждой из возрастных групп, то есть для женщин важна связь с определённым местом или местоположением. В ядро ассоциативного поля слова-стимула *пространство* у женщин также вошла ассоциация *простор* (19), свидетельствующая о том, что в женском сознании пространство в меньшей степени связывается с границами. Преобладающими являются понятия *безграничность*, *даль*, *раздолье*, *бескрайность*.

Ближнюю периферию составили такие слова-реакции, как *комната*, *космос* (по 17), *пустота* (16), *помещение* (14). К дальней периферии были отнесены ассоциации *свет* (10), *время* (9), *объём* (8), *окружающий мир* (7), *бесконечность*, *дом*, *площадь* (по 6), *территория*, *уют*, *широта* (по 5), *Вселенная*, *границы*, *квартира*, *комфорт* (по 4), *атмосфера*, *безграничность*, *возможности*, *горизонт*, *долина*, *Земля*, *люди*, *море*, *небо*, *природа*, *сфера*, *тишина*, *улица* (по 3), *город*, *даль*, *дизайн*, *жизнь*, *звёзды*, *красота*, *раздолье*, *спокойствие* (по 2) и др. Стоит отметить, что реакции *свет* (10), *дом* (6), *уют*, *широта* (по 5), *атмосфера*, *возможности*, *долина*, *люди*, *сфера* (по 3), *белый цвет*, *город*, *дизайн*, *жизнь*, *звёзды*, *красота*, *местность*, *раздолье*, *стены*, *степь*, *темнота* (по 2) являются чисто «женскими» реакциями, как и большинство единичных реакций: *арт-объект*, *бескрайность*, *вместимость*, *внутреннее уединение*, *воля*, *головокружение*, *грамотная планировка*, *декор*, *душевное тепло*, *кабинет*, *любимое занятие*, *мероприятие*, *мироздание*, *мощь*, *независимость*, *объект*, *окружение*, *покой*, *порядок*, *притяжение*, *психология*, *равнина*, *сообщество*, *студия*, *трава*, *трёхмерность*, *ширь* и др.

Следующим шагом обработки результатов свободного ассоциативного эксперимента стала семемная атрибуция реакций и сопоставление полученных данных с материалами лексикографических источников с целью установления соответствий значений слов, отражённых в толковых словарях под редакцией Д.Н. Ушакова (1935-1940), С.А. Кузнецова (1998), С.И. Ожегова и Н.Ю. Шведовой (1999), А.П. Евгеньевой (1999), Т.Ф. Ефремовой (2000), с теми ассоциациями, что были получены в ходе эксперимента, а также с целью определения степени актуальности того или иного лексико-семантического варианта слова. Данная группировка полученных ассоциаций проходила с учётом ранее выявленных в толковых словарях русского языка дефиниций лексемы *пространство*. Результаты группировки ассоциативных реакций в соответствии с разными лексико-семантическими вариантами (семемами) слова-стимула *пространство* имеют следующий вид:

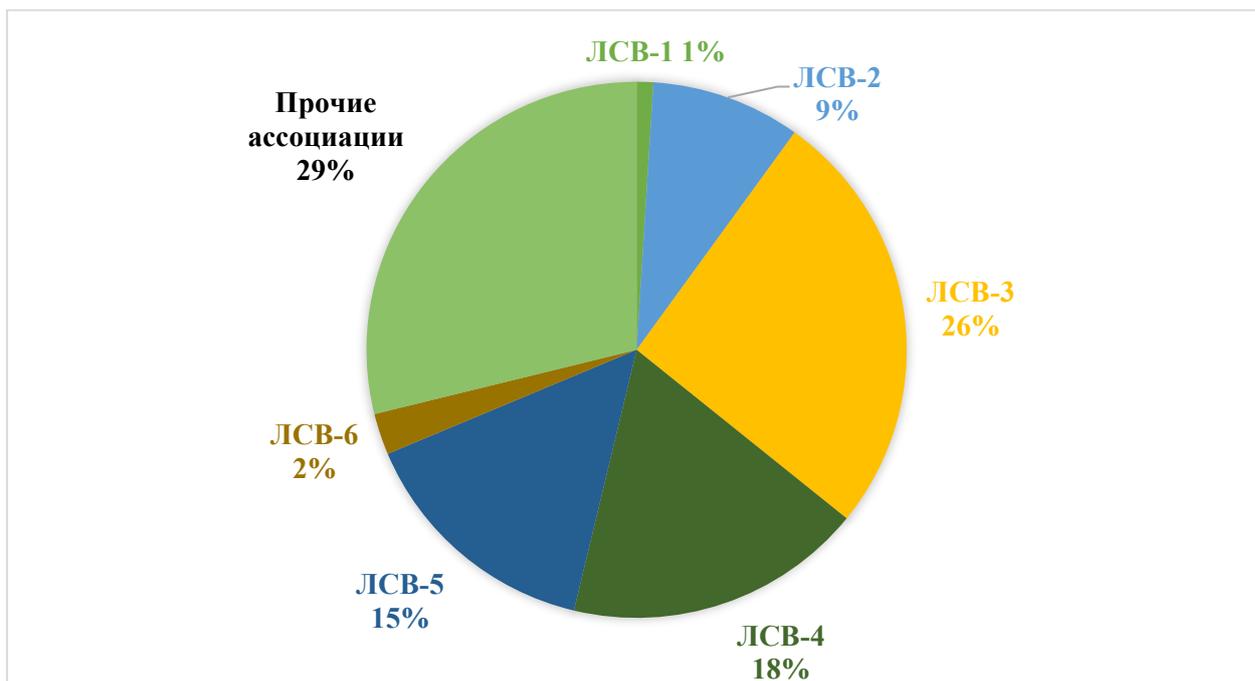

Рис. 2. Группировка ассоциативных реакций в соответствии с разными ЛСВ слова-стимула *пространство*: **ЛСВ-1**: одна из форм существования материи; **ЛСВ-2**: неограниченная протяжённость, большая площадь; **ЛСВ-3**: земная поверхность, водное, воздушное, космическое пространство; **ЛСВ-4**: место, образованное в результате разделения пространства; **ЛСВ-5**: вместилище; **ЛСВ-6**: промежуток времени.

Так, многозначное слово *пространство* представлено следующими лексико-семантическими вариантами – **ЛСВ-1**: одна из форм существования материи; **ЛСВ-2**: неограниченная протяжённость, большая площадь; **ЛСВ-3**:

земная поверхность, водное, воздушное, космическое пространство; **ЛСВ-4:** место, образованное в результате деления пространства; **ЛСВ-5:** вместительность; **ЛСВ-6:** промежуток времени. Как видим, большинство участников эксперимента используют слово-стимул *пространство* в значении географического пространства (**ЛСВ-3**, 26%), включающего большую площадь земной поверхности, водное, воздушное, космическое пространство – *космос (34), воздух (27), поле (21), Вселенная (7), Земля, море, небо (по 4), долина (3), галактика, степь (по 2)* и др., то есть данное значение является наиболее актуальным для участников эксперимента. Многочисленными также стали ассоциации, называющие места, полученные при делении пространства (**ЛСВ-4**, 18%) – *улица (6), город, дорога, область (по 2), зона, округа, участок* и др., и места, способные вместить что-либо (**ЛСВ-5**, 15%) – *помещение (17), свободное место (2), ёмкость с объектами* и др.

При этом самой частотной ассоциацией на слово-стимул *пространство* у носителей русского языка стала *свобода* (6% от общего количества ассоциаций). Данное понятие присуще широкой душе русского человека от природы, на его формирование оказали влияние протяжённость наших полей, лесов и рек. Кроме того, свобода воспринимается носителями русского языка как возможность выбора вида деятельности в соответствии с желаниями, интересами и целями человека, на что указывают такие ассоциации, как *возможности (3), широкие возможности (1)*.

Меньше всего реакций было отнесено к **ЛСВ-1** («одна из форм существования материи», меньше 1%) – *бытие, материя, мироздание, существование мира*, что объясняется тяготением русского человека к пространству физическому, реальному, а не осмыслением его с философской точки зрения как свойства бытия, фиксирующего форму и протяжённость своего существования, и к **ЛСВ-6** («промежуток времени», 2,5%) – *время (12), временной промежуток, промежуток времени*.

В группу «прочие» (29%) были помещены ассоциации, не имеющие ярко выраженной отнесённости к значениям, которые зафиксированы в толковых

словарях русского языка, хотя в языковом сознании некоторых участников эксперимента наблюдалась непосредственная связь этих реакций со словом-стимулом *пространство*. Помимо этого, были выявлены дополнительные смыслы, которые вкладываются носителями русского языка в понятие «пространство». Во-первых, среди опрошенных частотно психологическое понимание пространства как области физического и психологического комфорта, которую можно нарушить в результате тактильного контакта, произнесённых слов или совершённых поступков, причинивших человеку дискомфорт (4%): *спокойствие (4), личные границы (2), внутреннее уединение, душевное тепло, личная территория, личное место, покой, психология, радость (по 1)* и др. Во-вторых, воспринимая пространство как место, предназначенное для чего-либо, современные люди обращают внимание не только на его функционал, но и на его эстетические свойства. Находясь в нём, человек хочет ощущать уют и комфорт (4%): *комфорт (6), уют (5), дизайн (2), арт-объект, арт-пространство, грамотная планировка, декор, красота, культура, лофт, порядок (по 1)*. При этом о своей личной территории, о своих границах и создании комфортных условий существования рассуждают и мужчины, и женщины. В-третьих, представляя пространство, люди упоминают тех, кто его населяет, кто находится вокруг них (2%): *окружение (4), люди (3), обитаемость, общество, сообщество (по 1)*.

Таким образом подтверждается методологически важная мысль о том, что отсутствие каких-либо ограничений на характер реакций в ходе проведения свободного ассоциативного эксперимента позволяет выявить реально функционирующие в сознании носителей языка смыслы, не зафиксированные лексикографическими источниками и не представленные в составе корпусов языка [Хлопова 2018].

Анализ ассоциативного поля слова-стимула *пространство* по данным свободного ассоциативного эксперимента, проведённого в 2023-2024 гг. с носителями русского языка, позволил сделать следующие выводы:

- ядро ассоциативного поля составляют реакции *свобода* (6% от общего количества ассоциаций), *космос* (почти 6%), *место* (5%), *воздух* (почти 5%), *пустота*, *простор* (по 4%), *поле*, *комната* (> 3,5%). Ближняя периферия представлена ассоциациями *помещение* (3,5%), *объём* (3%), *время*, *территория*, *свет* (по 2%), *окружающий мир*, *площадь* (по 1,5%), *бесконечность Вселенная*, *границы* (<1,3%). Остальные реакции были отнесены к дальней и крайней периферии;

- 94% ассоциаций представлены именами существительными, 6% – простыми именными словосочетаниями с разными видами связи, где главное слово чаще всего выражено именем существительным, реже – местоимением;

- среди полученных ассоциаций преобладают имена существительные с абстрактной семантикой (20% от всех ассоциаций). Затем идут основные понятия астрономии, астрофизики, географии (15%), слова, указывающие на наиболее характерные признаки пространства (14%), и названия конкретных мест (12%). В меньшем количестве были названы слова-реакции, обозначающие открытые природные пространства (7%), и слова, отражающие параметрические характеристики пространства (6%);

- самой частотной ассоциацией на слово-стимул *пространство* стала *свобода*, что объясняется природными факторами и событиями в истории нашей страны, оказавшими влияние на русскую душу. В то же время у мужчин на слово-стимул *пространство* самой частотной стала реакция *космос* (17), у женщин – *свобода* и *воздух* (по 26);

- пространство носителями русского языка воспринимается в первую очередь как большая площадь земной поверхности, водное, воздушное, космическое пространство, то есть в своём географическом значении (26%) – *космос* (34), *воздух* (27), *поле* (21), *Вселенная* (7), *Земля* (4), *море* (4) и др. Многочисленными также стали ассоциации, называющие места, полученные при разделении пространства (18%) – *комната* (21), *улица* (6), *город* (2), *дорога* (2), *область* (2), *зона*, *округа*, *участок* и др., и места, способные вместить что-либо (15%) – *помещение* (17), *дом* (6), *квартира* (6), *свободное место* (2) и др.

- среди опрошенных также частотно психологическое понимание пространства как области физического и психологического комфорта, обращение внимания на функционал и эстетические свойства пространства и упоминание тех, кто населяет пространство и находится вокруг.

2.2.2. Динамика восприятия пространства по данным РАС, СИБАС, ЕВРАС и проведённого ассоциативного эксперимента³

Целью данного этапа исследования было не только выявить особенности отражения пространства в сознании носителей русского языка на современном этапе, установить актуальные культурные и иные смыслы (синхронное состояние обыденного сознания носителей русского языка), но и проследить диахронические изменения ассоциативного поля слова-стимула *пространство* и возможное переструктурирование его компонентов с использованием данных «Русского ассоциативного словаря» под ред. Ю.Н. Караулова (РАС, 2002), материал для которого собирался путём проведения ассоциативного опроса в три этапа с 1986 по 1997 гг., «Русского регионального ассоциативного словаря» (Сибирь и Дальний восток) под ред. И.В. Шапошниковой, А.А. Романенко (СИБАС, 2014) и «Русского регионального ассоциативного словаря-тезауруса ЕВРАС» под ред. Г.А. Черкасовой, Н.В. Уфимцевой (период сбора данных с 2008 по 2013 гг.), и результатов ассоциативного эксперимента, лично проведённого в рамках данного диссертационного исследования в период с 2023 по 2024 гг.

Хотя психологи и говорят о медленном изменении базовых ценностей, которые должны оставаться устойчивыми на протяжении двух-трёх поколений, современная реальность демонстрирует иную картину: ассоциативное поле слов трансформируется примерно раз в 15-20 лет. Это

³ Результаты данного этапа исследования были опубликованы в статье: Белова П.Е. Динамика восприятия понятия «пространство» в сознании носителей русского языка (по данным РАС, СИБАС, ЕВРАС и собственного ассоциативного эксперимента) // В кн.: Теоретическая семантика и идеографическая лексикография: Словарь. Дискурс. Корпус: тезисы докладов Всерос. науч. конф. с междунар. участием, посвящ. 50-летию каф. фундамент. и прикл. лингвистики и текстоведения, 17-18 октября 2024 г., г. Екатеринбург, Россия [Электронный ресурс]. – Екатеринбург: Кабинетный ученый, 2024. – С. 38-39.

обусловлено как сменой поколений (так называемый “поколенческий период” в терминологии Н.В. Уфимцевой), так и общественными переменами. При этом изменениям подвержены не только периферия, но и ядро культуры.

Так, по данным РАС, на слово-стимул *пространство* было дано 100 реакций, из них 59 различные; по данным СИБАС – 496 реакций, 185 из которых различные; по данным ЕВРАС – 537 реакций, из них 176 различные. Далее приведём список наиболее частотных реакций, отражённых в словарях РАС, ЕВРАС, СИБАС и эксперименте 2023-2024 гг. В скобках указано количество людей, ответивших данным словом на предложенный стимул:

РАС – ПРОСТРАНСТВО: *время (7), космос (5), космическое, пустое (по 4), бесконечность, Вселенная, замкнутое, трёхмерное (по 3), бесконечное, воздух, мировое, огромное, пустота, широкое (по 2).*

СИБАС – ПРОСТРАНСТВО: *время (41), космос (29), большое (23), пустота (22), место (19), комната (18), свобода (13), мир (12), бесконечность, свободное (по 11), воздух, замкнутое, время (9), вселенная (7), 3D, вакуум, вокруг (по 6), много, огромное (по 5), безгранично, бесконечное, личное, ограничено, пустое (по 4), бесконечно, бытие, объём, окружение, открытое, поле, трёхмерное (по 3) и др.*

ЕВРАС – ПРОСТРАНСТВО: *время (58), космос (34), свобода (23), комната (18), время (15); вселенная (13), воздух (12); большое, место, пустота (по 11), бесконечность, открытое (по 10); мир, огромное, пустое (по 9), бесконечное, вокруг, времени, много, свободное, территория (по 7); замкнутое, личное, поле (по 6); вакуум, необъятное, объём (по 5); бесконечно, вечность, во времени, геометрия, моё, область, обширное, трёхмерное (по 4); безвоздушное, жизни, космическое, куб, окружение, площадь (по 3) и др.*

Эксперимент 2023-2024 гг. – **ПРОСТРАНСТВО:** *свобода (36), космос (34), место (28), воздух (27), пустота (26), простор (23), поле, комната (по 21), помещение (17), объём (16), время, территория (по 12), свет (10), окружающий мир, площадь (по 9), бесконечность (8), Вселенная, границы (по 7), безграничность, дом, квартира, комфорт, улица (по 6), горизонт, лес, уют,*

широта (по 5), Земля, море, небо, окружение, природа, спокойствие, тишина (по 4), атмосфера, возможности, даль (по 3) и др.

Как видно из приведённого списка ассоциаций, в РАС, СИБАС и ЕВРАС на слово-стимул *пространство* самой частотной стала реакция *время* (7, 41 и 58 реакций соответственно, что составляет 7%, 8% и 11% от общего числа данных реакций), чего не показал эксперимент 2023-2024 гг., где встретилось только 2% слов-реакций *время*, что свидетельствует о постепенном стирании связи пространства и времени в сознании носителей русского языка.

На втором месте по частотности в РАС, СИБАС и ЕВРАС отметим реакцию *космос* (5, 29 и 34 реакций, что составляет 5% и 6% от общего числа реакций). По результатам эксперимента 2023-2024 гг. было получено такое же количество реакций (6%), то есть в сознании наших современников устойчиво понимание пространства как чего-то бескрайнего по типу космоса. К числу реакций, указывающих на взаимосвязь пространства с физическим миром, также отнесём *космическое, Вселенная, мировое, атмосфера, планеты* и др. Неизменным остаётся и понимание пространства как некоего вместилища с присущими ему такими характеристиками, как '(не)ограниченность', 'пустота', 'вместимость': *пустое, пустота, бесконечность, бесконечное, безграничность, границы* и др. Участники всех проведённых экспериментов также отметили 'измеримость' пространства – *трёхмерное*, а вот виды пространства по месту расположения (*космическое, мировое* и др.) назвали только опрошенные в XX веке.

Если по данным эксперимента 2023-2024 гг. самой частотной стала реакция *свобода* (6% от общего количества ассоциаций), то в ЕВРАСе она заняла третье место по частотности (23 реакции – 4%), в СИБАСе вошла только в ближнюю периферию (13 реакций – 3%), а в РАСе и вовсе отсутствует. Таким образом, в настоящее время отмечается стремление носителей русского языка к свободе, в том числе к свободе действий и возможности выбора, что также подчёркивается такими реакциями, как *свободное, возможности, широкие возможности*.

Среди реакций, полученных в XXI веке, мы наблюдаем появление новых ассоциаций, указывающих на стремление человека к созданию собственной зоны комфорта и установлению границ с внешним миром и другими людьми: *личное, моё пространство*. Со временем увеличивается и количество ассоциаций, называющих конкретные виды пространств, чаще внутренних: *комната, помещение, квартира, дом, студия* и элементов их обустройства.

Стоит также отметить, что носители русского языка, по результатам всех четырёх ассоциативных экспериментов, в первую очередь воспринимают пространство как большую незаполненную площадь, находящуюся на открытом воздухе и не ограниченную в своих размерах, а уже потом как конкретное *место*, например, *комнату* или *помещение*. Это свидетельствует о том, что бытовое осознание пространства всё-таки не исключает наличие границ, пределов пространства. Бесконечные и ничем не ограниченные пространства осложняют восприятие окружающего мира человеком, которому необходимы определённые психические опоры в виде границ, замыкающих пространство вокруг него. Человек не мыслит себя вне пространства, но особенности его восприятия позволяют охватить лишь его часть.

Таким образом, сопоставительное исследование ассоциативного поля ПРОСТРАНСТВО в разные периоды времени показывает, что хотя и есть различия в частоте встречаемости одних и тех же реакций, набор слов-реакций, составляющих ядро и ближнюю периферию, в целом остается прежним. Отмечается только снижение частотности реакции *время* на слово-стимул *пространство* в последние годы, а устойчивыми на протяжении более десяти лет являются такие реакции, как *космос, пустое, бесконечность, Вселенная, замкнутое, воздух, огромное*.

2.2.3. Анализ данных направленного ассоциативного эксперимента

На следующем этапе исследования был проведён направленный ассоциативный эксперимент, участникам которого был задан вопрос:

«Пространство – какое оно?» Всего было дано **552** определения-ассоциации, из которых **170** различные (из них **103** встретились только один раз).

Самая частотная характеристика пространства у носителей русского языка – *большое* (55). Данная реакция входит в **ядро** ассоциативного поля. По частоте появления этой ассоциации можно предположить, что в сознании носителей русского языка (и мужчин, и женщин) устойчива взаимосвязь пространства с чем-то огромным, бескрайним, безграничным, безмерным. Величина – одно из главных свойств русского пространства. Так исторически сложилось, что мы раздвигали и будем раздвигать место существования, поскольку большое пространство даёт нам чувство безопасности, укрывает нас от внешнего мира. Кроме того, большое пространство страны свидетельствует о её значимости и возможности оказывать влияние на мир. При характеристике пространства респондентами также были даны реакции *огромное* (8), *безразмерное*, *гигантское*, отражающие разную степень величины пространства. При этом в описании других размеров пространства такой градации не наблюдается. Только шесть участников эксперимента определили пространство как *маленькое* и один – как *среднее*.

Построенное после подсчёта частотности реакций респондентов ассоциативное поле ПРОСТРАНСТВО имеет следующий вид:

Ближняя периферия – *свободное* (31), *пустое* (20), *светлое* (18), *личное*, *открытое* (по 17), *бесконечное* (16), *ограниченное* (15), *необъятное* (13), *замкнутое* (12), *широкое* (11), *бескрайнее*, *обширное*, *просторное* (по 9).

Дальняя периферия – *комфортное*, *неограниченное*, *огромное* (по 8), *космическое*, *уютное* (по 7), *всеобъемлющее*, *маленькое*, *чистое* (по 6), *безграничное*, *заполненное*, *узкое* (по 5), *белое*, *интересное*, *красивое*, *тёплое* (по 4), *безвоздушное*, *водное*, *воздушное*, *внутреннее*, *закрытое*, *наполненное*, *объёмное*, *окружающее*, *рабочее*, *страшное*, *таинственное*, *тёмное*, *трёхмерное* (по 3).

Крайняя периферия – *безмерное*, *выделенное*, *гармоничное*, *голубое*, *глубокое*, *далёкое*, *жизненное*, *занятое*, *историческое*, *лёгкое*, *многогранное*,

незанятое, неизвестное, неосязаемое, обволакивающее, организованное, потустороннее, приятное, простое, протяжённое, разнообразное, расширенное, свежее, тихое, удобное, холодное, яркое (по 2), абстрактное, антрацитовое, ароматное, безбрежное, бездонное, безлюдное, безмолвное, безопасное, безразмерное, беспредельное, вариативное, вдохновляющее, ветренное, вечное, видимое, внешнее, впечатляющее, временное, всепоглощающее, высокое, геометрическое, гигантское, глобальное, гравитационное, дискретное, доброе, долгое, дополняющее, живое, затягивающее, захватывающее, земное, изменчивое, изумительное, индивидуальное, интеллектуальное, историческое, комнатное, культурное, лаконичное, лёгкое, математическое, метафизическое, могучее, моё, музейное, мыслимое, находящееся, небесное, невидимое, недалёкое, недостающее, неизведанное, нематериальное, необъяснимое, непонятное, непредсказуемое, облагороженное, общее, общественное, общительное, однообразное, определённое, освещённое, осязаемое, охватывающее, пересекаемое, плоское, поддерживающее, понимаемое, прекрасное, прозрачное, пульсирующее, радужное, разворачивающееся, разное, реальное, серебристое, серое, сжатое, сложное, смежное, снежное, совершенное, совместное, содержащее, социальное, спокойное, среднее, стеснённое, странное, существующее, творческое, тесное, трансформируемое, удивительное, физическое, функциональное, хорошее, чужое, эргономичное, эстетичное (по 1).

С точки зрения половой принадлежности респондентов, из **552** определений-ассоциаций **168** было приведено мужчинами и **384** – женщинами. Коэффициент разнообразия ассоциаций для мужчин составил **0,51**, для женщин – **0,36**, то есть мужчины привели более разнообразные характеристики пространства. Чаще всего они отмечали такие признаки пространства, как размер, наличие границ, его заполненность: *большое (10), пустое (9), бесконечное (8), личное, ограниченное (7), замкнутое, необъятное (по 6), свободное (5), безграничное, бескрайнее, огромное, открытое (по 4), безвоздушное, виртуальное, заполненное, комфортное, неограниченное,*

таинственное (по 3), трёхмерное, водное, занятое, космическое, наполненное, разнообразное, цифровое, широкое (по 2) и др.

В реакциях женщин тоже преобладают те же признаки и за *большим (45)* пространством сразу следует пространство, не заполненное чем-либо – *свободное (26)*. Но в сознании женщин пространство – это не только нечто большое, свободное, но и наполненное светом. Среди наиболее частотных определений на слово-стимул *пространство* отметим *светлое (17), открытое (13), пустое (11), личное (10), широкое (9), бесконечное, обширное, ограниченное, просторное (по 8), необъятное, уютное (по 7), замкнутое, маленькое, чистое (по 6), безграничное, бескрайнее, всеобъемлющее, комфортное, космическое, неограниченное (по 5) и др.*

Общее количество различных определений, данных мужчинами и женщинами, составило 170 реакций. Из них общими стали 42 ассоциации (25%), среди которых *большое (55), свободное (31), пустое (20), светлое (18), личное, открытое (по 17), бесконечное (16), ограниченное (15), необъятное (13), замкнутое (12), широкое (11), бескрайнее, обширное, просторное (по 9), комфортное, неограниченное, огромное (по 8), космическое (7), всеобъемлющее, чистое (по 6), безграничное, заполненное, узкое (по 5), интересное, красивое (по 4), воздушное, внутреннее, наполненное, окружающее, рабочее, страшное, трёхмерное (по 3) и др.*

Чисто «мужскими» определениями-ассоциациями на слово-стимул *пространство* стали слова *безвоздушное, таинственное (по 3), водное, занятое, разнообразное (по 2), антрацитовое, безлюдное, вариативное, вечное, видимое, внешнее, захватывающее, земное, культурное, лаконичное, математическое, метафизическое, могучее, мыслимое, непонятное, общее, осязаемое, понимаемое, пульсирующее, сложное, социальное, стеснённое, физическое, функциональное (по 1) и др.* В отличие от женщин, мужчины соотносили пространство с какой-либо научной областью, отсюда реакции *математическое, метафизическое, физическое* пространство, но в то же время и мужчины, и женщины давали эмоционально-оценочную характеристику

пространства. Но при этом только у женщин среди ассоциаций встретились разнообразные цвета пространства – *белое, голубое, серебристое, серое*, а также определения, характеризующие его в зависимости от температуры – *тёплое* и *холодное* и звукового восприятия – *тихое, безмолвное*.

К числу «женских» определений-ассоциаций отнесём *уютное (7), маленькое (6), белое, тёплое (по 4), закрытое, объёмное, тёмное (по 3), гармоничное, далёкое, лёгкое, неизвестное, организованное, приятное, простое, расширенное, свежее, тихое, удобное, холодное, яркое (по 2), ароматное, безбрежное, безопасное, вдохновляющее, впечатляющее, гигантское, доброе, живое, затягивающее, изумительное, индивидуальное, интеллектуальное, комнатное, моё, необъяснимое, непредсказуемое, облагороженное, общественное, однообразное, освещённое, пересекаемое, прекрасное, прозрачное, радужное, разворачивающееся, серебристое, серое, спокойное, странное, творческое, тесное, удивительное, чужое (по 1)*.

На следующем этапе близкие по значению ассоциативные реакции были объединены в 21 тематическую группу, что позволило более точно смоделировать содержание и структуру создаваемого ассоциативно-вербального поля слова-стимула *пространство*.

Ядро составляют определения, характеризующие пространство **по наличию или отсутствию границ** (13% всех ассоциаций): *открытое (17), ограниченное (15), замкнутое (12), бескрайнее (9), неограниченное (8), безграничное (5), закрытое (3), безбрежное, беспредельное, стеснённое (по 1); по размеру (13%): *большое (55), огромное (8), маленькое (6), безразмерное, гигантское, среднее (по 1) и по наполненности (12%): *свободное (31), пустое (20), заполненное (5), безвоздушное, наполненное (по 3), занятое, незанятое (по 2), безлюдное*.**

К **ближней периферии** относится характеристика пространства **по ширине** (7%): *широкое (11), обширное, просторное (по 9), узкое (5), расширенное (2), тесное, сжатое (по 1); по расположению (5%): *космическое (7), водное, воздушное, внутреннее, окружающее (по 3), потустороннее (2),**

внешнее, земное, комнатное, музейное, небесное (по 1); по степени освещённости (4%): светлое (18), тёмное (3), яркое (2), освещённое; по предназначению (4%): личное (17), рабочее (3), индивидуальное, моё, функциональное (по 1); по протяжённости и объёму (4%): бесконечное (16), объёмное (3), протяжённое (2).

Дальняя периферия – по охвату (3%): *необъятное (13), всеобъемлющее (6); по степени освоенности человеком (3%): жизненное, неизвестное, организованное (по 2), неизведанное, облагороженное, общественное, трансформируемое (по 1) и др.; по характеру действия (3%): обволакивающее (2), вдохновляющее, впечатляющее, всепоглощающее, дополняющее, затягивающее, захватывающее, находящееся, охватывающее, поддерживающее, пульсирующее, разворачивающееся, содержащее, существующее (по 1); по цветовому восприятию (2%): белое (4), голубое (2), антрацитовое, серебристое, серое (по 1); в зависимости от научной области (2%): геометрическое, гравитационное, дискретное, интеллектуальное, историческое, математическое, метафизическое, социальное, физическое.* Сюда же относятся виды пространства, созданные с помощью новых технологий: *виртуальное (5), информационное (3), цифровое (2).*

Крайняя периферия – характеристика пространства по восприятию (1%): *неосязаемое (2), абстрактное, мыслимое, нематериальное, необъяснимое, осязаемое, реальное (по 1); по температуре (1%): тёплое (4), холодное (2); по мере отдалённости и обозримости (<1%): далёкое (2), видимое, невидимое, недалёкое; по глубине (0,5%): глубокое (2), бездонное; по звуковому впечатлению (0,5%): тихое (2), безмолвное; в зависимости от природных явлений (0,5%): ветренное, радужное, снежное; по форме (<0,5%): плоское.*

В ходе эксперимента также обнаружили новые явления, связанные с возникновением эмоционально-оценочных коннотаций (13%), которые в норме не должны быть присущи слову с абстрактным терминологическим характером семантики. Так, с точки зрения наших современников,

пространство бывает *комфортное (3), уютное (7), интересное (4), красивое (4), страшное (3), таинственное (3), гармоничное (2), приятное (2), доброе, живое, изумительное, лаконичное, могучее, непредсказуемое, общительное, однообразное, прекрасное, сложное, совершенное, странное, удивительное, хорошее, эстетичное (по 1)* и др. То есть люди воспринимают данное понятие не просто как окружающую среду, но и как фактор, влияющий на их состояние, настроение, миропонимание.

Результаты направленного ассоциативного эксперимента позволяют прийти к следующим выводам:

- в сознании носителей русского языка пространство выступает преимущественно как место, ничем не ограниченное и обладающее протяжённостью. Ключевым здесь становится большой размер пространства (*большое (55)* – самое частотное определение);

- если ядро ассоциативного поля составляет реакция *большое (10%* от всех ассоциаций), то ближняя периферия представлена ассоциациями *свободное (6%), пустое (4%), светлое, личное, открытое, бесконечное, ограниченное (по 3%), необъятное, замкнутое, широкое (по 2%), бескрайнее, обширное, просторное (>1,6%)*. Остальные реакции были отнесены к дальней и крайней периферии;

- по количеству разнообразных определений-ассоциаций на слово-стимул *пространство* мужчины показали более высокие результаты (коэффициент разнообразия у мужчин составил 0,51; у женщин – 0,36);

- самыми частотными реакциями у мужчин стали *большое (10), пустое (9), бесконечное (8), личное, ограниченное (7)* и др., у женщин – *большое (45), свободное (26), светлое (17), открытое (13), пустое (11), личное (10), широкое (9), бесконечное, обширное, ограниченное, просторное (по 8)* и др.;

- близкие по значению ассоциативные реакции были объединены в 21 тематическую группу. Ядро составили определения, характеризующие пространство по наличию или отсутствию границ (13% всех ассоциаций), по размеру (13%) и наполненности (12%). К ближней периферии отнесена

характеристика пространства по ширине (7%), по расположению (5%), по степени освещённости (4%), по предназначению (4%), по протяжённости и объёму (4%). Другие группы вошли в дальнюю и крайнюю периферии;

- в восприятии пространства носителями русского языка были отмечены новые явления, связанные с возникновением у данного понятия эмоционально-оценочных коннотаций. Так, пространство может быть *комфортным, уютным, интересным, красивым, страшным, таинственным, гармоничным, приятным, добрым, живым, изумительным, прекрасным* и др.

2.2.4. Анализ данных, полученных с использованием метода субъективных дефиниций

На заключительном этапе эксперимента с использованием метода субъективных дефиниций была сделана попытка уточнить психически реальное содержание понятия «пространство», определить, насколько точно оно коррелируется с его словарными дефинициями, и выявить некоторые тенденции изменения значения слова *пространство*. Испытуемым необходимо было продолжить фразу: «*Пространство – это...*», в результате чего было получено **205** дефиниций, которые впоследствии были обобщены.

Первая, самая большая, группа включает в себя дефиниции, описывающие пространство как **место, в котором что-либо находится** (42 субъективных дефиниций, или 21%). Среди них можно выделить следующие: *то, где всё находится (3); место, в котором находятся предметы (2); место, где мы находимся (2); место, в котором что-то или кто-то существует; окружающая пустота, наполненная редкими физическими телами; территория, на которой что-то находится; область, в которой находится человек; место, где расположены определённые объекты* и др. Необходимо отметить, что данное определение соотносится с одним из словарных значений: пространство – «место, где что-н. вмещается» (Ушаков Д.Н.; Ожегов С.И., Шведова Н.Ю.; Кузнецов С.А.; Ефремова Т.Ф.).

Во вторую по частотности группу входят дефиниции, в которых пространство представлено как **окружающий человека мир** (их 34, или 17%): *то, что нас окружает (12) на земле и в космосе; то, что вокруг (5); окружающий мир (3); место вокруг тебя / меня (2); территория или площадь вокруг какого-то объекта; всё вокруг отдельно взятого человека; окружающая среда; окружающий нас мир; всё, что окружает нас в том месте, где мы находимся: природа, предметы, воздух, вода; окружающая человека действительность* и др. Здесь отметим антропоцентрическую ориентацию воспринимаемого человеком пространства, которое организуется вокруг него. Участники описывали пространство как с позиции субъекта (*всё, что нас окружает; место вокруг меня; окружающее нас; всё, что вокруг нас*), так и с позиции наблюдателя (*территория или площадь вокруг какого-то объекта; всё вокруг отдельно взятого человека*), в этом случае задействован когнитивный механизм выбора точки отсчёта, ориентации.

Третью по частотности группу составили дефиниции, характеризующие пространство как **ограниченное или неограниченное место** (их 22, или 11%): *некое ограниченное или неограниченное место расположения чего-либо (4); место, не имеющее видимых границ или имеющее отдалённые границы (3); ограниченная или неограниченная территория (2); территория, которая имеет какие-то границы (2); место, не ограниченное видимыми пределами; место замкнутое или безграничное, как космос и др.* Из приведённых дефиниций устанавливается, что пространство – это не только «место, не ограниченное видимыми пределами», как отмечено в словарях Ожегова С.И. и Шведовой Н.Ю., Кузнецова С.А., Евгеньевой А.П., Ефремовой Т.Ф. В сознании носителей русского языка мирно уживаются антонимичные определения пространства – «ограниченное / неограниченное», что свидетельствует о многогранности русского менталитета.

Кроме того, многие носители русского языка отметили большой размер пространства (что также отражено в толковых словарях русского языка – «большая площадь чего-либо» (Кузнецов С.А., Ефремова Т.Ф.)) и

возможность приспособить пространство для своей жизнедеятельности, о чём свидетельствуют следующие его дефиниции:

- **место, предназначенное для определённой цели** (20 дефиниции, или 10%) – *место для чего-либо (2); область для размещения чего-либо (2); место, где можно хорошо провести время, отдохнуть, насладиться окружающей средой, пообщаться с друзьями и близкими людьми; место для пребывания, проживания, нахождения; большое помещение, которое предназначено для проживания, аренды или для других целей; место, созданное для какой-либо деятельности и времяпровождения; выделенное место, предназначенное для определённых целей; неограниченное место для размещения предметов и людей; удобное место для творчества, место для отдыха (2) и др.;*

- **большая площадь** (17 дефиниция, или 8%) – *что-то очень большое; просторное помещение; большая площадь, от одного берега до другого; большое помещение; просторное место большой площади; большое просторное место; некое место бескрайних размеров; огромная территория, которой нет конца; большая комната со множеством места; большое место, в котором можно чувствовать себя свободно и др.*

Некоторые участники эксперимента определили пространство как **объёмное измерение** (12 дефиниций, или 6%). Здесь речь идёт о трёхмерности пространства, имеющего три однородных измерения (длину, ширину и высоту), – *объём; объём в границах; некий объём, распространённый в трёх измерениях; какой-то объём чего-либо; географическая среда в объёме, которая вмещается в сознание воспринимающего субъекта; объёмное трёхмерное временное измерение; физический план существования, имеющий трёхмерную структуру и меняющийся с течением времени; геометрический объём; объём в физическом мире и др.*

Другую часть субъективных дефиниций пространства, полученных в ходе эксперимента, составили определения, характеризующие пространство как **определённую или неопределённую территорию** (13 дефиниций, или 6%) – *какая-то местность (4); некая территория; определённое место в*

помещении или на открытом воздухе; определённый участок; какая-то территория со своей культурой, своими законами; определённое место в помещении или на открытом воздухе, выделенная и обозначенная область реального мира; некое место бескрайних размеров; определённая территория, физическая или вымышленная и др.; **свободное место** (10 дефиниций, или 5%) – *свободное место (3) в каком-то помещении; место, в котором ничего нет (2), место, свободное от лишнего и ненужного; пустое место и др.*; **протяжённость, расстояние** (9 дефиниций, или 4%) – *протяжённость (2), протяжённая плоскость; протяжённость от ... и до...; расстояние; расстояние между материальными объектами и др.*; **промежуток между чем-то** (5 дефиниций, или 2%) – *промежуток между чем-то (2); расстояние между материальными объектами, между несколькими стенами; место между чем-то; свободное место между объектами.* На связь пространства и времени, которую прослеживали некоторые участники эксперимента, указывают единичные дефиниции: *Пространство – это время; Пространство – это часть единого пространства-времени*, что свидетельствует, по данным психолингвистического эксперимента, об их устаревании в нынешнее время.

Дальнейший анализ показал, что такие обобщённые дефиниции пространства, как «место ограниченное или неограниченное», «объёмное измерение», «мир, реальность, бытие», «промежуток между чем-то», «протяжённость», также соотносятся с определениями из толковых словарей. Однако в словарях они не выносятся как отдельные значения, а объединяются в одно. Например, «протяжённость» и «место ограниченное или неограниченное» – «протяжённость, место, не ограниченное видимыми пределами» (Ожегов С.И., Шведова Н.Ю.; Кузнецов С.А.; Ефремова Т.Ф.). То есть лексикографы по возможности конкретизировали определение понятия «пространство», постарались уйти от абстрактных значений слова.

Результаты эксперимента с использованием метода субъективных дефиниций показывают, что в целом представление о пространстве у

большинства респондентов сходно со словарными дефинициями. Однако если в толковых словарях на первое место выходит философское значение пространства, то современные носители русского языка (32% опрошенных) обращают внимание на функциональное предназначение пространства как места, в котором что-либо может находиться и которое человеком может осваиваться, то есть отмечается неразрывная связь пространства с материальными объектами, его наполняющими. В обыденном восприятии пространства также нашло своё отражение представление о неограниченности, непрерывности пространства, больше характерное для научного понимания. При этом в бытовом описании отсутствуют точные количественные характеристики размера пространства: *некий объём; некая территория; какой-то объём; что-то бескрайнее типа океана; некое место бескрайних размеров* и др., а также не даются точные координаты его местоположения: *какая-то местность/территория; место между чем-то*.

Философское понимание пространства (**мир, реальность, бытие**) в обыденном сознании также присутствует, но распространено в меньшей степени (11 дефиниций, или 5%) – *философское понятие (2); форма существования материи; свойство бытия, выраженное в порядке и хаосе; реальность, задающая способы и правила существования; форма существования действительной реальности; совокупность материи в определённых рамках, безотносительно времени; видимая часть мироздания; субстанция, которая вмещает в себя всё сущее* и др. При нынешнем развитии науки и техники люди всё больше стремятся познать окружающий мир и действовать в нём согласно поставленным целям. Пространство активно осваивается, организуется, делится на зоны, предназначенные для определённой цели (проведения досуга, проживания, работы).

Для современных людей также является важным не только пространство внешнее, но и внутреннее, личное, представляющее собой зону комфорта человека (8 дефиниций, или 4%) – *личные границы (2); личная территория; внутреннее и внешнее мироощущение человека; это замечательное место,*

созданное своими руками, это светлый уютный дом; место, где ты находишься, тебе должно быть там спокойно, легко и уютно; родное место и др. Однако значение пространства как **«области физического и психологического комфорта, принадлежащей человеку»** в словарях русского языка не отражено. Отдельно стоит отметить случаи осмысления пространства как *области возможных вариантов поведения; глубокого жизненного пути; множества связанных элементов между собой.*

На данном этапе была также предпринята попытка проанализировать структурно-логическое построение полученных субъективных дефиниций с целью выявить способ организации знания, заключённого в семантике отдельного слова. Здесь стоит отметить, что среди основных типов дефиниций выделяются описательная, синонимическая и отсылочная (деривационная). Данные участниками эксперимента дефиниции являются преимущественно описательными (93% всех дефиниций), реже значение слова *пространство* раскрывается через близкие к нему по значению слова, а также связанные с ним каким-либо образом понятия: *простор, место, протяжённость, расстояние, масштаб, площадь, окружение, свобода, перспектива, бесконечность, воздух, сфера, мощь, объём, время, местность.* В составе описательной дефиниции выделяются две части: классифицирующая и конкретизирующая. В первой части описываемое явление включается в класс однородных единиц, где при помощи идентификатора (определяющего слова) обеспечивается первичное понимание его значения, во второй части дефиниции представлена совокупность семантических признаков лексемы, которые позволяют идентифицировать лексическую единицу как отдельное, отличное от других, слово. Это могут быть внешние и внутренние и прочие характеристики описываемой единицы, а также функциональные компоненты, отражающие её назначение в жизни человека.

Исследование классифицирующего (идентифицирующего) компонента полученных дефиниций показало, что для описания пространства используются следующие идентификаторы-существительные: *место (69),*

территория (15), объём (11), часть (8), область, площадь (по 6), мир, помещение (по 5), воздух, местность, плоскость, простор, протяжённость, пустота, среда (по 3), действительность, измерение, понятие, промежуток, расстояние, реальность, сфера, участок, форма (по 2), вакуум, величина, вместиллице, граница, дом, зона, комната, люди, масштаб, материя, мироощущение, мощь, общество, объект, окружение, отношения, свобода, свойство, сообщество, субстанция, характеристика (по 1). Чаще всего пространство определяется как 'место', то есть при помощи слова, обозначающего часть пространства и являющегося общим, родовым понятием для конкретных видов пространства. По мнению Т.Ю. Денисовой, «место есть то, что связывает единицу, живущую в мире измеримого, с неизмеримым» [Денисова 2013: 56]. Другими идентификаторами слова *пространство* являются 1) имена существительные обобщённой семантики, имеющие несколько уровней членения значений: *территория, общество, сообщество, вместиллице, материя, объект, субстанция* и др.; 2) такие более узкие виды пространства, как *зона, область, местность, промежуток, участок*; 3) имена существительные с достаточно высокой степенью абстрактности значения: *пустота, реальность, мироощущение* и др.; 4) слова, указывающие на характеристики пространства: *протяжённость, простор* и др.; 5) слова, отражающие параметрические характеристики пространства: *объём, площадь, величина, измерение*; 6) названия конкретных мест: *помещение, комната, дом.*

В рассмотренных дефинициях в качестве идентифицирующего элемента также используются указательные, неопределённые и обобщающие местоимения, которые заменяют идентификатор-существительное и тем самым способствуют ещё более высокому уровню обобщения: *то, что нас окружает; нечто свободное, незанятое, пустое; что-то очень большое; то, что вокруг; то, где всё находится; всё, что нас окружает; то, в чём находишься; какое-либо место; что-то, наполненное воздухом; то, что находится вокруг нас; всё вокруг отдельно взятого человека.* Таким образом, большая доля (90%) идентификаторов в полученных субъективных

дефинициях представлена существительными преимущественно обобщённой семантики, меньшая (10%) – указательными (*то*), неопределёнными и обобщающими местоимениями (*нечто, что-то, всё, какое-либо*).

Анализ второй части дефиниций позволил установить центральные (встречающиеся в большем количестве дефиниций) и дополнительные семантические признаки лексемы *пространство*. Так, к центральным признакам отнесём упоминание функции и предназначения пространства: *место, где можно хорошо провести время, отдохнуть, насладиться окружающей средой, пообщаться с друзьями и близкими людьми; место, где можно что-то расположить; место для чего-либо; пустота для заполнения вещами; вместительность для предметов; территория на которой можно расположить предметы; место для пребывания, проживания, нахождения; место для отдыха, расслабления, получения заряда энергии и др.*, этот признак раскрывает то свойство пространства, которое наиболее важно для жизнедеятельности человека; указание на наличие или отсутствие границ: *место, не имеющее видимых границ или имеющее отдалённые границы; место "обитания", которое может быть ограничено физически или условно; место, не ограниченное видимыми пределами; место замкнутое или безграничное, как космос; неограниченное место и др.*; на размер: *физическая величина, обозначающая что-то огромное; что-то очень большое; что-то бескрайнее типа океана, атмосферы, космоса; большая площадь, от одного берега до другого и др.*; на наполненность или ненаполненность чем-либо: *место, свободное от лишнего и ненужного; нечто свободное, незанятое, пустое; свободное место в каком-то помещении и др.*

К дополнительным семантическим признакам относится локативный признак: *определённое место в помещении или на открытом воздухе; место вокруг тебя; территория или площадь вокруг какого-то объекта; окружающая человека действительность; место вокруг меня* и указание на иные параметры измерения *некий объём, распространённый в трёх*

измерениях; это объёмное трёхмерное временное измерение; физический план существования, имеющий трёхмерную структуру и др.

Таким образом, к наиболее важным, сущностным характеристикам пространства, выявленным в ходе анализа субъективных дефиниций, отнесём его предназначение, наличие или отсутствие границ, размер, наполненность или ненаполненность чем-либо. При этом в одной дефиниции может быть представлено несколько признаков пространства: *большое помещение, которое предназначено для проживания, аренды или для других целей* (указание на размер и предназначение); *место, территория, помещение, которые имеют определённые размеры, и либо чем-то уже заняты, либо могут использоваться для каких-либо нужд* (указание на размер, наполненность, предназначение пространства); *ограниченная площадь для заполнения вещами* (указание на наличие границ и предназначение) и т.п.

Стоит также отметить, что некоторые дефиниции содержали в себе указания на чувственное восприятие пространства: *это прекрасное, удобное место для творчества; это замечательное место, созданное своими руками; место, где ты находишься, тебе должно быть там спокойно, легко и уютно. Будто это специально для тебя, родное место*, что свидетельствует, по мнению Н.В. Фархутдиновой, «о справедливости идеи когнитивной психологии и семантики о том, что в основе познавательной деятельности человека лежат ощущения. Этот уровень познания оказывается достаточным для первичной ориентации человека, для соотнесения какого-либо слова по его свойствам, воспринимаемым на уровне ощущений, с определённой категорией, результатом чего является понимание значения этого слова» [Фархутдинова 1992: 19].

С точки зрения синтаксического построения высказывания полученные дефиниции представлены схемой: **определяемое слово** («пространство») + **связка** + **определяющее слово** (имя существительное или местоимение) и **конкретизирующая часть**, которая включает в себя обособленные или необособленные согласованные или несогласованные определения (чаще

однородные), предшествующие определяемому слову или идущие после него: *определённый участок; некая территория; объём в границах; форма существования материи; место, не имеющее видимых границ или имеющее отдалённые границы; место, свободное от лишнего и ненужного; физическая величина, обозначающая что-то огромное; что-то, наполненное воздухом; некое ограниченное или неограниченное место расположения чего-либо; внутреннее и внешнее мироощущение человека; то / всё, что нас окружает и др.* Конкретизирующая часть может быть представлена также определительным придаточным предложением: *определённая внешняя среда, которая имеет свои размеры; место "обитания", которое может быть ограничено физически или условно; область, в которой находится человек; место, где можно хорошо провести время, отдохнуть, насладиться окружающей средой, пообщаться с друзьями и близкими людьми; место, где находится всё и нет ничего; место, где что-то можно положить и др.*

Проведённый анализ данных, полученных с использованием метода субъективных дефиниций, позволяет прийти к следующим выводам о содержании понятия «пространство» в сознании носителей русского языка:

- современные носители русского языка чаще определяют пространство как место, в котором что-либо находится (21%), окружающий человека мир (17%), ограниченное или неограниченное место (11%), место, предназначенное для определённой цели (10%), большую площадь (8%), то есть участники эксперимента в большей степени обратили внимание на функциональное предназначение пространства и его связь с объектами материального мира, а также отметили его большой размер и наличие у пространства границ;

- если в толковых словарях на первое место выходит философское понимание пространства, то в обыденном сознании оно также присутствует, но распространено в меньшей степени (8%);

- в целом представление о пространстве у большинства респондентов сходно со словарными дефинициями, однако современные носители русского

языка отметили важность не только внешнего пространства, но и внутреннего, личного как области физического и психологического комфорта (4%);

- 93% всех полученных дефиниций являются описательными, в которых классифицирующим компонентом являются в основном существительные (90%) – *место, территория, объём, часть, область, площадь, мир, простор, помещение, среда* и др., реже – указательные, неопределённые и обобщающие местоимения, которые заменяют идентификатор-существительное и тем самым способствуют ещё более высокому уровню обобщения;

- в конкретизирующей части дефиниций содержались центральные и семантические признаки лексемы *пространство*. К центральным признакам пространства отнесём указание на его функции и предназначение, на наличие или отсутствие границ, на размер, на наполненность или ненаполненность чем-либо. К дополнительным семантическим признакам относится локативный признак и указание на иные параметры измерения.

Предпринятая нами попытка дала возможность изучить особенности отражения пространства в сознании носителей русского языка и прийти к выводу о многоплановом отражении ментальной категории «пространство» в сознании наших современников. Языковое представление данной категории включает как наивно-бытовое восприятие пространства, так и толкование, основанное на различных областях научного познания, отчего в языковом представлении носителей русского языка смешиваются различные типы пространства: *космическое, водное, воздушное, жизненное, внутреннее, абстрактное, временное, виртуальное, информационное* и др. Проведённый анализ позволил не только выделить черты, характерные для стандартно-бытового понимания пространства, но и отметить расширение данного понятия в сознании носителей русского языка за счёт восприятия его с точки зрения психологии (личное пространство) и появления эмоционально-оценочных коннотаций.

2.3. Анализ вербализации концепта ПРОСТРАНСТВО по данным НКРЯ

Способность людей ориентироваться в пространстве связана с познавательной деятельностью человека и оказывает большое влияние на формирование его сознания. По мнению Л.Г. Пановой, понимать пространство человек начинает только тогда, когда сталкивается с ним лично [Панова 2003]. При первом приближении пространство обычно рассматривается в широком смысле как «нечто, в рамках чего может находиться объект (элемент) или иметь место действие или событие» [Селиверстова 2004: 564-568]. Однако недостаточно сказать, что пространство – это обобщённое понимание места, включающего в себя физические тела и имеющего протяжённость, размер и т.д. Чтобы утверждать, каким является содержание концепта ПРОСТРАНСТВО, необходимо обратиться к примерам употребления номинирующей его лексемы, изучить её дистрибутивные возможности, специфические переосмысления, преобразования, рассмотреть связанные представления и смыслы («ключевые идеи»), характерные для русской национальной картины мира. Как отмечает Е.С. Яковлева, «...картина пространства в русском языковом сознании не сводима ни к какому физико-геометрическому прообразу: пространство не является простымместищем объектов, а скорее наоборот – конструируется ими, и в этом смысле оно вторично по отношению к объектам» [Яковлева 1994: 54].

Необходимым и оправданным в данном случае видится обращение к Национальному корпусу русского языка (НКРЯ) и реконструкция содержания анализируемого концепта на множестве всех засвидетельствованных словоупотреблений. По данным корпуса, информация об употреблении лексемы *пространство* даётся с XVIII века, и в текстах того времени пространство описывается преимущественно как философское понятие, необъятная площадь и конкретное место [Романова 2013: 111]. С течением лет в понимании пространства происходили изменения, соответственно, менялась и языковая репрезентация данного концепта.

Материалом нашего исследования стали художественные прозаические тексты разных жанров и направлений, созданные во второй половине XX века (1950-1999 гг.) и в первой четверти XXI века (2000-2023 гг.) и представленные в основном корпусе НКРЯ. Выбор указанных временных периодов обусловлен их особой значимостью для трансформации языкового сознания и восприятия пространства в русской культуре: вторая половина XX века стала временем глубоких социально-политических изменений, что отразилось на языковой картине мира, а первая четверть XXI века характеризуется новыми технологическими и культурными реалиями глобализации. Проведение сопоставительного исследования, на наш взгляд, позволило отметить, как в русском языковом сознании в течение времени менялось восприятие пространства, какие компоненты смысла привносились или, наоборот, исчезали. Общий объём исследуемого материала в подкорпусе второй половины XX века составил 831 текст, в которых встретилось 3899 примеров употребления леммы *пространство*; в подкорпусе текстов первой четверти XXI века – 706 текстов и 3506 примеров.

Проведённый анализ показал, что при описании пространства авторы в большей степени обращают внимание на его наполненность, расположение, размер и наличие у пространства границ. В подкорпусе текстов второй половины XX века чаще встречается *космическое* (44 словоупотребления), *мировое* (38) и *окружающее* (28) пространство, что можно объяснить сначала желанием человека покорить космос, постичь мировое пространство, а затем описанием свершившегося первого и последующих полётов. В подкорпусе текстов первой четверти XXI века на первое место выходит *окружающее* (33) пространство, а затем уже со значительно меньшей частотностью встречаются пространства *внутренние* (12), *воздушные* (10), *водные* (7) и др. Именно в группу определений, характеризующих пространство по расположению на земном шаре и за его пределами, входит наибольшее число разнообразных лексем, описывающих как внутренние, так и внешние пространства.

По расположению пространство может быть космическим (44 и 5 – сначала указано количество словоупотреблений в текстах второй половины XX века, затем в текстах первой четверти XXI века): *Её частички отрывались от планеты и улетали в космическое пространство* (А. Казанцев, 1951), *мировым* (38 и 7): *...исключить себя из мирового пространства...* (А. Солженицын, 1968), *окружающим* (28 и 33): *...звёздное небо занимает всё окружающее пространство* (А. Ростовский, 2000), *воздушным* (26 и 10): *Снег заполнил воздушное пространство...* (В. Гроссман, 1960), *водным* (15 и 7): *...вертеться в тесном водном пространстве...* (А. Крон, 1983), *морским* (15 и 3): *А старпом смотрит мечтательно в морское пространство...* (М. Веллер, 1993), *внутренним* (6 и 12): *...внутреннее пространство имело форму правильного октаэдра* (Л. Юзефович, 2002), *межзвёздным* (10 и 5): *Она, наверно, очень эффектна в межзвёздном пространстве...* (К. Булычев, 1971), *небесным* (9 и 3): *...церкви и соборы поблёскивали в голубом небесном пространстве...* (В. Астафьев, 1987), *параллельным* (5 и 2): *...мы живём в разных измерениях или параллельных пространствах...* (Б. Левин, 1965), *внешним* (3 и 3): *Ему нужно всё время бегать во внешнем пространстве...* (В. Дудинцев, 1987), *степным* (5 и 1): *Степное пространство стало привычным обоим путешественникам...* (И. Ефремов, 1956), *таёжным* (3 и 2): *Ей были непонятны и таёжные пространства, и вообще бескрайность до горизонта ...* (Б. Окуджава, 1989), *городским* (3 и 1): *А Мессинг прорубал в городском пространстве тоннели...* (А. Найман, 2012) и др.

По наполненности пространство чаще всего бывает пустым (93 и 55 словоупотреблений): *...Матвей ощутил вокруг себя пустое пространство* (А. Иванов, 2000), да и большинство определений в этой группе указывает на отсутствие в пространстве чего-либо: воздуха, людей, воды, жизни. Так, пространство может быть свободным (47 и 49): *Всё свободное пространство вокруг неё было заставлено кассетами* (И. Полянская, 1996), *безвоздушным* (27 и 8): *Но ведь путь к ней лежит в безвоздушном пространстве...* (Л. Лагин, 1955), *голым* (7 и 4): *Никого там нет, голое пространство...* (В. Крупин,

1992), безлюдным (3 и 7): *... всё видимое пространство казалось совершенно безлюдным...* (В. Войнович, 2000), пустынным (4 и 2): *... бросил взгляд на пустынное пространство тесного вестибюля* (А. Троицкий, 2000), безжизненным (2 и 2): *... от окружавшего безжизненного пространства начались галлюцинации* (О. Афанасьев, 1982), безлесным (2 и 1): *... глядишь на неё из отдаления через пустое, безлесное пространство* (В. Солоухин, 1959), безводным (2): *... они могут проходить огромные безводные пространства...* (А. Ладинский, 1959), незанятым: *В середине было незанятое пространство* (С. Есин, 2008), незаполненным: *... ничем не заполненным, пустым пространством* (М. Баконина, 2000) и др. Только в подкорпусе текстов первой четверти XXI века встретилось определение *тесный* (22), указывающее на заполненность пространства: *Заполнила собой половину тесного пространства киоска...* (В. Мясников, 2000).

Характеризуя пространство по размеру, авторы преимущественно описывали *огромные* пространства (92 и 25 словоупотреблений соответственно), что неудивительно для русского языкового сознания. Первым свойством русского пространства является именно величина. Как отмечал Н.А. Бердяев, «необъятные пространства, которые со всех сторон окружают и теснят русского человека, – не внешний, материальный, а внутренний, духовный фактор его жизни. Эти необъятные русские пространства находятся и внутри русской души и имеют над ней огромную власть» [Бердяев 1998: 326-327]. Мы понимаем пространство в первую очередь как нечто большое, бескрайнее, не имеющее обозримых границ. Здесь стоит также отметить разнообразие используемых для описания размера пространства лексем по мере его увеличения: *крохотное – маленькое – малое – небольшое – немаленькое – большое – огромное – громадное – гигантское*.

По размеру пространство бывает огромным (92 и 25): *... огромные пространства лесов...* (К. Паустовский, 1955), большим (32 и 12): *В этом большом квадратном пространстве...* (П. Галицкий, 2000), небольшим (29 и 12): *Вдруг они увидели небольшое пространство, где не было деревьев*

(В. Постников, 1995), громадным (13 и 1): *Перед ними, будто налитое воздухом, простиралось громадное пространство озера* (Ю. Казаков, 1963), крохотным (7 и 3): *Девочка заметалась на крохотном пространстве...* (Г. Щербакова, 1996), маленьким (5 и 5): *...её дыхание наполняло маленькое пространство между её и его лицом...* (А. Кабаков, 1990), гигантским (6 и 3): *...гигантские пространства между домами и над домами пустовали...* (А. и Б. Стругацкие, 1967), малым (5 и 2): *...соскучились по малому пространству* (И. Стогов, 2007), значительным (5 и 1): *Возле котлована на значительном пространстве было темно и пусто* (А. Житков, 2000) и др.

С точки зрения наличия пространственных границ, описание открытых и закрытых пространств происходит примерно в равной степени. Тем не менее чаще в текстах встречается именно открытое пространство, к которому тяготеет русская душа. Но по той причине, что открытые пространства могут быть связаны с холодами и ветрами, в этом смысле им противопоставляется пространство закрытое, уютное, являющееся своеобразным маленьким домашним миром человека, в котором он ограждён от ненастий.

По наличию границ пространство бывает открытым (45 и 57): *Кругом – открытое пространство...* (В. Тыцких, 2019), замкнутым (37 и 51): *В этом замкнутом пространстве, ограниченном со всех сторон скалами...* (Л. Улицкая, 1996), ограниченным (4 и 13): *...исчезли стенки в замкнутом, ограниченном пространстве...* (В. Гроссман, 1960), безграничным (6 и 2): *...двор становился <...> частью единого безграничного пространства...* (Ю. Нагибин, 1994), закрытым (3): *Он стал бояться закрытых пространств* (Г. Садулаев, 2009), ограждённым, огороженным, околоченным (по 1).

На материале подкорпусов текстов второй половины XX века и первой четверти XXI века были выделены и другие группы определений, приписываемых пространству. При этом определения из художественных текстов XXI века были объединены в большее количество групп. Например, встретились определения, описывающие пространство по предназначению и последствиям воздействия. Зато авторы второй половины XX века чаще

описывали цвет пространства – 88 текстовых примеров по сравнению с 37 примерами из произведений первой четверти XXI века. Тем не менее на фоне всей палитры красок в обоих подкорпусах преобладает белый и чёрный цвет пространства. В текстах второй половины XX века также велико количество определений, указывающих на ширину пространства. Однако и в том, и в другом подкорпусе на первое место выходит *узкое* пространство (36 и 23 словоупотребления соответственно), а затем уже *обширное* (7) и *широкое* (9 и 4). У авторов второй половины XX века многочисленными также стали определения, характеризующие пространство по степени освоенности (41 пример и 19 примеров соответственно). Несмотря на то что преобладают пространства *неведомые* и *чужие*, в современных текстах стали чаще упоминаться освоенные пространства – *знакомые*, *обжитые* (по 2), *обитаемые*, *обихожженные*, *привычные* и *родные*, что свидетельствует о том, что постепенно человек обживает пространство вокруг себя и со временем оно перестаёт казаться ему незнакомым и диким.

По цветовому восприятию пространство может быть чёрным (21 и 11): *И чёрное пространство... стало наполняться цветом...* (П. Галицкий, 2000), белым (20 и 11): *...в этом беззвучном и устойчивом движении посреди белого пространства...* (А. Варламов, 2002), серым (17 и 1): *Она опять видела серое замкнутое пространство...* (В. Липатов, 1971), зелёным (10 и 5): *...с равномерно распределёнными по всему зелёному пространству стогами...* (А. Варламов, 2002), голубым (10 и 1): *...найдёшь голубое пространство, в котором царствует Солнце* (У. Новка, 2004), синим (2 и 3): *...видно неправдоподобно синее пространство цеха...* (В. Ардаматский, 1971), жёлтым (4): *...эти долгие жёлтые пространства, почти лишённые растительности...* (В. Пелевин, 1993), сиреневым (2): *За окнами распахивалось сиреневое пространство...* (Ю. Авдеенко, 1982), ядовито-жёлтым, бирюзовым, золотым.

По ширине – узким (36 и 23): *...просочившись в узкое пространство между открытой дверцей и корпусом автомобиля...* (П. Галицкий, 2000),

тесным (25): *Песня оборвалась, но звук всё бился, всё клубился в тесном пространстве...* (В. Астафьев, 1995), широким (9 и 4): *...природа определила человека для широких пространств...* (П. Проскурин, 1993), обширным (9): *Между домами здесь обширные пространства...* (С. Довлатов, 1988).

По протяжённости и объёму – бесконечным (23 и 10): *...уходил вдаль, в бесконечное пространство и растворялся в нём* (Л. Корнешов, 2000), трёхмерным (14 и 6): *...высунул голову в трёхмерное пространство* (Н. Дежнёв, 1993), бескрайним (7 и 6): *...близость к бескрайним таёжным пространствам...* (М. Тарковский, 2001), безмерным (4 и 2): *Пространство под столами показалось Ване безмерным* (Ю. Петкевич, 2001), длинным, долгим, многоэтажным, двумерным, коротким, многомерным.

По мере отдалённости и обозримости – необозримым (17 и 5): *...свет заливал необозримые пространства...* (В. Михальский, 2001), видимым (7 и 8): *...заполняя собой всё видимое пространство...* (Ч. Айтматов, 1977), обозримым (5 и 8): *Никто из троих в обозримом пространстве не мелькал* (А. Маринина, 1997), далёким (9 и 2): *...убегал в далёкие пространства...* (А. Варламов, 2000), невидимым (3 и 2): *Вокруг невидимое тёмное пространство* (А. Курков, 2001), ближайшим, ближним, близким, незримым, неоглядным, отдалённым, просматриваемым.

По степени освещённости – тёмным (16 и 11): *Впереди – пустое тёмное пространство...* (А. Солженицын, 1998), освещённым (11): *...освещённое пространство, где <...> сидела дежурная медсестра* (П. Галицкий, 2000), ночным (8 и 1): *Пока ловили попутку на непривычно свободном ночном пространстве улицы...* (С. Каминский, 2014), сумеречным (3 и 3): *...в сумеречное пространство прихожей втиснулась тёмная фигура* (Т. Сахарова, 2005), светлым (2 и 2): *...внизу я неожиданно увидел огромное светлое пространство* (С. Голицын, 1963), солнечным (2 и 2): *...способна была покрыть в этом солнечном, бесконечном пространстве что-то прекрасно существенное...* (А. Иличевский, 2005), сияющим (3), мрачным (2), полутёмным (2), ясным.

По степени освоенности – чужим (7 и 3): *...он готов обглодать чужое пространство...* (С. Васильева, 2001), знакомым (6 и 2): *...ожидал увидеть знакомое пространство...* (А. Проханов, 2001), неведомым (7 и 1): *...выплеснул в <...> пространство мощный импульс...* (Н. Подольский, 2001), незнакомым (5 и 1): *...они старались использовать малейшую возможность по освоению незнакомого пространства...* (И. Полянская, 1996), диким (5): *...а другой вёл в дикие пространства...* (А. Иванов, 1990), необжитым (3 и 1): *...необжитые таёжные пространства Сибири...* (Л. Леонов, 1950), враждебным (3): *...фехтовал с невидимым и враждебным пространством...* (И. Полянская, 1996), неизвестным (2 и 1): *...его глаза и смотрят в неизвестное пространство* (А. Слаповский, 2006), неизведанным (2), обжитым (2), забытым, запущенным, бесхозным, обитаемым, обихоженным, обузданным, привычным, родным.

По температуре – ледяным (10 и 3): *...звезда в ледяном пространстве космоса* (К. Яхонтова, 1996), холодным (5 и 7): *...о безлюдных холодных пространствах знал из романов про золотоискателей* (В. Скворцов, 2001), прохладным (6): *...вышел в прохладное свежее пространство* (Б. Минаев, 2001), промозглым (1 и 1): *...из промозглых обветренных пространств* (К. Паустовский, 1954), тёплым: *Медовое, золотое, тёплое пространство доступно его взгляду* (Е. Пищикова, 2007).

По предназначению – личным (24): *...желает впустить в своё личное пространство...* (Л. Улицкая, 2000), жилым (3): *...складывались в отдалении улиц в жилое пространство* (А. Иличевский, 2000).

В зависимости от природных явлений – заснеженным (4 и 4): *...на наших заснеженных пространствах...* (Л. Зорин, 2005), снежным (6): *За лесом лежало снежное пространство...* (Н. Садур, 1981), туманным (2 и 2): *За башней глазам открывается туманное, мерцающее дождём пространство...* (А. Иванов, 2002), снеговым (3): *...паровик свистит куда-то в снеговые пространства...* (Р. Гуль, 1952), ветренным, влажным, задымлённым, заледеневшим.

По охвату – необъятным (5 и 2): *В новой жизни было необъятное пространство вокруг...* (П. Алешковский, 1990-1993), обширным (7): *...над более обширными пространствами...* (В. Войнович, 2000), просторным (3): *Замкнутое, пусть и просторное, пространство* (А. Измайлов, 2001), неохватным (2): *...глоотающие на страшной скорости неохватные пространства...* (Д. Рубина, 2011), неизмеримым (2): *...планета, пробив нежнейшим светом неизмеримое пространство неба..* (К. Паустовский, 1958).

По форме и агрегатному состоянию – плоским (6): *А разве возможно перемещение во времени в таких плоских пространствах?* (С. Осипов, 1998), ровным (4): *...веером развернулось довольно ровное пространство...* (Ю. Авдеенко, 1982), прямоугольным (2): *Прямоугольные пространства заполнились ещё неопределённым туманом...* (Э. Казакевич, 1960), тягучим (2): *Перемещение тела в липком тягучем пространстве жары...* (Т. Соломатина, 2009), извилистым, изогнутым, квадратным, круглым, кубическим, текучим.

По звуковому впечатлению – гулким (8 и 2): *...гулкое пространство вокруг кровати* (А. Варламов, 2000), звуковым (3): *Безветрие так сузило звуковое пространство...* (Е. Евтушенко, 1982), безмолвным (2): *И рядом со мной, в этом безмолвном пространстве, лежало голое тело Лиды...* (Г. Газданов, 1950), стонущим, тихим.

По материалу – бетонным (2 и 2): *...её голос в плоском бетонном пространстве звучал по-иному...* (В. Гроссман, 1960), песчаным (2 и 1): *Огромное песчаное пространство...* (А. Кабаков, 1990), застеклённым (2): *...застеклённое пространство пять на пять...* (М. Баконица, 2000), каменистым (2): *Посреди каменистого ядовито-жёлтого пространства...* (Е. Прошкин, 2001), пластиковым, кафельным.

По последствиям воздействия (степени целостности) – дырявым, рваным: *...само пространство казалось дырявым, рваным...* (О. Славникова, 2014), загаженным: *...обнажал загаженное пространство...* (Ф. Светов, 2001), изувеченным: *...никакая мебель не могла бы вписаться в изувеченное*

пространство (И. Адамацкий, 2001), *невскопанным: ...оглянувшись на огромное невископанное пространство...* (В. Кунгурцева, 2007), *развороченным: ...через всё развороченное пространство...* (О. Славникова, 2001), *разорванным: Разорванное пространство...* (В. Авченко, 2009).

По оценочной квалификации – *странным (8 и 1): ...оставила его на несколько минут в этом странном пространстве* (О. Павлов, 2009), *опасным (4 и 1): ...оставить за спиной опасное пространство* (В. Аксёнов, 2007), *унылым (4): ...в тёмных унылых пространствах...* (И. Бояшов, 2008), *однообразным (2 и 1): ...шли по однообразному пустому пространству...* (Л. Улицкая, 2000), *страшным (3), безликим (2): ...как выкройка, разложенная на дымном, безликом, застроенном пространстве...* (В. Катаев, 1975), *загадочным (2): ...дышать в лицо холодноватую свежестью своих загадочных чёрных пространств...* (К. Паустовский, 1963), *сакральным (2): ...в футболе как в сакральном пространстве...* (С. Самсонов, 2006), *великолепным, волшебным, грустным, заколдованным, мучительным, обидчивым, причудливым, скучным, тайным.*

Совсем немногочисленной стала подгруппа, в которой представлены определения, характеризующие пространство **по глубине**: *бездонное (2 и 4): Края колеса нечётки, как бы растворяются в бездонной тьме пространства* (И. Ефремов, 1956), *...выловил из какого-то бездонного пространства* (И. Сахновский, 2007), что объясняется неравноценностью трёх измерений: длины, ширины и глубины. Если длина и ширина присутствует в чувственном восприятии неподвижного человека, то глубина предполагает осуществление действия со стороны человека, желающего её воспринять. «Иначе говоря, восприятие глубины требует активности, движения не только глаз, но и всего человека; оно принципиально определяется тем типом «движения», который избирается (пусть даже умозрительно) для конституирования глубины как протяжённости» [Пигалев 1998]. Благодаря этому действию плоскость и превращается в пространство.

Возможность пространства существовать в разных формах и видах привела к тому, что в рассматриваемых текстах были выделены частные виды пространства – экономическое: *...в едином мировом государстве и экономическом пространстве должен быть один государственный язык...* (В. Крупин, 1992), виртуальное: *...сражались в виртуальном пространстве...* (Т. Тренина, 2004), информационное: *...сочетание игры и реальности, единого информационного пространства...* (Ю. Азаров, 2002), культурное: *...в контексте общего культурного пространства* (М. Чулаки, 2002), образовательное: *...создана принципиально новая структура единого образовательного пространства...* (Ю. Азаров, 2002), художественное: *В созданном им художественном пространстве...* (В. Ярмолинец, 2007), правовое: *...чиновник объективно находился в узком коридоре правового пространства...* (Ю. Азаров, 2002), эфирное: *...не покидал эфирное пространство вокруг нашего стола* (Э. Лимонов, 2002), языковое: *Словцо это весёлое рождено в английском языковом пространстве, но неожиданно созвучно русскому жаргону* (А. Рубанов, 2010) и др. Таким образом, вокруг человека формируются экономическое, социальное, историческое, психологическое, культурное и языковое пространства. «Как правило, человек одновременно оказывается в зоне пересечения сразу нескольких пространств, которые связаны универсальностью их сущностной характеристики» [Черемисин 2015: 12-13]. С.А. Борисова отмечает стремление современных учёных именно к изучению характеристик и особенностей функционирования «частного» пространства и его специфических типов [Борисова 2003].

По данным НКРЯ также было установлено, что пространство в русском языковом сознании связывается не только с миром реальным, который можно непосредственно увидеть, но и с миром гипотетическим, существующим только в умах и находящимся за пределами реального мира. В рассмотренных примерах встретились пространства поэзии: *...все, что он ни делал ... совершалось в пространстве поэзии...* (А. Найман, 1998), жизни: *... существуют ли в пространстве жизни какие-нибудь миги...* (В. Аксёнов,

1997), памяти: *Пространство памяти и жизни ужималось...* (И. Полянская, 1996), мысли: *...в едком пространстве мысли любое действие моментально идёт трещинами...* (И. Полянская, 1996), судьбы: *...вступил в очерченный круг, в пространство судьбы, в котором ты сам ничего не решаешь* (Л. Зорин, 2008), тишины: *...необходимо задуматься и погрузиться в пространство тишины...* (Ю. Андреева, 2009), сознания: *Мысли ...как облака вползали в пространство сознания медленно...* (А. Уткин, 2010), души: *В пространстве души акустика что надо* (И. Васюченко, 2014). В связи с этим стоит отметить изменение в сознании носителей русского языка, состоящее в том, что происходит отход от русской традиции осмысливать только пространство физическое, природное в сторону познания пространства абстрактного.

В то же время, если говорить об описании физического пространства – того, с которым непосредственно взаимодействует человек, то в текстах второй половины XX века и первой четверти XXI века помимо описания пространства как неограниченной большой площади встречаем указания на его конкретные виды. Например, пространство студии: *...наблюдать за опустевшим пространством студии...* (Н. Дежнёв, 1993), рынка: *...в весёлое пространство рынка...* (И. Полянская, 1994), аэропорта: *...дальше лежало тёмное пространство аэропорта* (А. Лазарчук, 1995), гаража: *...в дальнем, доселе непроницаемом пространстве гаража...* (О. Славникова, 1995), двора: *...воздушное пространство двора...* (А. Боссарт, 1998), комнаты: *...в отделённом от общего пространства комнаты...* (П. Проскурин, 1999) и др.

Предметно-понятийные корреляции. Несмотря на некоторые отличия в частотности примеров, общим для сопоставляемых подкорпусов остаётся признание взаимосвязи пространства и времени. Человек находится во времени и пространстве, и вся его деятельность проходит в пространственно-временных координатах. Неслучайно в истории русской философии категория пространства всегда была тесно связана с категорией времени. Категория пространства и времени «входит в число главных бытийных категорий, являя собой две важнейшие из познанных человеком форм существования материи,

введённые им в язык как для того, чтобы говорить о сложнейших тайнах вселенной, так и для того, чтобы постичь простые формы ориентации человека в конкретном месте и конкретном времени» [Кубрякова 1997: 27]. Тем не менее пространство и время дают почву для размышления не только философам, но и людям вообще: *Книга, созданная руками человека, стала такой же категорией вечности, как пространство и время* (К. Паустовский, 1956), *Ощущение времени и пространства растворилось в наполнявшем обоих чувстве единомыслия* (Е. Парнов, 1990), *Пространство и время, по теории Эйнштейна, это единое целое* (Е. Гаммер, 2014), *...там, где кончаются свет и тьма, где пространство и время сливаются в одно...* (Г. Яхина, 2018).

Как показывают примеры из НКРЯ, по принципу дополнительности (в сочинительном ряду) пространство сочетается с пустынностью: *Пространства и пустынность я увидела во всей их мощи...* (Н. Берберова, 1960), светом: *...вдруг снова пространство и осенний утренний свет соединились...* (В. Гроссман, 1960), неизвестностью: *Впереди вырисовывалась всё та же морозная мгла, белое пространство и неизвестность* (О. Куваев, 1970), движением: *Тюрьма упразднила пространство и движение* (Ю. Давыдов, 1992), темнотой: *...не вынес страха, непереносимого в тесном пространстве и темноте...* (Г. Владимов, 1994), простором: *...расширить пространство и простор проёма...* (Г. Щербакова, 1996), запустением: *Едешь: по всей России необъятное пространство — и запустение* (А. Битов, 2003), цветом: *В комнате сразу стало больше пространства и цвета* (М. Рыбакова, 2003), воздухом: *...ей не хватало пространства и воздуха...* (Г. Пашковский, 2013).

Таким образом, в разных контекстах употребления пространство связывается в первую очередь со временем, составляя вместе с ним бытийную категорию и являясь формами существования материи, а также коррелирует с *простором, пустотой, неизвестностью, движением, запустением* (в случае необъятного русского пространства) и тем, что может пространство наполнять – *свет, темнота, воздух*.

Пропозициональная модель, построенная на материалах НКРЯ, даёт информацию о разнообразии действий-предикатов, попадающих в ситуативно-контекстуальное окружение слова *пространство*. В синтаксической структуре высказывания данное слово может находиться в позиции субъекта (носителя предикативного признака: производителя действия или носителя состояния) и объекта (того предмета, на которое направлено действие) [Шведова 1980]. Кроме того, оно может являться локативом – местом, где происходит действие. В случае, когда слово *пространство* выступает в функции **семантического объекта**, к ситуации приложимы предикаты сворачивать: *Стоило из-за них сворачивать пространство...* (А. и Б. Стругацкие, 1962), раскалывать: *Скорость эта сплющивает, раскалывает пространство и время* (В. Гроссман, 1955), пересекать: *Чётким строевым шагом он пересёк пространство между домом и рощей* (Р. Яров, 1967), заполнять: *...всё пространство заполнил хриловатый голос певицы* (Э. Хруцкий, 1983), понижать: *...корабль всё стремительнее понижывал пространство* (Ю. Глазков, 1984), разрезать: *...пространство разрезает помпезная лестница...* (Н. Дежнёв, 1993), освещать: *...осветить крошечное пространство* (М. Голованивская, 2000), освобождать: *...освободить пространство...* (Л. Корнешов, 2000), разрывать: *Голос Любки разорвал пространство* (Н. Дежнёв, 2002), деформировать, сжимать, растягивать: *Они так наловчились деформировать, сжимать и растягивать пространство...* (Н. Крышук, 2001), загромождать: *...Москва постепенно окружила... загромоздила пространство...* (А. Иванов, 2000), засеивать: *...засеять пространство от Кушки до тундры...* (В. Войнович, 2000), застраивать: *...застроили освободившееся пространство...* (А. Варламов, 2000), поглощать: *...сразу же стал поглощать пространство...* (Л. Зорин, 2001), отвоёвывать: *...вдоль заборов отвоёвывал себе пространство...* (М. Семёнова, 2003), обозревать: *...обозреть открытое пространство...* (М. Семёнова, 2003), раздвигать: *Его свет раздвинул пространство...* (А. Приставкин, 2005), облагораживать: *...мы*

расчистим и облагородим пространство... (А. Рубанов, 2005), *рассекать: Предметы беспорядочно рассекали пространство кабинета...* (Т. Сахарова, 2005), *преодолевать: Я преодолел огромное пространство...* (А. Сокуров, 2007), *распахивать: Хозяин внутренние стены убирал-ломал, пространство раздвигая, распахивая...* (С. Самсонов, 2009), *бороздить: ...я сутки напролёт бороздил околоземное пространство...* (П. Михненко, 2009), *наполнять: Плотная тьма наполняла пространство...* (Г. Яхина, 2018) и др.

Из приведённых примеров следует, что пространство описывается при помощи нескольких метафорических моделей: ‘сосуд’, который можно *заполнять, наполнять*; ‘поле’, которое можно *засеивать, распахивать, бороздить*; ‘свободное место’, предназначенное для заселения, застройки (*загромождать, застраивать*); как ‘рулон или лист’, которые можно *свернуть, разрезать, разорвать*; как нечто, способное менять свою форму и подвергаться деформации, сжиманию, растягиванию. Однако в противопоставление даётся пример *расколоть пространство*, указывающий на его твёрдость и способность пространства делиться на части. Отдельно обратим внимание на скрытое сравнение пространства с конём, которого можно обуздать: *...пытаясь этим арифметическим действием чуточку, что ли, обуздать пространство...* (М. Палей, 2008), а также с парусом, который натягивают: *Тугой ветер натянул пространство...* (Ю. Нагибин, 1960).

Среди встретившихся действий-предикатов также отметим глаголы *нарезать, вырезать, разрывать*, указывающие на то, что пространство может быть поделено на части: *Вцепились в кусок пространства и держимся, будто здесь свет клином сошёлся* (Е. Шкловский, 1990), *Минут двадцать таксист нарезал пространство Берлина на ровные квадратные ломти...* (П. Галицкий, 2000), *...кусочек пространства, вырезанный из огромной тьмы...* (Т. Набатникова, 2001), *...за пределы занятого людьми кусочка пространства* (И. Наумов, 2007), *Машины буксуют и горестно ищут кусочек свободного пространства* (Л. Зорин, 2008), *...очереди сигналов, которые разрывали чёрное пространство на куски...* (В. Ярмолинец, 2008).

В пространство *взывают: ...и со слезами взывал в пространство* (В. Астафьев, 1968), *всматриваются: ...с ужасом и благоговением всматривалась в пространство неба...* (Б. Окуджава, 1971), *кричат: Анюта! – крикнул он в пространство* (В. Крапивин, 1979), *обращаются: Марков обращался в пространство: – Шапки долой, господа!* (С. Довлатов, 1983), *вглядываются: ...вглядывается куда-то в ночь, в темноту, в пространство* (В. Маканин, 1984), *молвят: ...молвил он в пространство...* (В. Астафьев, 2000), *устанавливаются: Тут я застыла, бессмысленно уставившись в пространство* (В. Белоусова, 2000), *глядят: ...продолжала бормотать, глядя в пространство* (В. Белоусова, 2000), *вторгаются: ...я вторгся в пространство её сужающегося мира* (А. Волос, 2000), *просачиваются: ...просочившись в узкое пространство...* (П. Галицкий, 2000), *уползают: ...уползая вместе с табуреткой в угол маленького кухонного пространства* (П. Галицкий, 2000), *уходят: ...уходил вдаль, в бесконечное пространство...* (Л. Корнешов, 2000), *заглядывают: Наконец сообразил заглянуть в пространство...* (А. Троицкий, 2000), *бросают: ...то и дело бросая в пространство несбыточные угрозы* (Ю. Андреева, 2009), *проникают: ...проникнуть в пространство...* (Н. Рубанова, 2011).

Из пространства *глядят: Недоумённая собачья морда глядела на меня откуда-то из пространства* (В. Белов, 1980), *возникают: Сейчас я могу... возникнуть из пространства...* (Э. Радзинский, 1981), *вылавливают: ...их спустя шестнадцать часов выловили из пространства...* (С. Казменко, 1987), *вырываются: Ни разу не шевельнулось во мне желание скинуть путы неподвижности, вырваться из пространства...* (Ю. Нагибин, 1991), *улетучиваются: ...как улетучивается из пространства мелодия...* (И. Полянская, 1996), *выныривают: Они вынырнули не из пространства...* (С. Осипов, 1998), *выпадают: А мы с этим смуглокожим бесёнком как будто выпали из пространства* (Л. Зорин, 2008), *выпрыгивают: ...она так стремительно выпрыгнула из пространства* (А. Мацанов, 2013), *исчезают: ...она исчезала из пространства* (А. Битов, 2013).

В случае, когда слово *пространство* выступает в функции **ЛОКАТИВА**, в его ситуативно-контекстуальное окружение попадают предикаты, выраженные глаголами толпиться: *В пространстве ничьей земли уж толпится наших человек двести...* (Р. Гуль, 1952), тонуть: *Гаснут во времени, тонут в пространстве...* (И. Ефремов, 1956), звенеть: *...где-то в пространстве звенел машинный телеграф...* (П. Сажин, 1956), идти: *...иду в пространстве по прямой* (А. и Б. Стругацкие, 1952), перемещаться: *Вот поезд действительно перемещается в пространстве* (В. Аксёнов, 1962), висеть: *...всё остановилось, повисло в пространстве...* (Г. Бакланов, 1964), передвигаться: *...медленно передвигалось в пространстве...* (В. Войнович, 1986), засыпать: *...засыпаем в пространстве покинутом* (М. Палей, 1990), оказаться: *...двое моих приятелей оказались в пространстве Хроноса...* (Н. Дежнёв, 1993), растворяться: *Получаем бабки и растворяемся в пространстве* (А. Грачёв, 2000), парить: *...парили в пространстве...* (А. Ростовский, 2000), плыть: *Медленно плывёт в чёрном пространстве <...> металлический предмет* (А. Сокуров, 2007), барахтаться: *...барахтаться в бездуховном пространстве...* (Д. Филиппов, 2009), терять ориентацию: *...ориентацию в пространстве потерял...* (С. Самсонов, 2009).

Из приведённых примеров следует, что пространство по своему физическому состоянию в сознании носителей русского языка осмысливается не только как нечто твёрдое, способное держать форму и объём и делиться на части, но и как жидкость, на что указывает употребление глаголов *вылавливать*, *выныривать* (из пространства), *барахтаться*, *плыть*, *растворяться*, *тонуть* (в пространстве), *окунуться* (в пространство), и газообразное вещество: *висеть*, *парить* (в пространстве).

В функции **СУБЪЕКТА** слово *пространство* туманится: *...впереди него туманились безразличные пространства...* (В. Дудинцев, 1956), окружает: *Странное пространство окружает меня* (М. Палей, 1999), всасывает: *...его пустое пространство всосало меня...* (В. Березин, 1998), сужается, расширяется: *Пространство сужалось и расширялось, покачиваясь...*

(С. Осипов, 1998), сжимается: *...время и пространство сжимались вокруг...* (Г. Щербакова, 1997), смыкается: *Пространство сомкнулось над Шепетухой...* (Н. Дежнёв, 1993), несёт: *Пространство несло их куда-то, зажав в кулак...* (А. Дмитриев, 1983), размыкается: *Искривлённое чёрной дырой пространство разомкнулось...* (Е. Велтистов, 1979), лежит: *Огромные всхолмлённые пространства лежали по ту сторону глубокой балки* (В. Рыбин, 1978), тонет: *Остальное пространство тонет в ночи* (В. Громов, 2000), давит: *...давит на меня это пространство* (М. Ходаренюк, 2001), открывается: *Перед глазами открылось большое пространство...* (Д. Донцова, 2004), исчезает: *Пространство исчезло...* (А. Сокуров, 2007), дымится, рубцуется: *Там ещё всюду дымилось и рубцевалось пространство...* (М. Тарковский, 2009), мелькает: *Иногда слева мелькало обширное пространство...* (А. Иванов, 2011), искривляется: *Пространство искривилось...* (В. Авченко, 2015), пугает: *...одновременно людей пугали открытые пустые пространства* (А. Сальников, 2016) и др.

Смысловые преобразования. Анализ слова *пространства* в функции субъекта даёт возможность выявить в текстах предикатные (когнитивные) метафоры, особенность которых состоит в том, что с их помощью объекту присваиваются признаки другого класса предметов. Как замечает Н.Д. Арутюнова, «уподобление в этом виде метафоры происходит по вполне определённом признаку. Действие аналогии имеет своим следствием расширение области приложения предикатных (признаковых) слов. Этим, с одной стороны, семантически обедняется предикат..., а с другой – производится более тонкая дифференциация признаков и проявлений иной категории реалий...» [Арутюнова 1998: 361]. Подобные метафоры позволяют взглянуть на рассматриваемые объекты и явления с другой стороны и увидеть их во всей многогранности. Так, по данным обоих подкорпусов, пространство в метафорической проекции часто осмысливается как ‘живое существо’, ‘жидкость’, ‘природное явление’ (снег, огонь), ‘рукотворный предмет’ (сосуда, занавеса, ковра, фонаря, шара и др.).

По аналогии с живым существом пространство дышит (1 и 4): *...потянется через пространство, дышащее дождём...* (В. Маканин, 1993), *...дышит некое новое сакральное пространство...* (Н. Чёрных, 2015), дрожит (по 1): *Пространство дрожало от лязга* (И. Бояшов, 2008), плывёт (по 1): *Пространство плыло с дурным желудочным наклоном...* (С. Осипов, 1998), *...вокруг неё, вначале неспешно покачиваясь, вразвалочку плывёт окрестное пространство* (Д. Рубина, 2011), летит: *...зелёно-голубое пространство летело навстречу* (Е. Велтистов, 1988), цепенеет: *Пространство оцепенело – ни дуновения, ни шелоха, ни звука* (Ю. Нагибин, 1991), улыбается: *Пространство улыбнулось в ответ...* (А. Лазарчук, 1995), качается, несётся: *Пространство качнулось и понеслось перед глазами...* (С. Осипов, 1998), живёт: *Пространство живёт своей самостоятельной жизнью...* (С. Шикера, 1998), вопрошает: *Пространство вопрошает, а мы не знаем, что ему отвечать* (С. Шикера, 1998), волнуется: *...пространство подёрнулось мелкой рябью, заволновалось...* (А. Волос, 2000), молчит: *Пространство молчало* (В. Галактионова, 2004), воеет: *Пространство выло и выло за окном* (В. Галактионова, 2004), ползёт: *...пространство поползло, как ветхий тюль...* (Е. Касимов, 2004), дёргается, останавливается: *...пространство дёрнулось, мягко качнулось и остановилось...* (А. Иличевский, 2005), трепещет: *...всё пространство, всё мироздание трепетало от напряжения...* (С. Самсонов, 2010), содрогается: *...воздух и пространство содрогнулись...* (В. Маканин, 1977), трясётся: *Дальнее пространство дрогнуло, затряслось от тяжёлого взрыва* (П. Дукницкий, 1968), отступает: *...пространство отступает от тебя...* (В. Солоухин, 1959).

У автора второй половины XX века также встретилось конкретное сравнение пространства с конём, который сначала бушует, ярится, брыкается, затем встаёт на дыбы, а в конце концов смиряется: *...пространство начинает бушевать, яриться, брыкаться, вставать на дыбы, но в конце концов смиряется* (С. Шикера, 1998).

По аналогии с жидкостью пространство течёт: *...начинавшее темнеть пространство текло им в глаза, всё синее и зелёное...* (П. Проскурин, 1983), бурлит: *Пространство у избушки профкома бурлило...* (А. Моторов, 2013); по аналогии с сосудом – наполняется: *Пространство наполнилось густым туманом* (С. Лукьяненко, 1998), переполняется: *...теперь всё его пространство переполнилось траекториями порхающих и уже упорхнувших бабочек и мотыльков...* (Н. Горланова, 1987), заполняется: *...пространство заполнялось вновь прибывшим контингентом* (В. Астафьев, 1987).

По аналогии с огнём пространство гаснет: *...скоро наши зеркальца ослепнут и пространство погаснет в них навеки* (И. Полянская, 1996), мерцает: *На фоне огромного пространства, мерцающего за окном...* (Н. Джин, 1980), по аналогии с костром – пылает: *Пространство пылало вокруг от этих нежных, уже отцветающих цветов* (А. Иличевский, 2007); по аналогии со снегом – тает: *Представил, как пространство вокруг тает, выворачивается наизнанку...* (С. Лукьяненко, 2014).

По аналогии с занавесом – раздвигается (1 и 3): *Время сместилось, пространство раздвинулось* (И. Муравьёва, 1997), *Моё пространство раздвигалось медленно-медленно* (Г. Щербакова, 2000); по аналогии с шаром – лопается: *Пространство лопнуло, и над ним прогремел гром* (С. Осипов, 1998), по аналогии с фонарём – светится: *Пространство бесконечных комнат светилось* (Б. Рохлин, 2002).

В некоторых из проанализированных примеров сразу давалось прямое указание на то, с чем пространство сравнивается. Например, по аналогии с гончарным кругом пространство вращается: *Казалось, это желтоглинное пространство вращалось вокруг машины, как гончарный круг* (Д. Рубина, 1993); по аналогии с рулоном или газетным кулком сворачивается и скручивается: *...пространство сзади сворачивается в тугой рулон...* (П. Галицкий, 2000), *...пространство накренилось и принялось со скрипом скручиваться в газетный кулёк...* (О. Вулф, 2010); по аналогии с ковром – развёртывается: *...словно овечья кошма, развёртывалось пространство*

(П. Крусанов, 2001), расстилается: *...вокруг расстилось некоторое хорошо просматриваемое пространство* (Д. Рубина, 2014).

Подводя итоги корпусного исследования⁴, отметим трансформацию значения слова *пространство*. Если с момента его появления в корпусе (в середине XVIII века) доминировало понимание пространства как философского понятия, площади большого размера и определённого места, то со временем всё меньше встречалось примеров, в которых пространство было представлено в качестве одной из форм существования материи, являлось местом, образованным в результате деления окружающего мира, и выступало в значении промежутка времени. В рассмотренных художественных произведениях второй половины XX века и первой четверти XXI века слово *пространство* было преимущественно представлено в значении

- **«неограниченной протяжённости и большой площади»:** *Огромная страна, ни на одну на земле непохожая, всё в ней растекалось по бескрайним пространствам...* (В. Пришвина, 1962), *...освещённое жёлтым светом пространство было пугающе громадно...* (В. Липатов, 1967-1989), *...я не решался идти по открытому пространству, боясь потеряться в нём...* (А. Иличевский, 2008), *Рассеянный, но удивительно яркий свет почти мгновенно залил необозримые пространства* (В. Михальский, 2009), *...русские растратили данную им энергию, осваивая нечеловеческие в своей протяжённости пространства* (Е. Водолазкин, 2009);

- **«земной поверхности, пространства воды, воздуха, космоса»:** *Снежное степное пространство было прорезано сотнями гусениц...* (В. Гроссман, 1960), *Болотистое пространство рассекала надвое высокая дамба* (Е. Попов, 1997), *На огромном, в несколько гектаров лесном пространстве стояли голые сухие сосны...* (В. Быков, 1999), *...посреди открытого пространства полей и вод* (А. Варламов, 2000), *...будущий*

⁴ Результаты данного этапа исследования были опубликованы в статье: Белова П.Е. Языковая концептуализация пространства в художественном тексте (по данным НКРЯ) // Когнитивные исследования языка – №1 (62): материалы Международной научной конференции по когнитивной лингвистике. 5-7 июня 2025 г. / отв. ред. вып. О.В. Бронникова. – Тюмень: ТюмГУ-Press, 2025. – С. 56-60.

покоритель космического пространства... (Н. Дежнёв, 2002), ...о чём свидетельствовал проделанный Сарделем путь в воздушном пространстве (Ю. Кашкин, 2014);

- «вместилища или места, где что-либо происходит»: Прямоугольные пространства заполнились ещё не определённым туманом... (Э. Казакевич, 1960), Мы пришли первыми... и сразу заполнили собой всё пространство (В. Белоусова, 2000), ...тряпичные валуны, занявшие всё пространство комнаты (Ю. Андреева, 2009), Всё пространство было заполнено столиками, шкафчиками, креслами... (Н. Александрова, 2010), ...пространство между верхами и низким потолком было плотно забито стопками книг, журналов и газет (С. Шикера, 2016).

В произведениях первой четверти XXI века появляются упоминания частных видов пространств, связанных с той или иной сферой жизни – *экономическое, виртуальное, информационное, культурное, образовательное, правовое, эфирное, языковое*. Кроме того, современные авторы уделяют больше внимания личному пространству человека. Отмечается, что герои произведений мечтают о своём приватном пространстве и оберегают его, сохраняя неприкосновенным: *Чета совместно огораживает приватное, личное пространство (Е. Пищикова, 2007), Кристина мечтала об отдельном пространстве... (М. Трауб, 2009), И в этом простом обидном жесте было такое бессовестное нарушение частного пространства... (Е. Колина, 2011), ...постоянно сохраняя неприкосновенным некое личное пространство вокруг себя... (П. Крусанов, 2013).*

По данным НКРЯ также было установлено, что пространство в русском языковом сознании связывается не только с миром реальным, но и с миром гипотетическим. Так встречаются пространства *поэзии, жизни, памяти, мысли, судьбы, сознания, души*, то есть осуществляется познание не только пространства физического, но и абстрактного. Если же говорить о физическом пространстве, то в текстах встречаем описания как внешних, так и внутренних пространств – *пространство столовой, комнаты, кухни, гаража, двора* и др.

В русской языковой картине мира пространство определяется по расположению, размеру, наполненности, наличию границ, по цветовому восприятию, ширине, протяжённости и объёму, по мере отдалённости и обозримости, степени освещённости и освоенности, по температуре, предназначению, охвату, по форме и агрегатному состоянию, звуковому впечатлению, материалу, последствиям воздействия (степени целостности), по оценочной квалификации, а также в зависимости от природных явлений. Чаще всего пространство характеризуется по своему расположению на земном шаре и за его пределами. Самыми частотными характеристиками пространства в произведениях второй половины XX века стали *пустое* (93) и *огромное* (92), в произведениях первой четверти XXI века – *открытое* (57) и *пустое* (55). Данные определения являют собой наиболее существенные признаки русского пространства – ‘величина’, ‘отсутствие видимых границ’, ‘незаполненность’.

В рассмотренных подкорпусах не теряет своей актуальности признание взаимосвязи *пространства* и *времени*. Кроме того, по принципу дополнительности слово *пространство* сочетается с *простором*, *пустотой*, *неизвестностью*, *движением*, *запустением* и тем, что может пространство наполнять – *свет*, *темнота*, *воздух*. В синтаксической структуре высказывания слово *пространство* может находиться в позиции субъекта, объекта и локатива. В метафорическом представлении *пространство* определяется в терминах пропозициональной модели других предметных областей, в том числе ‘живое существо’, ‘вещество’ (жидкость), ‘природное явление’ (снег, огонь), ‘рукотворный предмет’.

Так в многообразии своих употреблений реконструируется содержание анализируемого концепта ПРОСТРАНСТВО в русском языковом сознании.

2.4. Структурирование ментальной категории «пространство»

Пространство – это сложная категория, изучаемая в разных науках. Пространство постоянно развивается, увеличивая свой объём, и уточняется, обретая специфические особенности. Предпринятая нами попытка его

описания позволила установить, каким представляется пространство в современном русском языке и какие концептуальные признаки пространства выявляются через значения номинирующей его лексемы, её словарные толкования и речевые контексты употребления. Так, на первом этапе исследования мы выявили прямые номинации исследуемой категории, то есть проанализировали семантику ключевой лексемы, установили её синонимы, а также выделили семантические признаки лексемы *пространство*, отмеченные в толковых словарях русского языка.

Как известно, категоризация пространства существует и в рамках научной, и в рамках наивной картины мира. Как отмечают Н.Н. Болдырев и Е.В. Чистякова, «категоризация в рамках наивной картины мира исходит из знания о категориях естественных объектов, которое присутствует в обыденном сознании человека, без опоры на какие-либо дополнительные теоретические знания», в то время как классификация в рамках научной картины мира «основана на теоретическом знании, доступном лишь узкому кругу специалистов. Различие между типами знаний проявляется и в различных типах классификаций» [Болдырев 2015: 76].

В научном понимании пространство, будучи предметом изучения разных дисциплин, получает специфические характеристики от каждой из них, что обуславливает существование множества классификаций пространства в рамках научной картины мира. А вот с точки зрения языка наибольший интерес представляет наивная категоризация, находящая отражение в собственно языковых категориях, передающих наше понимание действительности. В отличие от научной категоризации, где элементы категории упорядочены и равноправны, при наивной категоризации под влиянием различных факторов (объективных и субъективных) структура категорий может меняться: одни члены категории будут более значимыми и становиться типичными образцами осмысляемой категории, другие – отходить на задний план и порой даже не осознаваться как члены этой категории.

Для изучения особенностей структуры ментальной категории «пространство» в наивной картине мира и определения специфики её лингвокогнитивной категоризации на следующем этапе исследования был проведён психолингвистический эксперимент с группой носителей русского языка (205 человек разного пола и возраста), в ходе которого было получено 580 ассоциаций на слово-стимул *пространство*. Большинство из них было распределено в три группы. Критерием выделения первых двух групп была причастность или непричастность человека к их созданию. Третья группа включила в себя различные характеристики пространства, а также слова, указывающие на состояние, чувства, процесс, качество, отношения и др.:

- названия нерукотворных (природных) пространств;
- названия рукотворных пространств;
- характеристики пространства.

Внутри этих групп было возможно выделение нескольких подгрупп на основании того или иного признака. Так, в группу «природные пространства» были включены единицы, называющие различные среды географического пространства: твёрдая (суша) – *гора, долина, лес, бескрайние луга, поле, степь, трава*; водная (гидросфера) – *вода, море*, воздушная (атмосфера) – *атмосфера, воздух, небо*. В эту же группу было включено космическое пространство как отдельное географическое пространство, существующее за пределами атмосферы Земли – *Вселенная, галактика, звёзды, космос*. В группу «рукотворные пространства» вошли названия конкретных мест, полученных при разделении пространства человеком и обустроенных им – *комната, квартира, дом, улица, город, дорога, область, зона, округа, участок, завод, зал, кабинет, класс, коридор, парк, студия* и др. В данной группе можно выделить подгруппы, базирующиеся на таких концептуальных характеристиках места, как расположение (внутри – *комната, квартира, зал, кабинет, класс, коридор, студия* / снаружи – *улица, дорога, участок, дом, завод, парк*), размер (например, *участок, округа, зона, область* отличаются

друг от друга по размеру), форма (*комната* – характеризуется наличием нескольких сторон, *улица, дорога* – вытянутая форма) и др.

В третьей группе «характеристики пространства» содержатся слова-ассоциации, отражающие нашу оценку пространства, поскольку мы воспринимаем физическое пространство не в его бесконечности, а как ряд соотносящихся друг с другом объектов, которые можно сравнить по различным параметрам: протяжённость и объём – *бесконечность, непрерывность, протяжённость, бескрайность, трёхмерность, 3Д*; ширина – *широта, ширь*; наличие или отсутствие границ – *границы, безграничность*; мера отдалённости и обозримости – *даль, раздолье*; форма – *куб*; температура – *тепло, холод*. Как отдельная подгруппа также выделены слова, указывающие на состояния и чувства, испытываемые при восприятии пространства: *комфорт, уют, спокойствие, красота, радость, неопределённость* и др.

Помимо свободного ассоциативного эксперимента, был также проведён направленный ассоциативный эксперимент для выявления адъективов, описывающих пространство. Так, для концепта ПРОСТРАНСТВО по результатам второго эксперимента наиболее характерными являются такие признаки, как *отсутствие границ (открытость), протяжённость, большой размер, незаполненность, ширина, освещённость*. Данные концептуальные характеристики пространства легли в основу выделения соответствующих групп определений-ассоциаций (всего 21 группа):

- наличие или отсутствие границ (13% всех ассоциаций) – *открытое, бескрайнее, неограниченное, безграничное, безбрежное, беспредельное / ограниченное, замкнутое, закрытое*;

- размер (13%) – *маленькое, среднее, большое, огромное, гигантское, безразмерное*;

- наполненность (12%) – *свободное, пустое, безвоздушное, незанятое, безлюдное / заполненное, наполненное, занятое*;

- ширина (7%) – *широкое, обширное, просторное, расширенное / узкое, тесное, сжатое*;

- расположение (5%) – *космическое, водное, воздушное, внутреннее, окружающее, потустороннее, внешнее, земное, комнатное, небесное;*
- степень освещённости (4%) – *светлое, тёмное, яркое, освещённое;*
- предназначение (4%) – *личное, рабочее, индивидуальное, моё;*
- протяжённость и объём (4%) – *бесконечное, объёмное, протяжённое,*

а также степень освоенности человеком, характер действия (по 3%), цветовое восприятие, научная область (по 2%), восприятие, температура (по 1%), мера отдалённости и обозримости, глубина, форма и др.

Частью психолингвистического эксперимента стал эксперимент с использованием метода субъективных дефиниций. Помимо определения того, коррелируют ли полученные дефиниции слова *пространство* с теми, что уже приведены в толковых словарях русского языка, было проведено исследование классифицирующего компонента полученных дефиниций, то есть слова, при помощи которого носители русского языка идентифицируют пространство. Категоризация пространства опирается на определённые когнитивные схемы, которые отражают результат взаимодействия человека с миром и передают знание о нём. Это определённая структура, шаблон, которые присутствуют в мышлении и отражают особенности восприятия человеком информации и её интерпретацию. Так, категоризация пространства в русском языковом сознании, по данным проведённого эксперимента, происходит в большинстве случаев при помощи когнитивной схемы «место», для которой характерны такие структурные элементы, как ‘функция и предназначение’ (*пространство – место, где можно хорошо провести время, отдохнуть, насладиться окружающей средой, пообщаться с друзьями и близкими людьми; место, где можно что-то расположить; место для отдыха, расслабления, получения заряда энергии и др.*), ‘границы’ (*место, не имеющее видимых границ или имеющее отдалённые границы; место, не ограниченное видимыми пределами и др.*), ‘внутреннее содержание’ (*место, свободное от лишнего и ненужного; нечто свободное, незанятое, пустое*),

‘расположение’ (*определённое место в помещении или на открытом воздухе; место вокруг тебя, место вокруг меня и др.*).

Здесь стоит также отметить, что пространство репрезентируется при помощи 1) имён существительных обобщённой семантики: *территория, вместилница, материя, объект, субстанция* и др.; 2) упоминания более узких видов пространства: *зона, область, промежуток, участок*; 3) имён существительных с достаточно высокой степенью абстрактности значения: *пустота, реальность, мироощущение* и др.; 4) слов, указывающих на характеристики пространства: *протяжённость, простор* и др.; 5) слов, отражающих параметрические характеристики пространства: *объём, площадь, величина, измерение*; 6) названий конкретных мест: *помещение, комната, дом*. К основным признакам пространства, отмеченным носителями русского языка в приведённых субъективных дефинициях, отнесём возможность пространства *вместать различные объекты, окружать человека, использоваться для определённой цели, иметь объёмное измерение, располагаться между чем-то, являться формой существования материи / реальности, представлять зону комфорта человека, характеризоваться наличием или отсутствием границ, большим размером, протяжённостью*.

Согласно прототипическому подходу, в субъективных дефинициях задействованы все три уровня категоризации пространства (Таблица 1), где на суперординатном уровне (уровне наибольшего обобщения) располагаются единицы, репрезентирующие абстрактное знание, на субординатном уровне находятся единицы, называющие конкретные типы пространства или его части; на базовом – наиболее короткие, общеупотребительные и стилистически нейтральные слова, которые при этом используются в словарных дефинициях единиц ниже лежащего уровня (субординатного), например:

- **площадь** – 1) а) Часть земной поверхности, пространство, естественно ограниченное или специально выделенное для какой-л. цели [Ефремова 2000];

- **местность** – «1) Какое-н. определённое место, пространство, участок на земной поверхности» [Ожегов, Шведова 1997];

- **участок** – «1) а) Часть земельной площади, выделенная по какому-л. признаку или используемая с какой-л. целью. б) Небольшая часть поверхности, площади чего-л.» [Ефремова 2000];

- **вместилище** – «место, сосуд, резервуар для чего-н., ёмкость. *В. для воды, для зерна*» [Ожегов, Шведова 1997];

- **дом** – «2) а) Жилое помещение, квартира» [Ефремова 2000];

- **комната** – «1) Отдельное помещение в доме или квартире, отгороженное стенами или перегородками» [Ефремова 2000];

- **помещение** – «2) Место, где помещается кто-л., что-л. (здание, комната, строение и т.п.)» [Ефремова 2000] и т.д.

На базовом уровне также находятся слова, синонимичные друг другу, например, *территория* и *область* (**область** – «1) Часть страны; территория, пространство» [Ефремова 2000]); *промежуток* и *расстояние* (**промежуток** – «1) Пространство между чем-л.; **расстояние** – пространство, разделяющее два пункта, промежуток между чем-н.» [Ожегов, Шведова 1997]); *величина*, *объём*, *протяжённость* (**величина** – «1. Размер, объём, протяжённость» [Ожегов, Шведова 1997]); *окружение* и *люди* (**окружение** – «б) Окружающие люди, общество» [Ефремова 2000]); *общество* и *сообщество* (**общество** – «2) Круг людей, объединенных общностью положения, происхождения, интересов» [Ефремова 2000]; **сообщество** – «1) Объединение, группа из некоторого числа людей, связанных общими интересами, целями» [Ефремова 2000]).

Суперординатный уровень

*мир (5), действительность, понятие, реальность (по 2),
вакуум, материя, субстанция.*

Базовый уровень

*место (69), территория (15), объём (11), область (6), воздух, плоскость,
простор, пустота, среда (по 3), измерение, промежуток, расстояние,
сфера, форма (по 2), величина, зона, люди, масштаб, общество,
окружение, отношения, протяжённость, сообщество.*

Субординатный уровень

*площадь (6), помещение (5), местность (3), участок (2),
вместилище, дом, комната, объект.*

Табл. 1. Уровни категоризации пространства в сознании носителей русского языка по результатам проведённого эксперимента с использованием метода субъективных дефиниций

В рамках нашего исследования мы также обратились к Национальному корпусу русского языка, а именно – к представленным в нём художественным прозаическим текстам разных жанров и направлений, созданным во второй половине XX века и в первой четверти XXI века и изучили дистрибуции исследуемой единицы, пропозициональные установки, предметно-понятийные корреляции, метафорические преобразования.

На этапе анализа определений, характеризующих пространство, были выделены группы, состоящие из совокупности признаков рассматриваемого концепта, выражающих тот или иной способ концептуализации. Количественная представленность каждой группы признаков указывала на значимость в языковой картине мира определённых когнитивных признаков в осмыслении концепта ПРОСТРАНСТВО носителями русского языка. Так, было установлено, что при описании пространства авторы в большей степени обращают внимание на расположение, размер, наполненность пространства и наличие границ у него. Дальнейшее выделение групп осуществлялось на основе таких характеристик, как цветовое восприятие, ширина, протяжённость и объём, мера отдалённости и обозримости, степень освещённости, степень освоенности, температура, предназначение, охват, форма и агрегатное состояние, звуковое впечатление, материал, последствия воздействия, глубина, оценочная квалификация, а также в зависимости от природных явлений – всего 20 групп.

Исследуя смысловые преобразования, было установлено, что в метафорической проекции пространство осмысливается в качестве живого существа, которое *дышит, дрожит, цепенеет, улыбается, живёт,*

волнуется, молчит, воеет, ползёт, дёргается и др., в качестве жидкости, которая *течёт, бурлит*, природного явления (снег, огонь), которое *гаснет, мерцает, пылает, тает*, в качестве рукотворного предмета (сосуда, занавеса, ковра, фонаря, шара и др.). Важным когнитивным механизмом, помимо метафорического переноса, является также сравнение, которое заключается «в соотнесении оцениваемого объекта с определённой системой ценностей, индивидуальной или общественной, <...> на базе сходного признака» [Болдырев 2015: 60]. Так, способность пространства вращаться позволила Д. Рубиной сравнить его с гончарным кругом, сворачиваться и скручиваться – с рулоном (П. Галицкий) и газетным кульком (О. Вулф), развёртываться и расстилаться – с ковром (П. Крусанов и Д. Рубина).

Таким образом, категория «пространство» в рамках наивной картины мира имеет свои особенности и принципы формирования. Как показали результаты психолингвистического эксперимента, в сознании носителей русского языка существует определённый набор существенных характеристик (признаков) пространства, который служит основой для формирования категории. «Эти признаки, обычно актуальные для наивного сознания, часто кардинально расходятся с научно обоснованными критериями категоризации, но именно они позволяют человеку классифицировать, систематизировать и упорядочивать разрозненные знания о мире» [Дзюба 2015: 140].

Так, основными параметрами наивной категоризации пространства являются следующие: *‘наличие или отсутствие границ’, ‘размер’, ‘наполненность’, ‘ширина’, ‘расположение’, ‘степень освещённости’, ‘предназначение’, ‘протяжённость и объём’, ‘степень освоенности человеком’, ‘характер действия’, ‘цветовое восприятие’, ‘научная область’, ‘восприятие’, ‘температура’, ‘мера отдалённости и обозримости’, ‘глубина’, ‘форма’*. По результатам анализа текстов художественной литературы были также добавлены другие параметры, по которым авторы характеризуют пространство: *‘охват’, ‘форма и агрегатное состояние’, ‘звуковое впечатление’, ‘материал’, ‘последствия воздействия’, ‘влияние*

природных явлений'. В том случае, когда речь идёт о '*направлении и протяжённости*', '*размере*', '*расположении*' пространства, '*наличии или отсутствии границ*', '*способности вместить что-либо*', наивная картина мира соотносится с научными представлениями, в остальном же наивная категоризация строится на специфических признаках.

Выводы по Главе II

Исследование содержания ментальной категории «пространство» в сознании носителей русского языка с целью изучения способов концептуализации и вербальной репрезентации данной категории и определения динамики концептуализации и категоризации пространства в русском языковом сознании позволило сделать следующие выводы:

1. Если в словаре В.И. Даля лексема *пространство* ещё не была вынесена в отдельную словарную статью, то со временем произошло расширение данного понятия, и в толковых словарях современного русского языка уже зафиксировано до пяти словозначений пространства. В ходе их анализа были выделены следующие семантические признаки лексемы *пространство* в русском языковом сознании: '*простирающееся в разных направлениях*'; '*имеющее большой размер*'; '*неограниченное*'; '*предназначенное для кого-, чего-либо*'; '*разделяющее что-нибудь, находящееся между чем-нибудь*'; '*вмещающее что-либо*'.

2. По результатам свободного ассоциативного эксперимента, чаще всего в сознании носителей русского языка пространство ассоциируется со *свободой* (6%), *космосом* (~6%), *местом* (5%), *воздухом* (~5%), *пустотой* (4%), *простором* (4%), *полем, комнатой* (>3,5%). При этом у мужчин на слово-стимул *пространство* самой частотной стала реакция *космос*, у женщин – *свобода* и *воздух*. 94% ассоциаций были представлены именами существительными, остальные – простыми именными словосочетаниями с разными видами связи. Среди существительных преобладали слова с абстрактной семантикой (20%), основные понятия астрономии, астрофизики,

географии (15%), слова, указывающие на наиболее характерные признаки пространства (14%), и названия конкретных мест (12%).

Семантическая интерпретация результатов свободного ассоциативного эксперимента показала, что большинство респондентов (26%) используют слово-стимул *пространство* в его географическом значении. Многочисленными также стали ассоциации, называющие места, полученные при разделении пространства (18%) и места, способные вместить что-либо (15%). Меньше всего пространство осмыслялось с философской точки зрения и как промежуток времени. Полученные ассоциации также позволили выявить дополнительные смыслы, которые вкладываются носителями русского языка в понятие «пространство». Так, оно стало осмысливаться как область физического и психологического комфорта, частотно упоминаемое и личного пространства человека. При этом в словарях русского языка, в отличие от словарей английского языка, идея личного пространства не отражена.

3. По результатам направленного ассоциативного эксперимента было установлено, что в сознании носителей русского языка пространство выступает преимущественно как ничем не ограниченное и обладающее протяжённостью место, и ключевым здесь становится размер пространства. *Большое* – самое частотное из полученных определений. Большой размер пространства отметили и мужчины, и женщины. Близкие по значению ассоциативные реакции были объединены в 21 тематическую группу. Ядро составили определения, характеризующие пространство по наличию или отсутствию границ (13% всех ассоциаций), по размеру (13%) и наполненности (12%). К ближней периферии отнесена характеристика пространства по ширине (7%), по расположению (5%), по степени освещённости (4%), по предназначению (4%), по протяжённости и объёму (4%). Другие группы вошли в дальнюю и крайнюю периферию.

4. Частью психолингвистического эксперимента также стал эксперимент с использованием метода субъективных дефиниций. Согласно полученным результатам, современные носители русского языка чаще определяют

пространство как место, в котором что-либо находится (21% опрошенных), окружающий человека мир (17%), ограниченное или неограниченное место (11%), место, предназначенное для определённой цели (10%), большую площадь (8%), то есть участники эксперимента в большей степени обратили внимание на функциональное предназначение пространства и его связь с объектами материального мира, а также отметили его большой размер и наличие у пространства границ.

Если в толковых словарях на первое место выходит философское понимание пространства, то в обыденном сознании оно также присутствует, но распространено в меньшей степени (5%). В целом же представление о пространстве у большинства респондентов сходно со словарными дефинициями, однако современные носители русского языка отметили важность не только внешнего пространства, но и внутреннего, личного как области физического и психологического комфорта (4%).

5. Сопоставление данных РАС, СИБАС, ЕВРАС и проведённого психолингвистического эксперимента позволило выявить диахронические изменения ассоциативного поля слова-стимула *пространство*. Анализ данных четырёх экспериментов показал, что в русском языковом сознании пространство воспринимается прежде всего как обширная свободная территория, и лишь затем как конкретное место – *помещение, комнату, квартиру*. При этом ядро и ближняя периферия ассоциативного поля ПРОСТРАНСТВО характеризуются устойчивым набором реакций: *космос, пустое, бесконечность, Вселенная, замкнутое, воздух, огромное*.

6. В рамках нашего исследования мы также обратились к данным НКРЯ. В рассмотренных художественных произведениях второй половины XX века и первой четверти XXI века слово *пространство* было представлено преимущественно в значениях неограниченной протяжённости и большой площади; земной поверхности, пространства воды, воздуха и космоса; вместилища или места, где что-либо происходит.

Сравнивая данные направленного ассоциативного эксперимента и материалы НКРЯ, отметим наличие в художественных текстах большого разнообразия адъективов, приложимых к пространству, которые были объединены более чем в 15 групп. И по результатам эксперимента, и по данным НКРЯ ядро составили определения, характеризующие пространство по наличию или отсутствию границ, размеру и наполненности. Самыми частотными характеристиками пространства, по данным ассоциативных экспериментов, стали *космическое* (РАС), *большое* (СИБАС, ЕВРАС, эксперимент 2023-2024 гг.), в произведениях второй половины XX века – *пустое* и *огромное*, в произведениях XXI века – *открытое* и *пустое*.

Если в ходе анализа данных ассоциативных экспериментов мы отметили постепенное стирание связи пространства и времени в сознании носителей русского языка (в РАС, СИБАС и ЕВРАС реакция *время* на слово-стимул *пространство* была самой частотной, чего не показал эксперимент 2023-2024 гг.), то анализ художественных произведений второй половины XX века и первой четверти XXI века показал обратное: признание взаимосвязи пространства и времени не теряет своей актуальности.

Помимо этого, сопоставление результатов психолингвистических экспериментов с результатами обработки художественных произведений показало, что пространство осмысливается в первую очередь как *площадь*, *протяжённость*, *простор*, а затем уже – как *конкретное место*, *помещение*. Среди основных признаков пространства чаще выделяются те, которые отмечены в толковых словарях последних лет – *‘имеющее большой размер’*; *‘неограниченное в размерах’*; *‘простирающееся в разных направлениях’*; *‘предназначенное для кого-, чего-либо’*; *‘вмещающее что-либо’*. По данным НКРЯ также было установлено, что современное понимание пространства выходит за рамки физической реальности, охватывая абстрактный и гипотетический миры. Кроме того, были отмечены новые явления, связанные с возникновением у пространства эмоционально-оценочных коннотаций.

Таким образом, по данным трёх источников мы установили, как описывается пространство в русском языке, какие изменения произошли со временем в его восприятии и как оно осмысливается в русском языковом сознании на современном этапе.

Глава III. ЯЗЫКОВАЯ КОНЦЕПТУАЛИЗАЦИЯ ПРОСТРАНСТВА ГОРОДА В РУССКОЙ ХУДОЖЕСТВЕННОЙ ПРОЗЕ ВТОРОЙ ПОЛОВИНЫ XX ВЕКА – ПЕРВОЙ ЧЕТВЕРТИ XXI ВЕКА

3.1. Город как пространство

Город как пространство жизнедеятельности человека и среда его обитания уже давно привлекает внимание исследователей. Однако изначально осмыслением пространства, в том числе городского, занимались философы. Так, Платон и Аристотель заложили материалистическую и идеалистическую линии изучения сущности пространства, а средневековый философ Августин Блаженный в труде «О граде Божиим» отразил дихотомию сакрального (град Божий) и профанного (град Земной) пространства, которая сохранилась и в более поздних философских концепциях [Горелова 2019: 8].

Согласно В.Н. Топорову, в мифологической перспективе городá стали появляться в тот момент, когда человек был изгнан из рая. Города предстали для людей «наиболее адекватной формой существования в мире» [Топоров 1987: 121]. В реальности появлению городов способствовал экономический прогресс: развитие ремесла и торговли, животноводства и рыболовства. Для образования города выбиралось географически выгодное и удобное для обороны положение. С целью защиты от врагов и диких животных новые поселения огораживались, обносились крепостными стенами, в результате чего такие крупные поселения получили наименование «город». Обращаясь к этимологии рус. *город* (старослав. *градъ* → общеслав. *gordъ*), отметим, что первоначально оно означало «забор», «ограду», а впоследствии – «огороженное место» [Семёнов 2003].

По мнению известного американского архитектора Кевина Линча, «подобно произведению архитектуры, город представляет собой конструкцию в пространстве, но гигантского масштаба» [Линч 1982: 15], для изучения которой потребуется много времени. Будучи в общих чертах стабильной конструкцией, город постоянно изменяется в деталях и пребывает в непрерывной последовательности состояний. Тем не менее в каждом городе выделяется его особая структура, которая включает в себя ориентиры, пути, границы, районы, узлы. Ориентирами являются объекты, привлекающие внимание человека; пути – это маршруты, связывающие две точки в пространстве; границы – линии раздела различных участков; район – «локализованная атмосфера»; узлы – места назначения, встреч, отдыха и т.п. Данные элементы не просто составляют городское окружение, они придают ему визуальную ясность и читаемость, то есть благодаря их распознаванию складывается упорядоченная, целостная картина пространства города.

Попадая в пространство города, мы начинаем ориентироваться в нём посредством зрительного, слухового, обонятельного, двигательного, тактильного анализаторов. Наше взаимодействие с пространством может включать в себя общение с людьми, передвижение, осуществление в нём какой-либо деятельности, посещение каких-либо мест (магазинов, ресторанов, театров и др.), с целью удовлетворения базовых потребностей. Кроме того, приобщаясь к городской среде и её смыслам, мы удовлетворяем свои эстетические потребности. Стоит также отметить, что обычно человек осваивает город снизу, являясь при этом пешеходом, пассажиром или водителем, формирует субъективные языковые шаблоны, благодаря чему упорядочивает и познаёт пространство.

А.В. Иконников, изучая особенности восприятия и описания пространства, выделил в его структуре несколько уровней: реальное (физическое) пространство; концептуальное пространство (мысленная модель) – выводится из понимания пространства «по Ньютону» и перцептивное пространство (отражённое в восприятии человека) – из

понимания его «по Лейбницу», а также связанные с этими уровнями модели исследования пространства [Иконников 2006: 51]. Первая модель связывает в целостную систему объективные данные о пространстве и чаще служит для фиксации объекта на чертежах. Вторая модель основана на отражении пространства и его элементов посредством органов чувств [Горелова, Межевикин 2016: 16]. По мнению Г.З. Каганова, «в сознании любого обывателя любой среды обязательно существует образ этой среды. Без него невозможно адекватное средовое поведение...» [Каганов 1989: 17]. При этом один и тот же город разными людьми, даже если они идут по одним и тем же местам, воспринимается по-разному, «ибо одно и то же с формальной стороны может быть различным со смысловой стороны» [Фокина, Гурин 1998: 33-35].

Одним из способов закрепления образа конкретного места в сознании, средством постижения окружающего мира является создание устойчивых урбанистических метафор, отражающих специфику определённого типа города. Они рождаются в результате синтеза образности городских мифов и рационального представления об идеальной организации городского пространства, при этом обладают большой ёмкостью и лаконичностью. Например, яркой образностью обладает городской текст, поскольку авторское видение города проявляется через использование различных синтаксических приёмов и средств художественной выразительности.

При исследовании городских пространств важно различать маленькие провинциальные и большие (как правило, столичные) города. Как отмечает А.С. Поршнева, пространство маленького города выстраивается по модели Дома [Поршнева 2010: 108-109] – знакомого, хорошо освоенного места, отсюда и метафора «город-дом». Иными свойствами обладает пространство большого города. Это уже не «город-дом», а «город-мир», внутри которого локализованы точечные микропространства, существующие по тем же закономерностям, что и Дом [Поршнева 2010: 111].

По замечанию В.Н. Топорова, открытый во все стороны город – это «город-блудница», крепость, а сила «города-девы» в его целомудрии

(«невзятости») [Топоров 1987: 128]. Метафоры «небесный град», «град Божий», «город-храм», «город-рай» / «город-ад» формируют представление о том или ином городе как о сакральном пространстве, духовном центре или, наоборот, месте концентрации зла и болезней. Город, сохраняющийся в своих «сакральных границах», – «город-музей», «город-призрак». Метафоры также отражают исторические и ландшафтные признаки города. Сначала город создаётся как непреступная крепость, укреплённая со всех сторон высокими и протяжёнными валами и крепостными стенами. Постепенно «город-крепость» становится «городом-садом» с цветущими парками и скверами, где создаётся комфортная для человека городская среда.

Социолингвист П. Лангер приводит типологию из четырёх метафор, описывающих городское разнообразие: «город-базар», «город-джунгли», «город-организм», «город-машина» [Лангер 1984]. Метафора города как рынка или базара указывает на осуществление в нём большого количества активностей, массового товарообмена, сопровождающегося коммуникацией жителей. Джунгли олицетворяют «дикое» восприятие городского пространства как густонаселённой среды, таящей опасность и конкуренцию за место под солнцем, ресурсы и свою территорию. Метафора организма относится в первую очередь к обществу, имеющему свои контролирующие органы – сердце и мозг, а затем уже распространяется на город и его компоненты, которые находятся в сбалансированной связи. Наконец, из-за автоматизма обыденной жизни город предстаёт машиной, части которой работают так, как задумано создателями.

Говоря об органических и механических урбанистических метафорах, стоит отметить, что они противопоставлены друг другу как нечто естественное, природное, появляющееся без чьей-либо внешней воли, и неорганическое, искусственное, возникшее по замыслу, в соответствии с каким-либо планом. Если описание городов второго типа («город-механизм», «город-крепость» и др.) происходит в терминах создания, функционирования, слаженности работы отдельных деталей или, напротив, разрушения, то

первого типа («город-сад», «город-оазис», «город-организм» и др.) – в терминах рождения, роста, расцвета или гибели, то есть город наделяется признаками живых существ.

Городу также присуща метафора персонификации (очеловечивания). «Тело» города составляют наполняющие его материализованные объекты (площади, улицы, административные, культурные здания, образовательные учреждения и пр.), являющиеся при метафорическом переносе «органами». Распространены метафоры «лицо города», «сердце города», «лёгкие города», «артерия города», где под «лицом» города могут пониматься исторические здания: *...разделяющего надвое «лицо города» – исторический центр...* (М. Игнатушко, 2002), градообразующие предприятия: *Индустриальное лицо города создают новые заводы...*(1971); под «сердцем» – Кремль: *...выступит в самом сердце города, в Кремле* (Н. Зайцева, 2011), базар: *Здесь находится сердце города – Большой (он же Крытый) базар...* (2011); завод: *Металлургический завод, он – сердце города родного* (Е. Трубина, 2010); крепость: *Музей современного искусства и крепость Калемегдан – сердце города Белграда* (Л. Карлова, 1968); под «лёгкими» – зелёные массивы: *...зелёные массивы – «лёгкие» города...* (В. Плетников, 1961); под «артерией» – основная улица: *Сумская улица – основная артерия города...* (Э. Лимонов, 1985).

Подобно живым людям, город может умереть (*Ненавидимый им город умер...* М. Булгаков, 1928-1940), повернуться (*Город повернулся спиной к воде.* Д.А. Гранин, 1966), расти (*С тех пор город рос...* К. Анохин, 2002), жить (*Город жил своей суматошной жизнью.* А. Мацанов, 2013), задыхаться (*Город задыхается в дыму.* А. Городницкий, 2014), спать (*Внизу город спал ленивым субботним сном.* Н. Дашевская, 2015), просыпаться (*Город просыпался.* В. Шапко, 2016), приободриться (*Надо сказать, что город приободрился...* М. Бару, 2016); находиться в определённом эмоциональном состоянии: переживать (*Город переживал тяжёлое время.* Ю. Домбровский, 1958), тревожиться, негодовать (*Город тревожился,*

бурлил, негодовал. И. Грекова, 1984), обрадоваться (*Город обрадовался...* А. Лисаченко, 2015) и др.

Как уже было отмечено ранее, яркая образность и наличие большого количества урбанистических метафор являются характерными признаками городского текста. Проиллюстрируем это на примере. Анализ современного московского текста показал⁵, что в новейших прозаических [Улицкая, Глуховский, Быков и др. 2016] и поэтических текстах о нашей столице Москва представлена с помощью натуроморфных, антропоморфных, артефактных и соматических метафор. Подобно растению, Москва расцветает с каждым годом: *Живи и процветай, Москва...* (Л. Бутко), а если посмотреть на нашу столица сверху, то, по мнению писателя В. Березина, Москва похожа на древесный спил с годовыми кольцами и трещинками-магистралями: *...сверху Москва похожа на древесный спил. <...> Годовые кольца улиц неплотно прилегают друг к другу, и во все стороны расходятся трещинки магистралей...* Подобно человеку, столица просыпается рано утром и делает зарядку, любит, не верит слезам, может проверить на вшивость: *В «Семи няньках» я сумел сделать любопытную для кинематографа начала шестидесятых вещь – показал, как Москва делает зарядку* (Р. Быков). *Это город – живой, настоящий / Просыпается в пять утра («Революционерк»), Ты любишь тех, кому и без подарка дорога...* (М. Медведева-Якубицкая), *Она, как известно, слезам не поверит / На вшивость безжалостно может проверить...* (Т. Бережная), *Москва не боится, не верит, не просит* (О. Груз).

В текстах были также отмечены случаи уподобления Москвы не только женщине, но и мужчине (при этом всякий раз с негативной окраской). Это

⁵ Данный этап исследования более подробно представлен в статьях:

1) Белова П.Е., Соснин А.В., Гусева Л.В., Никшикова Л.Ю. The Moscow Text and the Imagery of Urban Perception // Forum for World Literature Studies, 2023. – Vol. 15. – No. 4. – P. 733-750;

2) Соснин А.В., Балакина Ю.В., Белова П.Е. Прологомены к когнитивно-семиотическому исследованию московского текста русской литературы XXI века // Slavistica Revija, 2021. – Т. 69. – № 2. – С. 239-256;

3) Белова П.Е. Особенности восприятия и представления Москвы в русской поэзии XXI века // В кн.: Актуальные проблемы лингвистики и литературоведения: сборник материалов Международной научной конференции, посвященной памяти профессора Л.А. Араевой (3-4 февраля 2022 года, Москва) / Отв. ред.: Э.М. Афанасьева. – М.: Государственный институт русского языка им. А.С. Пушкина, 2022. – С. 372-376;

4) Белова П.Е. Мифы и мотивы московского текста в русской лингвокультуре XXI века // Журнал филологических исследований, 2022. – Т. 7. – № 3. – С. 87-91.

антропоморфные образные метафоры «город-людоед», «город-урод» и «город – убийца всего хорошего», «монстр-неудачник». Однако в большинстве случаев столица видится писателям и поэтам красавицей: *Вот она, Москва-красавица...* (М. Айзенберг). В основу данной метафоры легло имевшее место в фольклоре представление Москвы в женском облике.

Среди артефактных метафор отметим случаи уподобления Москвы приводе, золотому гвоздю, жемчужине и венцу: *...Москва, / Всей России – прИвод!* (М. Гуськов), *...золотой, Богом вбитый гвоздь* (М. Гуськов), *Москва – жемчужина России* (А. Перов-Второй), *Москва была и есть венец* (А. Перов-Второй). А к соматическим метафорам отнесём, во-первых, представление Москвы как целого организма с сосудами-улицами: *Москвы дымится организм* (Ю. Мориц), *Машин потоки текут по венам* (Л. Малкова), *...и землистая мгла в венах Москвы...* (Ю. Мориц). Во-вторых, сопоставление с отдельными частями тела: *Москва! Ты сердце Родины моей!* (А. Аринин), *А ты и есть в Москве, на её губе...* (М. Степанова). По мнению современных поэтов, Москва также является «городом-раем», что отмечает в своих стихотворениях Н. Филатова и О. Груз: *Москва – мой единственный рай* (Н. Филатова), *Москва, с бесконечностью её окраин, / Кому-то кажется раем* (О. Груз). Эти простые социоморфные когнитивные метафоры помогают ощутить привлекательный облик столичного города.

Проанализировав образы, которыми современные писатели и поэты характеризуют столицу, заметим, что в новейшем московском тексте встречаются следующие метафорические модели: «город-организм», «город-рай», «город-монстр», «город-машина» и др., при помощи которых возможно осмысление реальности, постижение содержания и смысла, сохраняемого и воспроизводимого городской культурой.

Возвращаясь к структуре городского пространства, не стоит забывать о дихотомии «центр-периферия», которая особенно ярко прослеживается в современных городах, где вокруг исторического центра формируются новые районы. «Центр города – это его символическое ядро, его идеальное

воплощение, его уникальный образ, его «дух»» [Иливицкая 2019: 154]. Кроме того, это точка отсчёта истории города, место скопления всех его культурных богатств. Периферия же включает окраины, которые переходят в пригороды, и, в отличие от центра, «она лишена какой-либо положительной ценностной составляющей» [Иливицкая 2019: 154].

В городской среде выделяются три типа пространства: *частное* (принадлежащее конкретным владельцам и доступное ограниченному кругу лиц – квартиры, офисы, предприятия), *полуобщественное* (контролируемое узкой группой лиц – дворы, территории школ и детских садов) и *общественное*, включающее в себя доступное всем открытое пространство – площади, бульвары, набережные и закрытое – магазины, крытые рынки, кафе и рестораны, театры, библиотеки и др. [Ненько 2020: 5] С опорой на данные Русского семантического словаря под ред. Н.Ю. Шведовой (2003) дополним перечень объектов открытого городского пространства. Сюда также относятся проезды, проулки, закоулки, тупики, дворы. Стоит также отметить, что объекты открытого городского пространства отличаются своей формой и имеют различные геометрические разновидности, что отражается на их функциональной организации, особенностях восприятия их горожанами и даваемых им образных характеристиках. Так, к *локальным образованиям* относятся площади, перекрёстки, дворы, тяготеющие к центричности и формирующие единое компактное пятно на плане города. *Линейными объектами* городского пространства считаются улицы и их разновидности – проспекты, бульвары, набережные, переулки, проулки, проезды и др., водные артерии (реки, каналы), мосты, канатные дороги, то есть те объекты, размеры которых в длину превышают их ширину.

На данном этапе работы нас в большей степени интересуют объекты города, которые относятся к открытому, свободно доступному пространству. Важным представляется установить то, как в русской языковой картине мира осознаётся и воспринимается городское пространство в совокупности образующих его элементов, а именно: площадей, улиц, проспектов, бульваров

и набережных. Материалом нашего исследования стали художественные прозаические тексты разных жанров и направлений, представленные в основном корпусе НКРЯ. Выбор подкорпуса художественных прозаических текстов второй половины XX века (1950-1999 гг.), включающего 2994 текста общим объёмом более 45 млн слов, и подкорпуса первой четверти XXI века (2000-2023 гг.), включающего 1940 текстов общим объёмом более 29 млн слов, объясняется, во-первых, наиболее полным функциональным проявлением в них прагматического потенциала всех языковых единиц, во-вторых, возможностью отследить изменения, происходившие со временем в сознании людей при восприятии пространства города, и определить характерные черты русской лингвокультуры.

Для каждого из выбранных объектов открытого городского пространства был проведён этимологический анализ использующегося для его обозначения слова с целью установления его первичного, исходного значения, его краткий дефиниционный и компонентный анализ для выявления основных признаков, отражённых в словарной дефиниции, и анализ встретившихся в корпусе употреблений данного слова, включающий в себя установление характеристик, при помощи которых объект отображается в языковом выражении, исследование пропозициональных установок, предметно-понятийных соответствий и смысловых преобразований, что позволило представить особенности концептуализации и категоризации городского пространства в художественном тексте.

3.2. Площадь в пространстве города

Особым общественным пространством с точки зрения его наличия практически в любом городе является площадь. По одной из версий, данное слово было заимствовано из старославянского языка, а восходит к греческому *plateiades*, производному от *plateia* «широкая» [Шанский, Боброва 2004], по другой – название произошло от праславянского **ploskědь* («плоский») [Фасмер 1986-1987]. Словом *площадь* обозначается незастроенное большое и

ровное место (в городе или селе) [Ожегов, Шведова 1997], пространство общественного назначения, обычно архитектурно организованное [Ефремова 2000], обычно имеющее определённое название [Морковкин 2018]. Компоненты значения ‘незастроенный’, ‘большой’, ‘ровный’, ‘имеющий общественное назначение’, ‘архитектурно организованный’ указывают на основные признаки площади – её размер, наполненность чем-либо, вид поверхности, предназначение, оформленность. В дефиниции также отражается одна из функций площади – она является элементом планировочной структуры города, центром, от которого в разные стороны расходятся улицы. Обращение к примерам (больше 4,5 тысяч вхождений леммы *площадь* в подкорпус художественных текстов второй половины XX века и почти 3,5 тысячи – в подкорпус художественных текстов первой четверти XXI века НКРЯ) позволяет раскрыть многомерность восприятия данного элемента открытого городского пространства и выделить когнитивные признаки его восприятия и описания.

По предназначению и расположенным на ней сооружениям площадь может быть привокзальной (60 и 69 – сначала указано количество словоупотреблений в текстах второй половины XX века, затем – в текстах первой четверти XXI века, *привокзальная* – самое частотное определение к слову *площадь* в текстах второй половины XX века): *...расположен прямо на привокзальной площади...* (А. Пермяков, 2010), вокзальной (36 и 27): *Проходила она около многолюдных вокзальных площадей* (К. Паустовский, 1954), базарной (48 и 18): *...на краю кишящей людьми базарной площади* (А. Фадеев, 1943-1951), рыночной (19 и 38): *...в переулок, ведущий к рыночной площади...* (С. Лукьяненко, 2014), торговой (10 и 4): *На улицах тысячи людей спешили на торговые площади* (А.П. Ладинский, 1959), театральной (5): *Через два часа он сидел на небольшой театральной площади...* (В. Шапко, 2011), ратушной (3): *И народ на ратушной площади его слушает* (М. Кантор, 2011), университетской (1 и 1): *...смотрел на*

них с университетской площади... (Л. Карелин, 1971), ярмарочной (1 и 1): ...он стоял на помосте на ярмарочной площади... (В. Брагин, 1962).

По значимости – центральной (37 и 79 – самое частотное определение в текстах первой четверти XXI века): *Памятники <...> стоят на центральной площади в каждом городе...* (Р. Амосов, 2013), главной (33 и 39): ...он пожелал выступить перед горожанами на главной площади... (А. Дорофеев, 2003), культовой, знаменитой.

По размеру – маленькой (21 и 18): ...выскочил на маленькую площадь Пале-Рояль... (К. Паустовский, 1958), небольшой (14 и 14): *Парадная дверь отеля выходила на небольшую площадь...* (Д. Рубина, 2014), большой (12 и 6): *А впереди, на углу большой площади...* (Е. Чеповецкий, 1989), огромной (8 и 5): *Огромная площадь перед портом...* (В. Сидур, 1974), крошечной (1 и 5): ...поднялся по крошечной площади... (Ю. Домбровский, 1978), гигантской (1 и 3): ...мраморные гигантские площади под нещадным солнцем... (Д. Рубина, 2009), громадной, махонькой, мелкой.

По наполненности – пустынной (20 и 5), пустой (8 и 14): *На пустынной площади стоит белый собор...* (И. Стогов, 1960), людной (4 и 1): ...отлили из него статую, которую поставили на самой людной площади (И. Ефремов, 1956), голой (2 и 2): *Большая голая площадь* (П. Сажин, 1956); безлюдной (2 и 1): *Мы стояли перед огромным <...> зданием на безлюдной площади* (М. Ибрагимбеков, 1977), многолюдной (2).

По ширине – просторной (12 и 4): ...батареи зенитных орудий на просторных площадях (Н. Чуковский, 1946-1953), обширной (7 и 1): ...начиналась обширная площадь имени Карла Маркса (В. Михальский, 2009), широкой (10 и 1): ...возникла широкая площадь (П. Сажин, 1956), тесной (1 и 2): ...пересёк тесную грязную площадь... (М. Тарковский, 2003).

По типу покрытия – булыжной (5 и 5): *Умытая до блеска булыжная площадь...* (И. Сахновский, 2009), заасфальтированной (6 и 1): ...вышли на заасфальтированную, слабо освещённую площадь... (В. Кормер, 1987), каменной (2): ...почти голой, каменной и холодной площадью... (П. Сажин,

1956), брусчатой (1 и 1): *...остановился на неровной брусчатой площади...* (Ю. Буйда, 2003), немощёной, мраморной.

По конфигурации – круглой (9 и 3): *Стояла она на круглой площади...* (И. Грекова, 1967), квадратной (2): *...не дремали после чумной ночи на маленькой квадратной площади...* (А. Кабаков, 1995), полукруглой (3): *Мы сидели <...> в кафе на полукруглой площади...* (А. Макушинский, 2012), округлой (2): *Остановился на округлой площади...* (В. Рыбаков, 1993), прямоугольной, треугольной, овальной.

По степени загрязнённости – пыльной (8): *...по пыльной площади кружились пары...* (В. Гроссман, 1960), грязной (5 и 1): *...на грязной площади перед старой гостиницей...* (Р. Штильмарк, 1951), замусоренной (2): *На замусоренной площади среди шелухи, бумаг...* (Д. Гранин, 1987), загаженной, нерасчищенной.

По звуковому впечатлению – шумной (8 и 5): *...свернув с шумной площади на улицу...* (В. Иванова, 2012), тихой (3 и 1): *...уютно тихая площадь Навона, этот римский Монмартр...* (Ю. Бондарев, 1975).

По степени освещённости – тёмной (6): *...оттуда на тёмную площадь* (М. Шагинян, 1954), мрачной (2): *Он очутился на мрачной площади...* (М. Шагинян, 1954), солнечной, тусклой, светящейся, тенистой, сумрачной, светлой.

По местоположению – московской (2 и 3): *...он стоял на московской площади...* (Ю. Давыдов, 1989), столичной (1 и 1): *...побывали на главнейших столичных площадях...* (Л. Леонов, 1950-1953), соседней, петербургской, итальянской, европейской.

По степени освоенности – чужой (1 и 1): *Зачем нам эти чужие площади, чужие улицы...* (Ю. Казаков, 1966-1972), знакомой: *...с детства знакомая площадь...* (С. Бабаян, 1994), незнакомой: *...и я выхожу на незнакомую площадь...* (Ф. Кнорре, 1973).

По оценочной квалификации – красивой (5 и 2): *Это и впрямь красивая площадь* (Т. Толстая, 2015), праздничной (1 и 1): *Я увидела толпу*

народа на праздничной площади... (Е. Тюгаева, 2011), уютной (1 и 1): *...по его извилистым улочкам и уютным площадям...* (А. Рейнеке, 2015), прелестной, живописной, замечательной, невзрачной, сумасшедшей, таинственной, диковинной, бестолковой, суетной, прекрасной, некрасивой и др.

Анализ данных городским площадям характеристик показывает, что чаще всего они характеризуются по предназначению и расположенным на них сооружениям, при этом в текстах обоих подкорпусов преобладают *привокзальные* (60 и 69), *вокзальные* (36 и 27) *базарные* (48 и 18), *рыночные* (19 и 38) площади, что можно объяснить их востребованностью у горожан. Тем не менее авторы чаще описывают площади *пустынные* (20 и 5), *пустые* (8 и 14), в том числе и те, на которых расположена транспортная развязка: *Вышла на пустую привокзальную площадь* (В. Шапко, 2014).

Второй по частотности стала характеристика площади по её значимости. Так, в текстах первой четверти XXI века в два раза чаще упоминаются *центральные* площади города. Частотна и группа определений, характеризующих площадь по своему размеру, при этом на первое место и в художественных текстах второй половины XX века, и в текстах первой четверти XXI века вышли площади *маленькие* (21 и 18), *небольшие* (14 и 14). Другие же определения используются для описания широты пространства площадей, их протяжённости и способности вместить большое количество людей: *широкая, огромная, обширная, громадная, длинная, бесконечная* и др.

Интересно также отметить, что если в текстах второй половины XX века встречаются только *круглые* площади, то в современных текстах описываются *квадратные, овальные, прямоугольные* и даже *треугольные* площади. Частотным также является представление площадей в тёмное время суток – *тёмных, мрачных, тусклых*. Особенно это касается текстов второй половины XX века. Кроме того, именно в этих текстах отмечается загрязнённость городских площадей, чего в современных текстах почти не наблюдается. Остальные группы признаков были выделены в обоих подкорпусах.

Предметно-понятийные корреляции. По принципу дополнения площадь в первую очередь сочетается с улицами: *С площади вытекало сразу несколько улиц* (И. Стогов, 2001), затем с проспектами, бульварами, набережными, переулками, скверами, дворами, домами, административными зданиями, магазинами, кафе и ресторанами: *Его улицы, набережные, площади, переулки, пустыри...* (Г. Алексеев, 1984), *...целый город, с площадями, дворами и переулками* (В. Попов, 2000), *...знал его бульвары и площади...* (Д. Маркиш, 2001), *...огромные площади, широкие проспекты...* (А. Трушкин, 2002), *...рядом с центральной площадью и административными зданиями* (Г. Садулаев, 2009) и др. То есть с площадью в основном ассоциируются элементы открытого городского пространства, а также объекты, его наполняющие. Кроме того, при описании площади упоминаются различные мероприятия и действия, проходящие на ней (народные гуляния, парады, митинги): *...она увидела народное гулянье на площади...* (В. Гроссман, 1960), *...примет участие в параде на Красной площади* (К. Симонов, 1959), *Сначала был митинг на Манежной площади* (В. Белоусова, 2000).

Неотъемлемой частью площади является памятник – место встреч горожан и зона притяжения гостей города. Не случайно в художественных текстах второй половины XX века и первой четверти XXI века частотны упоминания памятников на площадях: *...неподалёку от площади, где стоял памятник Карлу Марксу* (В. Панова, 1958), *На площади стоял маленький памятник каким-то морякам...* (Д. Гранин, 1962), *...площади с бронзовыми памятниками адмиралов...* (В. Крапивин, 1979), *...в центре маленькой площади стоял памятник легендарному полководцу* (Н. Дежнёв, 2009).

Кроме того, художественные тексты второй половины XX века отличает многократное упоминание названий конкретных площадей, среди которых особое место занимает Красная площадь (260 упоминаний): *...бой часов с Красной площади* (А. Арбузов, 1954), *...созвездие наших знаменитых площадей – Красной, Театральной, имени Дзержинского* (А. Бек, 1940-

1956), *...мы пошли к площади Льва Толстого* (В. Каверин, 1949-1956), *Мы выходим к Пушкинской площади...* (Ю. Казаков, 1956), *...очутился на Смоленской площади* (Б. Окуджава, 1962) и др.

Пропозициональная модель. В синтаксической структуре высказывания слово *площадь* может находиться в позиции субъекта, а также являться локативом. В контексте локативы обычно выступают в денотативной функции пространственных сирконстантов, которые выполняют различные частные функции в определённых ситуациях речи [Федосеева 2013: 29].

В случае, когда слово *площадь* выступает в функции **собственно локатива** (места, где происходит действие), в его ситуативно-контекстуальное окружение попадают предикаты, выраженные глаголами динамики – выступать, танцевать, гулять, петь, толкаться, играть, митинговать и др.: *...будем выступать на площади* (Ю. Трифонов, 1962), *На площади тренировались в парадном марше милиционеры* (А. Битов, 1960-1999), *...ей предстояло танцевать на площади с розовой лентой...* (О. Славникова, 2016), реже – глаголами статики (ждать, стоять): *В полдень будет ждать на площади...* (Г. Елин, 1978), *Постоим на площади, покричим...* (С. Алексиевич, 2013) и др.

Слово *площадь* также выступает в функции **директива-старта** (отправного пункта, исходной точки движения) или **директива-финиша** – (конечной точки движения), на что указывают глаголы движения и перемещения, содержащие динамические характеристики. По мере приближения к площади увеличивается интенсивность движения людей. Так, **к площади** люди бегут, быстро идут, валом валят, стекаются, устремляются: *...и со всех сторон к площади стекались люди и машин...* (Г. Николаева, 1959), *...когда устремились к площади...* (Н. Тихонов, 1959), *Они вышли на улицу и медленно пошли к площади Восстания* (В. Аксёнов, 1963), *Мне выпало бежать к площади* (Н. Климонтович, 2001) и др., а уже **от / с площади** чаще спускаются, плетутся, сходят, уходят, реже выталкиваются, вытесняются: *...Каляев шёл медленными шагами с*

площади (Р. Гуль, 1958), Мы двинулись с площади под мелодичный звон... (А. Ладинский, 1959), Раненым и уцелевшим дали возможность уползти с площади (Д. Липскеров, 1996), Через десять минут они ушли с площади вдвоём (А. Геласимов, 2009), ...с площади потихоньку смылся (В. Кунгурцева, 2009), ...вытолкали с площади взашей (Б. Евсеев, 2010) и др.

Площадь также может являться пространством между стартом и финишем, частично или полностью преодолеваемым при движении, в таком случае слово выступает в предложении в функции **транзитива**: *Через Красную площадь он вырвался на набережную (П. Сажин, 1962), Лукарий поднял воротник плаща, пересёк площадь (Н. Дежнёв, 1993), Ваксон пересекал Красную площадь от Куйбышевой... (В. Аксёнов, 2007), Только миновав рыночную площадь, он увидел её там... (Е. Чижов, 2012) и др.*

В функции **семантического субъекта** площадь шипит: *Площадь шипела чернее чернослива... (А. Ремизов, 1952), гудит: Площадь гудела от народных криков (А. Алтаев, 1955), хохочет: Хохотала площадь, хохотали окрестные улицы (В. Панова, 1963), шумит: Площадь внизу тихо шумела (Э. Шим, 1976), гремит: ...загремела притихшая площадь... (Б. Васильев, 1988), молчит: Площадь молчала... (Е. Хаецкая, 1997), замирает: Площадь замерла (А. Белянин, 1999), суется: Совсем внизу суется площадь... (А. Уткин, 2007), пустует: Площадь пустовала (А. Чиж, 2012), обзревает: Вся площадь обзревала нас (Б. Клетинич, 2015) и др.*

Смысловые преобразования. Употребление слова *площадь* в функции семантического субъекта является источником для формирования предикативно-глагольных метафор, в которых описываемая сущность наделяется конкретными признаками через предикат. В метафорическом представлении площадь переосмысливается в терминах водной стихии (по аналогии с жидкостью площадь перетекает: *Площадь перетекала в пешеходную улицу... (З. Прилепин, 2006), закипает: Площадь закипала (В. Пелевин, 2011)), в терминах вместилища (по аналогии с сосудом – наполняется: Когда площадь наполнилась... (Е. Водолазкин, 2009),*

переполняется: *...маленькая площадь Старого Города переполнялась принарядившимися обитателями...* (С. Каф, 2011)); в терминах природного явления (по аналогии со снегом – кружится: *Площадь закружилась вокруг нас...* (М. Анчаров, 1965), похрустывает: *...было слышно, как похрустывает площадь...* (А. Проханов, 2001), хрустит: *Хрустела свежим снегом Кремлёвская площадь...* (А. Пашкевич, 2013); по аналогии с туманом – расстилается: *Перед ними расстилалась площадь* (В. Губарев, 1951), растворяется: *Сенная площадь растворилась в свете ночи* (А. Чиж, 2012)).

В ходе анализа примеров из подкорпуса НКРЯ встретились также случаи пространственной метонимии – переноса, основанного на физическом соположении предметов, явлений. В данном случае происходит перенос наименования элемента городского пространства – площади – на людей, находящихся там: *...забитая солдатами площадь орала всё нетерпеливее* (Б. Васильев, 2000), *...и вот уже вся площадь скандировала* (Е. Колина, 2011), *А потом площадь взорвалась приветственными воплями... Площадь стала роптать...* (В. Пелевин, 2011), *Вся площадь на разные лады обсуждала недавние события* (С. Логинов, 2014).

Подводя итоги⁶, отметим, что в текстах художественной литературы второй половины XX века упоминания о городских площадях встречаются с той же частотой, что и о сельских, деревенских, поселковых и хуторских. Однако в текстах первой четверти XXI века городским площадям уделяется больше внимания. Тем не менее в текстах обоих подкорпусов было выделено одинаковое количество групп определений (13), которые используются при описании площади. Кроме того, на протяжении времени устойчивы синтаксические функции слова *площадь*. Так, оно может находиться в позиции

⁶ Результаты данного этапа исследования были опубликованы в статьях:

1) Белова П.Е. Городские площади: взаимосвязь функций и пространства в русской языковой картине мира // В кн.: Значение как феномен актуального языкового сознания носителя языка / Науч. ред.: А.В. Рудакова. Под общ. ред.: М.А. Стерниной, Г.А. Заварзиной, Е.А. Маклаковой, М.Е. Новичихиной, А.О. Стеблецовой. – Вып. 9. – М.: ООО "Издательство Ритм", 2023. – С. 84-93;

2) Белова П.Е. Динамика восприятия площадей в пространстве города носителями русского языка (сравнительный анализ по данным НКРЯ) // Актуальные вопросы лингвистики и литературоведения: сб. науч. статей по материалам междунар. науч. конф. памяти д.ф.н., проф. Л.А. Араевой, Кемерово, 6-8 февраля 2025 г. / под ред. Н.В. Мельник (науч. ред.), Э.С. Денисовой (отв. ред.). – Кемерово, 2025. – С. 152-158.

субъекта и локатива (собственно локатива, директива-старта, директива-финиша и транзитива). Но при этом только в текстах первой четверти XXI века было отмечено большое количество предикативных метафор и выделены разнообразные метафорические модели.

3.3. Улицы в пространстве города

Улицы, как и площади, организуют основное пространство города, связывая его в единое целое. Под улицей подразумевают «место, пространство вне жилых помещений», находящееся под открытым небом [Шведова 2003: 67]. Само слово *улица* исконно русское, общеславянского происхождения, образовано от праславянского корня *ula*, что можно перевести как «пустая, освобождённая» [Шанский, Боброва 2004]. С древности улицы служили не только для передвижения людей, но и для проведения различных общественных и культурных мероприятий.

В отличие от средневековых узких и извилистых улиц, современные улицы более широкие и просторные, разделённые на зоны для пешеходов, транспорта, велосипедистов и оснащённые различной инфраструктурой. Являясь важным элементом городской среды, улицы делятся по своему функциональному предназначению. Выделяются магистральные (главные) улицы и улицы местного назначения, также существует шесть основных типов городских улиц, которые определены в зависимости от формы, протяжённости, ширины проезжей части (проспект), наличия посередине пешеходной зоны с местами для отдыха (бульвар), расположения вдоль водоёма (набережная), протяжённости и функционала (переулок), условий рельефа (спуск), наличия сквозного проезда (тупик).

Улица – это не только пространство между зданиями, но и важная часть нашей истории. Она является отражением жизни и развития общества, его культурного наследия, передающегося через особую архитектуру. Улицы создают атмосферу города, определяя его характер и стиль. В связи с этим особо интересным представляется обращение к примерам НКРЯ (более 20,3

тысяч вхождений леммы *улица* в подкорпус художественных текстов второй половины XX века и около 13 тысяч – в подкорпус художественных текстов первой четверти XXI века НКРЯ), чтобы выделить концептуальные характеристики этого элемента открытого городского пространства.

Так, при описании городских улиц авторы чаще всего характеризуют их по местоположению, при этом наиболее частотными являются улицы соседние (67 и 95 – самое частотное определение в текстах первой четверти XXI века): *...иногда я замечал его на соседних улицах...* (В. Пелевин, 1992) и московские (104 и 62): *...и мы пошли по московским улицам...* (В. Катаев, 1977). **По местоположению** улица также может быть боковой (22 и 5): *Он свернул в маленькую боковую улицу* (И. Муравьёва, 1998), окраинной (20 и 7): *...я возвращаюсь домой вдоль тихих окраинных улиц...* (Ф. Искандер, 1969), параллельной (11 и 6): *На параллельной улице в солидном особняке...* (С. Таранов, 1999), парижской (16): *И всё меньше гуляли по парижским улицам* (А. Гладилин, 1981), берлинской (9 и 2): *Ни единый солдат союзников не погиб на берлинских улицах...* (Э. Лимонов, 1987), ближайшей (10), близлежащей (4 и 5): *На Исаакиевскую площадь и близлежащие улицы обрушился снежный заряд* (В. Аксёнов, 1969), ленинградской (9), петербургской (5 и 4), питерской (4): *Восемьсот фонариков выходили в сумерки на петербургские улицы...* (Д. Гранин, 1954), приморской (9): *Я пересёк приморскую улицу...* (Ф. Искандер, 1966), нижней (8), окрестной (4 и 2), римской (5 и 1), одесской (5), подземной (4), прибрежной (2 и 2):, севастопольской (4), женеvской (3), лондонской (3), боковой (2), верхней (2), вологодской (1 и 1), гамбургской (2), киевской (2), ташкентской (2), флорентийской (2), казанской, вильнюсской, венской, итальянской, симферопольской, сингапурской, пекинской, харьковской, иерусалимской и др.

В художественных текстах второй половины XX века и первой четверти XXI века также частотна характеристика улиц по значимости и наполненности. **По значимости** улица может быть главной (227 – самое

частотное определение в текстах второй половины XX века и 85): *...стоял на главной улице нашего города...* (Ф. Искандер. Письмо, 1969), центральной (69 и 90): *Затем поселился на одной из центральных улиц Владивостока* (С. Довлатов, 1983), единственной (16): *...в конце единственной улицы...* (В. Аксёнов, 1976), знаменитой (2): *...пересекли знаменитую Канопскую улицу...* (А. Ладинский, 1959), известной (2): *Над каждым столом висела табличка какой-нибудь известной парижской улицы* (В. Аксёнов, 1997).

По наполненности – пустынной (126 и 51): *Редкий автомобиль встречался на пустынных улицах* (А. Солженицын, 1968), пустой (80 и 68): *Белая ночь, пустые улицы...* (В. Аксёнов, 1997), безлюдной (36 и 22): *..каждый год Михаил проходил по безлюдным улицам...* (В. Вещунов, 1987), людной (18 и 14): *И снова – людная городская улица...* (Б. Екимов, 2008), оживлённой (7 и 19): *Они не спеша пошли по оживлённой улице* (А. Маринина, 1996), малолюдной (9): *По малолюдным улицам турецкого квартала я брёл наугад...* (А. Варламов, 1999), глухой (6 и 1): *Они пересекли два дворика, глухую улицу...* (Д. Симонова, 2002), мёртвой (6): *Остаюсь на мёртвой улице...* (Ю. Друнина, 1968), многолюдной (5 и 1): *...продолжала путь домой по малолюдным улицам родного городка...* (Т. Моспан, 2000), немногочисленной (2): *Улицы действительно были немногочисленны* (Г. Садулаев, 2009), переполненной, нехоженой, опустевшей.

Кроме того, в художественных текстах второй половины XX и XXI вв. улица определяется **по степени освещённости** и может быть – тёмной (133 и 46): *...прогулка по пустым тёмным улицам* (А. Маринина, 1996), ночной (59 и 34): *...помчался по ночным улицам* (А. Грачёв, 1999), вечерней (34 и 8): *...наслаждаться видом вечерних улиц...* (М. Милованов, 2000), тенистой (11 и 3): *Жила <...> недалеко от меня, на тенистой улице...* (Б. Левин, 1995), солнечной (10 и 2): *...часами брожу по солнечным улицам...* (Ю. Буйда, 2000), утренней (11 и 1): *...спешили <...> по золотой и мокрой утренней улице...* (О. Славникова, 1999), освещённой (10) солнцем: *...он видел освещённую солнцем улицу* (В. Мясников, 2000), светлой (6 и 2): *Потом он*

оказался внизу, на широкой светлой улице... (В. Пелевин, 1991), яркой (7): *...он вышел налегке на яркую улицу* (В. Дудинцев, 1987), сумеречной (3 и 3), неосвещённой (3 и 2), полутёмной (3 и 2), сверкающей (3), залитой солнцем (2), пасмурной (2), рассветной, стемневшей, полуночной, сияющей, предрассветной, тусклой.

По протяжённости и ширине – широкой (68 и 34): *...оказался на широкой улице...* (Ю. Трифонов, 1976), узкой (68 и 31): *...по узким ночным улицам Иерусалима...* (В. Астафьев, 2000), длинной (34 и 11), длиннейшей (2): *....прошёл длинную пустую улицу до конца...* (В. Попов, 1997), тесной (6 и 5): *Звенели и гремели на её тесных улицах кузнецы...* (М. Белов, 1969), бесконечной (10): *...иду по бесконечной улице к огромному новому зданию...* (Л. Чуковская, 1980-1994), просторной (4 и 5): *Буду ходить по его просторным улицам...* (С. Шуртаков, 1970), короткой (4 и 3), коротенькой (2): *...а недалеко впереди короткая эта улица, похоже, кончалась* (В. Быков, 2001), неширокой (7): *Машина влетела в неширокую улицу...* (А. и Г. Вайнер, 1987), узенькой (6), бесконечной (4), недлинной (3), широченной (2), малой, бескрайней.

По температуре и погодным условиям – заснеженной (17 и 1): *Он шёл по заснеженной улице...* (Д. Липскеров, 1999), мокрой (14 и 3): *Голубела вдаль мокрая улица* (С. Шаргунов, 2003), снежной (14): *...увёл соседку гулять по снежным улицам* (В. Березин, 1998), весенней (11 и 1): *...мы выбираемся <...> на залитую солнцем весеннюю улицу* (Л. Филатов, И. Шевцов, 1992), осенней (7 и 4): *Они пошли молча по сухой осенней улице* (А. Лиханов, 1967), жаркой (6 и 4): *И, очутившись на воле, на жаркой и людной улице...* (Б. Екимов, 2008), холодной (7 и 3): *Вспоминаются холодные улицы* (В. Спектр, 2002), зимней (5 и 3): *...мы гуляли по очень вечерним и очень зимним улицам города...* (С. Соколов, 1976), тёплой (5 и 3): *Потом я шёл по тёплой ночной улице...* (В. Попов, 2001), знойной (6): *После знойной улицы здесь было прохладно и темно* (В. Крапивин, 1979), слякотной (4), сырой (4), обледенелой (3), пасмурной (3),

ветреной (2 и 1), дождливой (1 и 2), вьюжной (2), туманной (2), душной (1 и 1), летней (1 и 1), морозной (1 и 1), влажной, промороженной, заметённой, заледенелой, выстуженной, промозглой, ледяной, оттаявшей, дымной, промёрзшей.

По звуковому впечатлению – тихой (61 и 17): *...свернули в тихую улицу...* (Л. Улицкая, 1996), шумной (22 и 6): *...очутились на большой шумной улице* (Е. Чеповецкий, 1989), гулкой (2 и 2): *Улицы Дукента показались ему сегодня необычно пустыми и гулкими...* (В. Граковский, 2003), безмолвной (1 и 2): *Улица оставалась пустынной и безмолвной* (Г. Сванидзе, 2009), притихшей (3): *...притихшие улицы были почти пустынными...* (И. Сахновский, 2007), бесшумной, горластой.

По типу покрытия – травяной (31): *...вдоль одной из сторон прямоугольника, образуемого кварталом травяных улиц* (А. Эппель, 1992), песчаной (19): *...идёт по солнечной песчаной улице...* (А. Рыбаков, 1977), мощёной (9 и 5): *...спустились по крутой мощёной улице...* (В. Пелевин, 1996), каменной (8 и 3): *Мы шли по узкой каменной улице...* (В. Аксёнов, 1963), немощёной (9 и 2): *Он попетлял по узким немощёным улицам...* (А. Троицкий, 2000), булыжной (2 и 2): *На подходе к площади ратуши широкая булыжная улица...* (С. Ястребов, 2007), асфальтированной (3), асфальтовой (2), гравийной, бетонированной.

По степени загрязнённости – пыльной (33 и 22): *Пыльные улицы неухоженного полуразрушенного маленького городка...* (А. Сокуров, 2007), грязной (21 и 2): *Она шла по грязной улице...* (А. Слаповский, 1999), чистой (6 и 11): *Я никогда не буду жить на чистой улице...* (Г. Щербакова, 1996), вонючей (5): *Вонючие улицы показались Анне тесными* (А. Ладинский, 1960), ухоженной (2), грязноватой, замусоренной, захлавленной, замызганной, неприбранной, нереставрированной.

По степени освоенности – знакомой (22 и 9): *...он оказался на знакомой улице...* (В. Дудинцев, 1987), незнакомой (17 и 5): *...она идёт по незнакомым улицам незнакомого города* (В. Гросман, 1960), чужой (12 и 1):

Обрадовавшись, будто встретила на чужих улицах знакомого... (И. Полянская, 1996), родной (6 и 5): *...и недлинная родная улица казалась ей бесконечной* (А. Берсенева, 2005), неизвестной (2), неведомой, родимой, малоизвестной, малознакомой.

По цветовому восприятию – зелёной (34 и 5): *Недлинные ухоженные зелёные улицы...* (В. Баевский, 2008), чёрной (9 и 6): *Он шёл один по чёрной улице и завернул за угол* (М. Владимиров, 1966), белой (5 и 7): *...от цветущей вишни улица стояла белой...* (А. Терехов, 2012), серой (1 и 3): *...шагал к своему новому жилищу по незнакомым серым улицам...* (А. Уткин, 2007), голубой, жёлтой, чёрно-белой, сиреневой, побелённой, сизой, чёрной-пречёрной, цветастой, бесцветной, серо-стальной, красной, сумеречно-сиреневой.

По конфигурации – прямой (15 и 13): *...за которыми начиналась другая улица, узкая и прямая, как стрела* (А. Пятигорский, 2001), кривой (15 и 12): *Довольно скоро они вышли на тёмную кривую улицу...* (В. Пелевин, 1996), крутой (5 и 4): *...по крутым казанским улицам бегут ручьи...* (Н. Ильина, 1957-1985), извилистой (5): *Извилистые улицы поднимались здесь вверх...* (Р. Штильмарк, 1951), горбатой (3): *...гоняли по кривым и горбатым улицам...* (В. Аксёнов, 1963), запутанной (1 и 2): *А улицы <...> были донельзя запутанными и кривыми...* (М. Семёнова, 2003), гористой (2), ровной (2), ухабистой (2), гладкой, кольцевой, радиальной, кособокой, покатою, плавной, полукруглой.

По размеру – большой (24 и 5): *Антипов вышел на большую улицу...* (Ю. Трифонов, 1980), маленькой (13): *Он идёт по переулку, а затем по каким-то маленьким улицам...* (В. Маканин, 1988), небольшой: *...была небольшая, но широкая улица* (Р. Ивнев, 1960-1967).

По времени появления – старой (17 и 11): *...на крутом подъёме изжитой, невероятно старой улицы нет электричества* (В. Распутин, 1998), новой (18 и 4): *Новая улица пролегла в стороне.* (Ю. Дружников, 1968-1997).

По предназначению и расположенным на ней сооружениям – торговой (6 и 3): *Он сразу оказался на людной торговой улице...* (В. Аксёнов, 1963), проезжей (4 и 5): *... активно шумела проезжая улица* (В. Мясников, 2000), пешеходной (2): *...по узким пешеходным улицам слонялись стаи туристов* (М. Чулаки, 2002), базарной: *Тогда старуха <...> побрела вдоль базарной улицы* (К. Паустовский, 1960). И только в художественных текстах второй половины XX века встречается упоминание улиц, характеризующихся **по мере отдалённости и обозримости** – дальняя (3): *Там стреляли на дальних улицах* (И. Ратушинская, 1998), отдалённая (3): *...его услышали на самых отдалённых улицах города* (В. Губарев, 1951).

По оценочной квалификации – мёртвой (6 и 7): *Мёртвые улицы, выбитые окна...* (И. Наумов, 2007), красивой (8 и 3): *...на очень красивой улице...* (Ю. Дружков, 1964), прекрасной (6 и 2): *Прекрасные улицы, бульвары, переулки...* (А. Алдан-Семёнов, 1973), нарядной (3 и 4): *Идём по широкой нарядной улице* (А. Кучаев, 2001), праздничной (5 и 2): *...представлял широкую и праздничную улицу...* (М. Елизаров, 2003), весёлой (6): *...стремительно пробежали веселые и шумные улицы...* (Л. Лагин, 1955), сонной (3 и 3): *Сонные улицы города оживляли лишь ослики и дети* (О. Куваев, 1975), унылой (4 и 2): *Смотрит на унылую улицу* (Л. Зорин, 2001), странной (5): *...мы идём по странным улицам...* (Б. Левин, 1994), яркой (5): *...обедал около окна, глядя из-под занавески на яркую июньскую улицу...* (В. Дудинцев, 1956), скучной (3 и 1): *...их смутные фигуры на скучной улице...* (Е. Звягин, 2002), свежей (3): *Белые улицы, чистые, свежие и притихшие* (М. Ясинская, 2015), спокойной (2), роскошной (2), однообразной (2), простуженной (2) и др.

Анализ данных улицам характеристик показывает, что чаще всего они характеризуются по своему местоположению, значимости и наполненности, при этом в обоих подкорпусах преобладают *московские* (104 и 62) и *соседние* (67 и 95), *главные* (227 и 85) и *центральные* (69 и 90), *пустынные* (126 и 51) и *пустые* (80 и 68) улицы. Интересно отметить, что в художественных текстах

часто описываются не только пустынные площади, но и пустые безлюдные улицы. Четвёртой по частотности по обоим подкорпусам стала характеристика улиц по степени освещённости. Больше внимания авторы уделяют *тёмным* (133 и 46), *ночным* (59 и 34) и *вечерним* (34 и 8) улицам, нежели *светлым* (6 и 2), *солнечным* (10 и 2). Далее идут характеристики улиц по протяжённости и ширине, и в обоих подкорпусах почти в равной степени описываются как *широкие* (68 и 34), так и *узкие* (68 и 31) улицы, а по протяжённости преобладают улицы *длинные* (34 и 11), *бесконечные* (10), *бескрайние*.

Стоит обратить внимание и на вариативность определений, даваемых авторами улицам в зависимости от температуры и погодных условий. Так, например, улицы зимнего города в художественных текстах обоих подкорпусов получили характеристики *холодная, зимняя, вьюжная, морозная, промороженная, выстуженная, заметённая, снежная, ледяная, промёрзшая, заснеженная, заледенелая* и др. Но только художественные тексты первой четверти XXI века отличаются большим количеством разнообразных цветовых характеристик городских улиц, среди которых встречаются сложные прилагательные: *чёрно-пречёрная, серо-стальная, сумеречно-сиреневая*. А вот о размерах улиц пишут преимущественно авторы второй половины XX века, чаще упоминая при этом улицы большого размера. Остальные группы признаков (за исключением характеристик улиц по мере отдалённости и обзорности, которые были отмечены только в текстах второй половины XX века) были выделены в обоих подкорпусах.

Предметно-понятийные корреляции. По принципу дополнительности улицы в первую очередь сочетаются с площадями, которые обычно располагаются на их пересечении, а также с проспектами, бульварами, проулками, закоулками, тупиками, дворами, то есть с элементами открытого городского пространства: *...они шли в свою бесконечную прогулку. По улицам, бульварам, пахнувшим землёй* (И. Грекова, 1963), *И болтался по улицам и переулкам в неизвестном каком-то маршруте* (В. Токарева, 1991), *...и превращался в неясное переплетение тёмных пустырей, проулков,*

улиц, неожиданных поворотов и тупиков (А. Волос, 2000), Я пошатался по прилегающим к площади улицам... (М. Голованивская, 2000), Там тоже были свои площади, улицы, закоулки... (А. Рекемчук, 2006).

Кроме того, улица является пространством, образованным домами, различными по своему функциональному предназначению. Друг против друга на улице могут стоять жилые дома: *...я возвращаюсь домой вдоль тихих окраинных улиц, застроенных маленькими частными домами... (Ф. Искандер, 1969), офисные здания: ...центральную улицу – сверх меры насыщенную блестящими витринами дорогих магазинов и дымчатыми окнами офисов (В. Громов, 2000), а также разнообразные объекты, обеспечивающие жизнедеятельность горожан – магазины, аптеки, кафе, рестораны, парикмахерские, кондитерские: А рядом – парадный центр, залитые электричеством улицы, ювелирные магазины, рестораны <...>, ночные бары... (Ю. Домбровский, 1964), ...я брёл наугад мимо линий трёхэтажных домов с магазинчиками, барами, аптеками и парикмахерскими (А. Варламов, 1999), Улицы сделались узкими, всё чаще встречались пабы и рестораны (А. Варламов, 1999), ...в кондитерской на улице Горького поедал с жадностью пирожное «наполеон» (Ю. Трифионов, 1976).*

Улицы городов невозможно представить без личного и общественного транспорта, их наполняющих, в связи с чем улицы ещё называют транспортными артериями города: *По улицам носились машины... (О. Дивов, 1998), ...едва долетали дорожные шумы двух забитых транспортом и людьми улиц... (Д. Рубина, 1999), Поток фырчащего, рычащего и завывающего разнокалиберного транспорта разноцветной змеей забивал улицы города (Н. Леонов, 2001), ...они ехали по городским улицам, переполненным машинами... (Е. Белкина, 2002), Улица была полонена бездушным скопищем автомобилей (А. Иличевский, 2007).*

Неотъемлемой составляющей улиц также считаются люди: *Однако толпы людские с улиц уже не уйдут, они ненасыщаемы... (В. Маканин, 1990), На работе ли, в троллейбусе, на улице – всюду были люди... (О. Славникова,*

1995). Являясь особым социальным пространством города, улицы предоставляют людям возможность передвижения, взаимодействия с другими горожанами, отдыха, участия в праздничных мероприятиях и получения доступа к различным услугам: *В четверг звуки духового оркестра вытащили на улицу молодежь и стариков* (Ю. Буйда, 1998), *...праздничное шествие с оркестрами, флагами и цветами по улицам города* (П. Рейнеке, 2015). Улица способствует установлению социальных связей (*Знакомства завязывались мгновенно – на улице, в очереди, в транспорте* (Н. Катерли, 1998)) и служит местом формирования социальной идентичности.

На улицах мы можем встретить как обычных людей, спешащих на работу, или прохожих, неспешно прогуливающих по ним: *В этот ранний час улица делового центра, ещё не запруженная служащими, была пустынна* (Ю. Нагибин, 1979), *Но ходят же по нашим улицам всякие праздно-щедрые и любопытствующие* (Н. Крышук, 2001), так и людей, проводящих большую часть времени на улицах с целью получения заработка законным или незаконным путём – торгаши-мешочники: *...на одного из тех самых торгашей-мешочников, которые заполняют наши улицы...* (П. Галицкий, 2000), бандиты: *Улица, машины, бандиты...* (А. Берсенева, 2005), хулиганы: *...это хулиганы во дворе и на улицах...* (М. Баконица, 2000), воры: *Воры-азиаты шныряли на рынках, улицах...* (В. Скворцов, 2001), дворники: *...а на улицах дворников нет...* (А. Цветкова, 2012), торговки, попрошайки: *...гонять торговков и попрошаек с московских улиц* (Н. Леонов, 2001), музыканты: *По улицам бродили музыканты...* (И. Краева, 2007). При этом упоминание большого количества людей на улицах города чаще встречается в художественных текстах первой четверти XXI века. В текстах второй половины XX века улицы по большей части либо малолюдны, либо авторы обращают внимание на конкретных людей, находящихся на улице: *По глянцевой улице движется один-единственный человек, он в свитере, в шапочке с помпоном...* (В. Маканин, 1991), *Стройная девочка в ярко-голубом платье неторопливо шла по улице...* (В. Губарев, 1998).

Пропозициональная модель, построенная на подкорпусах художественных текстов второй половины XX века и первой четверти XXI века, даёт информацию о разнообразии действий-предикатов, попадающих в ситуативно-контекстуальное окружение слова *улица*. В основном это глаголы движения и перемещения, содержащие динамические характеристики: *переходить, пересекать, перебежать, гулять, мчаться, нестись, ехать, идти, шнырять* и др. Анализ синтаксической структуры предложений показал, что слово *улица* может находиться в позиции субъекта и объекта, а также являться локативом. Слово *улица* в функции семантического объекта встречается редко, чаще *улица* является местом, где происходит действие. Так, **по улице** люди бегут: *...крикнул мужчина и побежал по улице* (Б. Окуджава, 1985), прогуливаются: *...Клекотов прогуливался по улице Ульяновской...* (А. Слаповский, 1995), бродят: *...бесцельно бродя по улицам...* (М. Милованов, 2000), гуляют: *...гуляли по улицам...* (Т. Моспан, 2000), едут: *...ехал по улицам Петербурга...* (М. Баконина, 2000), идут: *...шли вдвоём по улице...* (Л. Корнешов, 2000), мечтают: *Серафима заметалась по улице в поисках телефона...* (А. Житков, 2000), мчатся: *...Виктор уже мчался по улицам...* (А. Мельник, 2000), несутся: *...понёсся по пустынной ночной улице...* (А. Курчаткин, 2000), торопятся: *Торопились по улице* (В. Шапко, 2000), шатаются: *Конспирации ради надо бы пошататься по улицам...* (А. Азольский, 2001), слоняются: *...солдатам не следует слоняться по улицам* (А. Ефремов, 2002), шныряют: *...шныряли по пустынным улицам...* (В. Приданников, 2002), и др. В этих примерах и далее *улица* является местом, относительно которого определяется предмет, действие или событие, то есть слово употребляется в функции **собственно локатива**.

На улице люди ждут: *...я заставила Леву ждать на улице какую-то свою подругу* (А. Алексин, 1967), рисуют: *...ходил по городу с большим блокнотом, рисовал прохожих на улице, домишки...* (А. Рыбаков, 1977), обнимаются, плачут: *Незнакомые люди на улице обнимались, христосовались, плакали* (И. Грекова, 1984), встречаются: *...я встретил*

его на улице... (Б. Окуджава, 1985), делают зарядку: *Встал, сделал на улице зарядку* (Д. Каралис, 1999), стоят: *Игорь и Виктор стояли на улице...* (А. Мельник, 2000), знакомятся: *После Гоши у нее не было мужика – не знакомиться же на улице?* (Л. Корнешов, 2000), играют: *За сценой на улице едва слышно играют на гармонике* (В. Михальский, 2001), работают: *Гончары работали прямо на улице...* (М. и С. Дяченко, 2001), что ещё раз подчёркивает, что улица является местом встреч и общения людей, позволяет им ощутить пульс города и быть частью его жизни.

Слово *улица* также выступает в функции объекта приближения (**директив-финиш**) и удаления (**директив-старт**). Так, **к улице** приходят: *Когда приходишь к улице Мира...* (В. Горб, 1969), семят: *...засеменил вниз к улице Лассаля* (А. Жигулин, 1988), подъезжают: *Лишь когда подъехали к улице...* (М. Милованов, 2000), шагают: *...шагаю по дорожке вдоль забора к улице* (А. Иванов, 2002), бегут: *...я почти бегу туда, к улице...* (С. Ястребов, 2007), подходят: *...подошёл к улице Марата...* (Н. Емельянова, 2019). **С улицы** сворачивают: *...Кузнецова с облегчением свернула с улицы...* (П. Акимов, 2000), вы-, уезжают: *...развернулся и начал выезжать с улицы* (С. Таранов, 1999), *Прежде чем уехать с улицы Чапыгина...* (М. Баконица, 2000), сходят: *...сошёл с улицы и вошёл во дворы...* (А. Поступинский, 2013), уходят: *... а потом и вовсе ушли с улицы...* (А. Сальников, 2016).

Слово *улица* может выступать и в функции **транзитива**, то есть служить промежуточным местом, которое частично или полностью преодолевают, направляясь куда-либо: *Кянукук перебежал через улицу и заскочил в телефонную будку* (В. Аксёнов, 1963), *Он миновал подворотню, завернул за угол, перешёл через улицу и спустился в метро* (С. Болмат, 1999), *Он пешочком дошёл до станции «Маяковская», пересёк Тверскую улицу...* (П. Галицкий, 2000), *...и побежал через улицу к белой «Волге»...* (Е. и В. Гордеевы, 2002), *...они идут через улицу...* (В. Михальский, 2009).

В функции **семантического субъекта** улица ослепляет: *Улица ослепила её своим блеском* (Ф. Абрамов, 1968), сверкает: *Улица сверкает...*

(В. Маканин, 1991), лежит: *Лежала под окнами пустая улица...* (Б. Екимов, 1996), встречает: *И опять улица встретила его все тем же полупустынным пейзажем* (П. Галицкий, 2000), манит и пугает: *Впервые знакомая улица кажется ему незнакомой, маня и пугая одновременно...* (М. Рыбакова, 2001), сияет: *Роскошная улица куда хватало глаз сияла электричеством и вызывающим богатством* (С. Гандлевский, 2002), темнеет: *...стоял у окна и смотрел, как темнеют улицы...* (Г. Щербакова, 2002), голубеет: *Голубела вдаль мокрая улица* (С. Шаргунов, 2003), вываливается: *...там, где Никольская улица вываливается на Красную площадь...* (Н. Желунов, 2007), дробится, рассыпается: *...дробилась и рассыпалась в мокрых огнях чёрная улица* (Е. Чижов, 2012), утопает: *Улицы утопали в листовках* (С. Алексиевич, 2013), пестрит: *Через неделю бумажками и ленточками пестрят все окрестные улицы...* (К. Букша, 2013).

Смысловые преобразования. В метафорической проекции улица нередко переосмысливается в сознании горожан как некое живое существо, жидкость и растение. При этом бóльшее количество разнообразных метафор встретилось в художественных текстах, созданных в XXI веке. В текстах второй половины XX века предикативные метафоры немногочисленны, в основном улица осмысливается авторами в терминах водной стихии. Также встретились примеры метафоризации, в которых улица уподобляется предметам, созданным руками человека – транспортному средству, сосуду, книге, клубку ниток, стеклу, нагретой плите, деревянным доскам и др.

По аналогии с живыми существами улица рождается: *С одной его стороны была красивая улица, которая родилась совсем недавно...* (М. Баранова, Е. Велтистов, 1962), живёт: *Улица жила обычной жизнью – шумела* (В. Шукшин, 1960), умывается: *...улица мгновенно умылась дождём...* (В. Аксёнов, 1963), стареет: *И не постареет лишь одна улица Красная...* (В. Лихоносов, 1983), воет, клокочет: *...а всё покрывала, выла, клокотала, ворвавшись, улица* (Н. Кожевникова, 1988), дразнит: *...пустая улица дразнила их пугливой дрожью спутанных теней...* (О. Славникова,

1999), спит: *Улица спит* (В. Маканин, 2001), оживает: *...улица оживала на глазах* (В. Месяц, 2002), убегает: *...огромная арка, за которую убежала широкая улица* (А. Матвеева, 2002), галдит, сидит, бродит: *Улица галдит, библикает, приплясывает, сидит, кайфуя, в креслицах...* (В. Киршин, 2003), ложится: *Улицы ложились под ноги вроде эскалаторов* (Н. Крышук, 2003), просыпается: *Улица начинала просыпаться* (Н. Леонов, А. Макеев, 2003), дышит: *...улица, как река, текла неистребимым тополиным пухом, нудным солнцем, дышала горячим асфальтом, беспечностью и пустотой детских площадок...* (А. Уткин, 2010), молодеет: *Ирише показалось: улицы помолодели* (М. Кучерская, 2012), дремлет: *Улицы были пусты и, казалось, всё ещё дремали в косом утреннем свете* (А. Тавров, 2013);

- в том числе по аналогии с человеком – шагает: *А за окном шагала неизбывная тысяченогая улица* (С. Соколов, 1976), испаряет пот: *Ночная улица возле телестудии испаряла в этот час свой собственный пот...* (В. Аксёнов, 1979), пускается в пляс: *...в пляс пустились дома и улицы, реки и тюрьма...* (Ю. Буйда, 2000), переживает: *...когда-то улица переживала более счастливые времена* (В. Пронин, 2005), сипит, кашляет, отхаркивается, вздыхает: *К вечеру улица Полины Осипенко сипла, кашляла, отхаркивалась и вздыхала* (Д. Рубина, 2009), учит: *Улица учила: так быстрее даёт по шарам* (Д. Бендицкий, 2012), говорит: *... белые крутые улицы говорили – бегите, там за поворотом вы найдёте...* (Е. Завершнева, 2012), ждёт, надеется: *...эти улицы как будто всё ещё ждут их, всё надеются...* (А. Макушински, 2012), понимает: *Но улицы обычно понимают это лучше человека* (С. Шуляк, 2013), улыбается: *...уже улыбалась подтаявшими лужами Галерная улица* (Д. Филиппов, 2013);

- в том числе по аналогии с насекомыми – гудит: *Садовая гудит, улица Чернышевского гудит* (Л. Карелин, 1976), *...как гудит ближняя улица за окном...* (А. Кабаков, 1995), жужжит: *За окном жужжала простуженная улица* (В. Шапко, 2010), с пресмыкающимися – извивается: *Родная Болотная улица извивалась среди чахлых кустов...* (В. Попов, 1997), вьётся:

Вьётся улица-змея... (В. Войнович, 2000), ползёт: *Вновь вспомнилась горластая улица, ползущая в гору* (Л. Зорин, 2008), вползает: *Улицы старенькими богомолками тяжело вползали по склону...* (А. Уткин, 2010);

- в том числе по аналогии с чудовищем – поглощает: *...и тёмная ночная улица поглотила его* (А. Алтаев, 1955), срывает, низвергает, вышвыривает, швыряет: *Улица срывает пальто, низвергает массы мокрого снега за воротник куртки и в сотый раз вышвыривает на холодные опилки багажных касс...* (В. Ерофеев, 1956-1957), *Улица швыряла нас вверх, вниз, влево, вправо...* (А. Гладилин, 1972).

По аналогии с жидкостью или водным потоком – бурлит: *Было ещё не поздно, улица бурлила...* (А. Кузнецов, 1968), кипит: *А рядом с этой каменной пустынной лужайкой кипела главная улица* (Ю. Трифонов, 1980), впадает: *Начинается Сумская улица с площади Тевелева и впадает, взбираясь вверх, в площадь Дзержинского* (Э. Лимонов, 1985), перетекает: *Улица перетекла в другую...* (В. Пелевин, 1991), *...широкая улица перетекала в площадь...* (А. Кабаков, 1995), стекает(ся): *Рядом стекала и улица Хмельёва...* (Л. Карелин, 1983), *Он стоял посреди площади, к которой стекались со всех сторон большие и малые улицы* (В. Войнович, 2000), выливается: *Улица вылилась на площадь...* (М. и С. Дяченко, 1994), *...выходил на улицу Розенблюма, а та выливалась на проспект Сталина...* (В. Войнович, 2000), течёт: *Перед его глазами еле текла главная улица...* (В. Рецепттер, 1993), вливается: *...на Александровской площади, в которую вливалась улица того же названия* (С. Липкин, 1962-1976), *Просторные светлые улицы вливались в широкий светлый проспект...* (А. Краснящих, 2015).

По аналогии с растением – пахнет: *Улица пахнет иссыхающей листвой и мяклым асфальтом* (Ю. Трифонов, 1959-1962), кустится, ветвится: *На окраине и улицы вели себя странно: кустились, разбегаясь веером от перекрестка, вились и беспорядочно ветвились, на манер лишайников и ломких сонных мхов...* (У. Нова, 2004). Особо много природных метафор встретилось в произведении У. Нова «Инка» (2004). Во время полёта над городом улицы

напомнили автору кустящиеся, ползущие, вьющиеся ветви деревьев: *Когда летишь над городом, улицы напоминают деревья, они ветвятся, кустятся, а некоторые ползут и вьются.*

По аналогии с водным, наземным или воздушным транспортом – раскачивается: *...сама улица раскачивается на волнах ночи* (Ю. Нагибин, 1977), *Улица раскачивается широко, как горизонт в лодке* (А. Иличевский, 2009), накренивается: *...улица как-то накренилась вся набок...* (Н. Садур, 1994), плывёт: *...но улица так плыла предвечерним теплом...* (С. Кубрин, 2009), проплывает: *Мимо проплывали улицы провинциального города...* (А. Мацанов, 2013), катится: *Однако другая улица, катившаяся в стороне среди богатых магазинов...* (А. Проханов, 2001), проносится: *Мимо пронеслись центральные улицы, грязные переулки «Нахаловки»* (С. Таранов, 2001), петляет, кружит: *...улицы петляли, кружили, речка скрылась из виду...* (А. Матвеева, 2002), летит: *Улица полетела* (С. Бабаян, 1994), *Летели нахохлившись улицы среди накренившихся тёмных зданий...* (Л. Зорин, 2008).

Подобно сосуду, улица за-, наполняется: *Вдруг улица заполнилась людьми* (В. Аксёнов, 1961), *И улица Москвы наполнилась тёплым живым цветом* (Э. Хруцкий, 1983), *Улица наполнилась воем милицейских сирен* (С. Романов, 2000), пустеет: *Через четверть часа улица опустела* (С. Романов, 2000); книге – открывается: *Наконец открылась улица, по обычаю пустая и неосвещённая* (А. Лазарчук, 1996), *Каждая улица открывалась страницами Диккенса, Голсуорси, Конан Дойля и Агаты Кристи...* (М. Бакониная, 2000); клубку ниток – путается: *...лица переходили от одного человека другому, улицы путались...* (А. Геласимов, 2003), разматывается: *Широкие южные улицы разматываются прямо в Днепр...* (Е. Завершнева, 2012); стеклу – звенит: *От осеннего воздуха, от блеска промытых окон улица стеклянно звенела...* (Д. Гранин, 1962); нагретой плите – остывает: *...медленно ехала по остывающим от дневного зноя улицам* (М. Милованов, 2000); деревянным доскам – проваливается: *Улицы её проваливаются в косогоры, как прогнившие доски настила в подпол*

(А. Иванов, 2002); подошве – болтается: *...и пусть под моими башмаками болтается улица с одной стороны* (Ю. Кокошко, 2002).

В ходе анализа примеров из подкорпусов НКРЯ также встретились случаи пространственной метонимии. В приведённых ниже примерах происходит перенос наименования элемента городского пространства – улицы – на людей, находящихся в том же пространстве: *К такому заключению пришла улица, а от такого заключения один шаг до насмешек...* (А. Рыбаков, 1977), *...буквально вся улица первый раз вздохнула...* (А. Рыбаков, 1977), *Вся наша улица переживала – как будут развиваться события?* (С. Довлатов, 1985), *Вся улица ломала голову...* (А. Эппель, 1991), *...через некоторое время улица уже почтительно называла его «мистер Панч»...* (В. Аксёнов, 1997), *А кричала уже вся улица, и город кричал...* (И. Ратушинская, 1998).

Кроме того, в художественных текстах было отмечено несколько сравнений: *...и вдруг появилась на несколько секунд темная и узкая, как щель, улица Лабораториум...* (В. Аксёнов, 1963), *Улица под нами казалась бездонным ущельем* (К. Шахназаров, 1986), *С отъездом капитана Приходова улица опять превратилась в ущелье, ведущее в ад* (В. Пелевин, 1991) – в этих предложениях улица на основании своей небольшой ширины уподобляется ущелью – узкой долине. В последующих примерах улица, на которую падал свет от раскачивающихся фонарей, напомнила автору корабль, дрейфующий на волнах: *...раскачиванье предутренних фонарей, отчего вся улица ныряла, как сорвавшийся с якоря корабль...* (В. Катаев, 1977), а улица, наполненная летящим тополиным пухом, – реку: *...улица, как река, текла неистребимым тополиным пухом...* (А. Уткин, 2010).

Проведённый анализ текстов художественной литературы второй половины XX и первой четверти XXI вв. показал, что улицы являются неотъемлемой частью не только города, но и других населённых пунктов. В художественных текстах XX века, наряду с городскими улицами, также встретились улицы деревенские, сельские, поселковые. Однако подобные примеры были исключены из анализа, поскольку одна из задач исследования

состояла в том, чтобы установить, как в русской языковой картине мира осознаются и воспринимаются улицы в пространстве города.

Так, по данным НКРЯ было установлено, что улицы в основном определяются по своему местоположению, значимости и наполненности, при этом в обоих подкорпусах преобладают улицы *московские* и *соседние, главные* и *центральные, пустынные* и *пустые*. Всего же в обоих подкорпусах было выделено 16 групп определений (17-ая только в текстах второй половины XX века). При описании улиц внимание уделяется и другим элементам открытого городского пространства, наполняющим их объектам. Неотъемлемой составляющей улиц также являются люди и транспорт, чаще упоминаемые в художественных текстах первой четверти XXI века. В текстах второй половины XX века улицы по большей части малолюдны и пустынны.

В синтаксической структуре высказывания слово *улица* в основном находится в позиции локатива (собственно локатива, директива-старта и директива-финиша или транзитива), субъекта, реже – объекта, на которое направлено действие. В метафорическом представлении улица чаще встречается в текстах первой четверти XXI века, в них же отмечено разнообразие пропозициональных моделей других предметных областей. В ходе анализа были также отмечены случаи метонимии и описаны сравнения.

3.4. Проспекты в пространстве города

Самыми крупными улицами города являются проспекты. Согласно «Русскому семантическому словарю» под ред. Н.Ю. Шведовой, проспектом называется большая широкая и прямая городская улица [Шведова 2002]. Компоненты значения ‘большая’, ‘широкая’, ‘прямая’, ‘городская’ указывают на основные признаки проспекта – его размер, протяжённость, форму и местоположение. В отличие от улиц, которые есть в любом населённом пункте, проспекты бывают только в городах и не существуют за пределами городской черты. Как правило, они являются прямыми и отличаются своей шириной, в результате чего включают проезжую часть, а также тротуары.

Само слово *проспект* (народн. *прешпект*), вероятно, было образовано от нем. *Prospekt* («вид, перспектива»), куда в свою очередь пришло из лат. *prōspectus* («обзор», «вид») [Фасмер 1986-1987] и появилось в русском языке в XVIII веке при строительстве Петербурга. Сначала так назывались большие центральные улицы города; начиная с XIX в., проспектами считаются длинные и прямые улицы, проходящие через парк, и только в 50-х годах XX в. в связи с активной застройкой городов и прокладыванием новых широких дорог данное слово обрело современный смысл.

При обращении к НКРЯ было проанализировано около 900 вхождений леммы *проспект* в подкорпус художественных текстов второй половины XX века и почти 1,3 тысячи вхождений в подкорпус художественных текстов первой четверти XXI века. Поскольку проспект является неотъемлемой частью городского пространства, писатели нередко упоминают его в своём повествовании и фиксируют его разнообразные концептуальные признаки, среди которых часто называются протяжённость, форма, местоположение – отличительные черты проспекта, включённые в его словарное толкование – ‘широкий’, ‘центральный’, ‘главный’, ‘прямой’, ‘большой’. Однако на этом список признаков не заканчивается.

По протяжённости и ширине проспект может быть широким (13 и 16): *Дроздовы жили на соседнем, широком проспекте Сталина* (В. Дудинцев, 1956), бесконечным (2 и 1): *На бесконечном, взвихренном, мчащемся проспекте...* (В. Панова, 1959), длинным (2 и 1): *...сняты с самого длинного проспекта этого города...* (А. Левкин, 2000), широченным (1 и 1): *Под окном рокотал широченный проспект Королёва...* (В. Рыбаков, 1990), нешироким, нескончаемым, безбрежным, долгим.

По наполненности – пустынным (3 и 5): *...вышли на пустынный Большой проспект...* (И. Безладнова, 2001), оживлённым (1 и 3): *...шли, через проулок, на какой-то огромный и оживлённый проспект...* (М. Богатов, 2001), пустым (4): *Проспект был непривычно пуст...* (В. Громов, 2000), безлюдным (3): *Проспект был безлюден* (Ю. Трифонов, 1959-1962),

людным (2 и 1): *Из моря зонтиков, плывущих по людному проспекту...* (Д. Колодан, К. Шаинян, 2007), многолюдным (3): *...путаясь в бульварах, набережных, многолюдных проспектах...* (А. Проханов, 2001), обезлюдённым (2), вымершим, вечно живым, полупустым, заполненным, переполненным.

По значимости – центральным (7 и 10): *Москва не Ялта, на центральном проспекте не спросишь...* (В. Громов, 2000), главным (9 и 6): *...главный проспект города стал пешеходной зоной* (М. Баконина, 2000), единственным: *...он один или с друзьями проходил по единственному проспекту Высокогорска...* (В. Вещунов, 1987), важным: *Этот проспект был важнее, чем что бы то ни было* (И. Стогов, 2007).

По степени освещённости – ночным (9): *...мы вышли с ним <...> на ночной Кутузовский проспект* (Н. Климонтович, 2001), освещённым (3 и 2): *Освещённый солнцем проспект...* (И. Меттер, 1979), светлым (2): *Я застал самого себя бредущим по светлому осеннему проспекту...* (Л. Немцев, 2004), вечерним, блистающим, утренним, ярко освещённым, ярким, залитым солнцем / млечным сиянием, полыхающим.

По местоположению – ленинградским, петербургским (3 и 1), петроградским (2): *...туманная бесконечность петербургских проспектов...* (В. Аксёнов, 1969), *От мачт и рей – строгость ленинградских проспектов и набережных* (В. Конецкий, 1979), городским (3): *...широким городским проспектом с оживлённым автомобильным движением...* (И. Безладнова, 2003), соседним (2), приморским, московским, столичным, бангкокским, близлежащим, дюссельдорфским, речным, окраинным, провинциальным.

По конфигурации – прямым (7 и 2): *...мне снились чугунные решётки, прямые, как стрела, проспекты...* (П. Сажин, 1956), трёхэтажным: *Трёхэтажный проспект Революции...* (Г. Бакланов, 1959), ровным: *Машина легко шла по ровному, жёлтому от света фонарей проспекту* (А. Житинский,

2000), гладким: *Мы слонялись по самой середине гладкого, как озеро, Комсомольского проспекта...* (Т. Набатникова, 2001).

По звуковому впечатлению – шумным (1 и 4): *С яркого и шумного проспекта Газа мы свернули на набережную Бумажного канала* (И. Стогов, 2001), грохочущим: *...пропускающий по себе грохочущий Московский проспект* (В. Попов, 2003).

По размеру – большим (2 и 2): *...большой проспект с трамваями и тополями* (О. Славникова, 1995-1999), огромным (2): *... шли, через проулок, на какой-то огромный и оживлённый проспект...* (М. Богатов, 2001).

В зависимости от погодных условий и времени года – заснеженным: *Надя одиноко брела по заснеженным проспектам* (Э. Рязанов, Э. Брагинский, 1969), обледенелым: *...брести по обледенелому проспекту...* (В. Пелевин, 1991), мёрзлым: *Белая «Волга» катила по мёрзлым проспектам...* (В. Скворцов, 2001), затопленным: *По затопленному наводнением бангкокскому проспекту...* (В. Скворцов, 2001), осенним: *...бредущим по светлому осеннему проспекту...* (Л. Немцев, 2004), мокрым: *...от мокрого проспекта Космонавтов...* (О. Славникова, 2017).

По степени освоенности – любимым (1 и 1): *Они вышли на свой любимый проспект Труда* (А. Силаев, 2007), полузабытым: *...проплывали редкие огни полузабытого проспекта...* (Б. Левин, 1965-1994), неведомым: *...посреди неведомого ему проспекта...* (Л. Карелин, 1971), знакомым: *Машина помчалась по знакомой улице, потом – по знакомому проспекту...* (Г. Галахова, 1975), чужим: *...и не бродяжничала Нюрочка в одиночестве по чужим далёким проспектам...* (В. Галактионова, 2010).

По степени загрязнённости – запылённым: *...по запылённым проспектам окраины...* (А. Дмитриев, 1995), загазованным: *...загазованные проспекты...* (В. Скворцов, 2001), ухоженным: *...по широкому Кутузовскому проспекту, ухоженному на государственном уровне* (О. Новикова, 2012), чисто выметенным: *...на чисто выметенном проспекте Стачек...* (К. Букша, 2013).

По цветовому восприятию – белоснежным: *Над белоснежным проспектом Революции...* (А. Жигулин, 1988), жёлтым: *...по ровному, жёлтому от света фонарей проспекту* (А. Житинский, 2000), разноцветным: *...по правой стороне разноцветного проспекта...* (М. Блехман, 2013).

По типу покрытия – бетонным: *За «Прагой» на бетонном проспекте кипело движение* (В. Гоник, 1972), асфальтированным: *Широкий асфальтированный проспект плавно переходил в высокую дугу моста...* (Ф. Шахмагонов, Е. Зотов, 1977), вымощенным: *...соря мелочью по вымощенному проспекту* (О. Селедцов, 2002).

По мере отдалённости – близким: *...марево, чуть подсвеченное рыжим отсветом близкого проспекта* (В. Рыбаков, 1996), далёким: *...по чужим далёким проспектам и площадям* (В. Галактионова, 2010).

По оценочной квалификации – чудесным, замечательным (2): *Чудесный проспект! Замечательный!* (С. Воронин, 1967), красивым: *За окнами машины мелькал Ленинградский проспект, очень красивый сегодня...* (В. Высоцкий, 1970), бесчеловечным: *...на безлюдных и бесчеловечных петроградских проспектах...* (В. Пелевин, 1991), гениальным: *...Невский – самый гениальный проспект* (В. Попов, 2001), заspanным: *...вышагивал по заspanному утреннему проспекту...* (А. Смирнов, 2002), парадным: *...он стоит передом к парадному Московскому проспекту...* (С. Носов, 2005), убедительным: *...превращали эти кривые технические норы в весьма убедительные проспекты...* (В. Пелевин, 2011), роскошным: *...пешком прогуляться по этим роскошным проспектам* (И. Стогов, 2012), нарядным: *Вышли на широком нарядном проспекте...* (И. Калабухова, 2013) и др.

Анализ определений существительного *проспект* показывает, что если в художественных текстах второй половины XX века проспекты чаще всего характеризуются по протяжённости, ширине, значимости и наполненности, то в литературных текстах XXI века – по наполненности, протяжённости, ширине и степени освещённости, при этом в обоих подкорпусах самой частотной стала характеристика *широкий* (13 и 16). Ширина – одна из главных отличительных

черт проспекта наряду с протяжённостью, поэтому в художественных текстах также представлено большое разнообразие определений, используемых для описания длины проспекта: *длинный, бесконечный, нескончаемый, бесконечный, безбрежный, долгий*. По наполненности проспекты в обоих подкорпусах преимущественно *безлюдные (3), пустынные (3 и 5), пустые (4), обезлюденные (2), вымершие*. По значимости преобладают проспекты *центральные (7 и 10) и главные (9 и 6)*, по степени освещённости – *освещённые*, при этом как солнечным светом, так и электричеством в достаточно сильной степени. В художественных текстах нашли своё отражение и такие признаки проспекта, как большой размер (*большой (2 и 2) и огромный (2) проспект*) и ровно вытянутая форма (*прямой (7 и 2), ровный*). Количество выделенных групп признаков в обоих подкорпусах одинаково.

Предметно-понятийные корреляции. Как свидетельствуют примеры, по принципу дополнительности проспекты чаще всего сочетаются с другими элементами открытого городского пространства – улицами, площадями, переулками, бульварами, набережными, скверами, парками: *путаясь в бульварах, набережных, многолюдных проспектах и тихих переулках...* (А. Проханов, 2001), *...бродил сумрачно по улицам, проспектам, площадям...* (О. Павлов, 2001), *...складывались дома, вокзалы, парки, улицы и проспекты...* (А. Иличевский, 2007), а также объектами, его наполняющими – домами, вокзалами, трамваями, театром, метро, подземными переходами, кафетериями, кинотеатрами и др.: *...свернули на широкий проспект, застроенный двухэтажными домами* (В. Дудинцев, 1956), *Проспект был нынешний, с метро, с подземными переходами...* (Д. Гранин, 1968), *Это был действительно город – с проспектами, скверами, трамваями, огромным театром* (Р. Сенчин, 2008), *С белоснежными многоэтажками, широкими прямыми проспектами, фонтанами и парками, кафетериями и кинотеатрами* (Г. Садулаев, 2010).

Построенная на подкорпусах художественных текстов второй половины XX века и первой четверти XXI века **пропозициональная модель** даёт

информацию о разнообразии действий-предикатов, попадающих в ситуативно-контекстуальное окружение слова *проспект*. Так, слово *проспект* может находиться в позиции субъекта, объекта и локатива. В функции **собственно локатива** проспект является местом, по которому осуществляется движение транспорта и пешеходов как в быстром, так и в спокойном, размеренном темпе (*прогуливаться, бродить, шататься, плестись, слоняться*). **По проспекту** несутся: *Машина понеслась по Большому проспекту...* (И. Ефремов, 1959-1963), едут: *...председатель поехал дальше, вниз по Ленинскому проспекту* (А. Житинский, 2000), мчатся: *...водитель мчался по Ленинградскому проспекту...* (А. Ростовский, 2000), бегут: *Иван Дмитриевич видел волка, бежавшего по Невскому проспекту...* (Л. Юзефович, 2001), летят: *Летели по Вознесенскому проспекту...* (В. Попов, 2003), а также фланируют: *Вместо фланирующих по проспекту Руставели авантюристов и спекулянтов...* (Р. Ивнев, 1960-1967), идут: *...шли по Большому проспекту студенты...* (А. Морозов, 2002), гуляют: *...и снова гуляли – по Университетской набережной, по Съездовской, по Большому проспекту...* (И. Безладнова, 2003), бродят: *...бродил сумрачно по улицам, проспектам, площадям...* (О. Павлов, 2001), шатаются: *Молодые люди шатались по проспекту Мира...* (Е. Попов, 2000), плетутся: *...«немка» плелась по проспекту...* (О. Некрасова, 2000), прогуливаются: *Он, значит, сейчас прогуливается по Лиговскому проспекту...* (С. Носов, 2005).

На проспекте – встречаются: *В тот же вечер Андрей на проспекте Восстания встретил Марину* (Д. Гранин, 1954), торгуют: *У рынка на Большом проспекте Васильевского острова женщины торговали...* (Ю. Рытхэу, 1967), останавливаются: *Машина остановилась на проспекте* (В. Высоцкий, 1970), стоят: *...на главном проспекте – Бривибас Йела – в ожидании седоков стоят вальяжные извозчики* (Ю. Друнина, 1979).

Слово *проспект* также выступает в функции **директива-старта**, а чаще всего **директива-финиша**. К проспекту движутся пешим ходом или едут на транспорте, при этом на него не просто прямо выезжают, а сворачивают,

выруливают, выныривают, выскакивают, выворачивают, поворачивают, вываливаются с прилегающих к проспекту изогнутых улиц. Так, **к проспекту** спускаются: *...Грышук спускался к главному проспекту...* (В. Пронин, 1970-1980), направляются: *Гладышев шёл следом за немцем, направлявшимся к Невскому проспекту...* (В. Ардаматский, 1971), двигаются: *Коломнин двинулся к Ленинскому проспекту* (С. Данилюк, 2003), едут: *...поехал по набережной к Невскому проспекту* (Г. Садулаев, 2008), тащатся: *...тащился он к проспекту...* (В. Шапко, 2011), идут: *Иду к проспекту Мира* (А. Аршакян, 2012). **На проспект** выскакивают: *...выскочил на проспект...* (В. Аксёнов, 1962), вываливаются: *...московский люд вывалился на проспекты и площади...* (В. Маканин, 1997), выходят: *Он вышел на проспект...* (П. Галицкий, 2000), выезжают: *...выезжаем на Ленинский проспект...* (В. Янин, 2000), выныривают: *Потом она вынырнула обратно на Кондратьевский проспект...* (И. Стогов, 2003), выползают: *Я выполз на проспект Добролюбова* (И. Стогов, 2003), мчатся: *...помчался на проспект Мира...* (В. Аксёнов, 2007), бегут: *...бегу на проспект Тридцати Двух Мотоциклистов* (Д. Захаров, 2007), выворачивают: *На проспект вывернули...* (В. Кунгурцева, 2009), выруливают: *...вырулил на проспект...* (А. Голицын, 2009).

С проспекта убегают: *Зачем вы убежали с Ленинского проспекта?* (А. Маринина, 1996), бегут: *С проспекта бежали Игорь и Гарик...* (С. Лукьяненко, 1998), сворачивают: *...когда машина свернула с Московского проспекта...* (А. Рыбин, 2000), едут: *...можно окружным путём ехать с Московского проспекта в центр...* (Н. Катерли, 2003).

Кроме того, в художественных текстах проспект может выступать в функции **транзитива**, то есть места, через которое проходят люди, направляясь куда-либо: *...они миновали проспект и пошли по слабо освещённому бульвару* (Д. Гранин, 1954), *Они пошли молча, миновали Николаевский проспект, пересекли Кардинальскую...* (С. Липкин, 1962-1976), *Прошли мы Измайловский проспект, свернули в переулок...* (Ю. Рытхэу,

1967), ...затем пересёк проспект и вернулся к бывшему Дому книги (Г. Прашкевич, А. Богдан, 2001) и др.

В функции **семантического субъекта** проспект мелькает: *За окнами машины мелькал Ленинградский проспект...* (В. Высоцкий, 1970), предстаёт: *Проспект предстал перед Бомштейном свободным от машин и безлюдным* (В. Громов, 2000), пересекается: *Проспект Независимости пересекался с другой широкой улицей...* (Е. Прошкин, 2001), выглядит: *Тогда проспекты и улицы выглядят, как обмелевшие каналы* (А. Битов, 2002).

Смысловые преобразования. Употребление слова *проспект* в функции семантического субъекта служит источником для формирования предикативных метафор. По аналогии с живыми существами проспект торопится: *К югу торопился проспект...* (С. Гансовский, 1974), разбегается, растягивает: *Проспекты, разбегаясь в разные стороны, как тугие стропы, растягивали её на равнине* (А. Проханов, 2001), ждёт: *Впереди её ждал Волгоградский проспект* (Е. и В. Гордеевы, 2002), проносится, убегает: *...проспект проносился мимо кабриолета, убежал в прошлое...* (Н. Желунов, 2007), провожает, приводит себя в порядок: *Когда наш проспект, проводив достойно процессию со шлейфом к кремлевским звёздам, начинал приводить себя в порядок...* (Н. Слюсарева, 2010). Кроме того, о проспекте как о живом существе говорят не только действия. Писатель В. Рыбаков отмечает наличие у проспекта гортани (дыхательной системы): *...вписался в плотный поток машин, затрудненно сглатываемый гортанью Московского проспекта* (В. Рыбаков, 1998).

По аналогии с жидкостью проспект вливается: *Проспект вливается в очередную площадь* (А. и Б. Стругацкие, 1979), бурлит: *...рядом с бурлящим, вполне столичным Каменноостровским проспектом* (М. Баконина, 2000), струится и течёт: *Где-то далеко-далеко внизу струился и тёк проспект* (С. Коковкин, 2002); по аналогии с морем и волной – рокочет: *Под окном рокотал широченный проспект Королёва...* (В. Рыбаков, 1990), шумит: *Где-то за спиной шумит, не сдаётся проспект...* (А. Житинский,

2000); по аналогии с сосудом – наполняется: *Летящим снегом был доверху и через верх наполнен проспект...* (В. Панова, 1959); по аналогии с деревом – распиливается: *...девочка осталась одна посреди освещённого золотом, будто свежераспиленного на дома проспекта...* (О. Славникова, 1995-1999); по аналогии с бумагой – разрезается: *Пока проспект разрезался перекрёстками...* (В. Громов, 2000); по аналогии с транспортом – обгоняет: *...там широкие проспекты обгоняют узкие ленивые закоулки...* (У. Нова, 2004); по аналогии с животом – вздувается: *Проспект вздулся от безмашинья* (Б. Клетинич, 2015).

В обоих подкорпусах НКРЯ также были выявлены сравнения. По оказываемому звуковому впечатлению проспект был соотнесён со звенящей натянутой струной: *...но проспект ещё звенел, как натянутая струна...* (С. Гансовский, 1974), а по наличию ровной поверхности – с водной гладью: *Мы слонялись по самой середине гладкого, как озеро, Комсомольского проспекта...* (Т. Наботникова, 2001).

Проведённый анализ текстов художественной литературы показал, что бóльшая часть упоминаний проспектов приходится на тексты, созданные в первой четверти XXI века, что можно объяснить перенесением авторами описываемых в произведениях событий в пространство города, в то время как в текстах второй половины XX века действия разворачивались как в городах, так и в деревнях, сёлах, посёлках и других небольших населённых пунктах.

По данным НКРЯ, самые частотные группы присущих проспекту признаков составили его характеристики по наполненности, протяжённости и ширине (*широкий* (13 и 16) – самая частотная характеристика в обоих подкорпусах). Далее порядок следования групп в зависимости от включённых признаков в обоих подкорпусах разнится, однако общее количество выделенных групп признаков одинаково. В отношении дополнительности проспект входит не только с другими элементами открытого городского пространства и объектами, его наполняющими, но и элементами обустройства проспектов. Неотъемлемой частью проспекта также являются сопутствующие

городской жизни звуки (шум, гудение) и двигающиеся по нему люди. В синтаксической структуре высказывания слово *проспект* чаще всего находится в функции локатива (собственно локатива, директива-старта, директива-финиша и транзитива). А встретившиеся предикативные метафоры хотя и немногочисленны, но разнообразны.

3.5. Бульвары в пространстве города

Ещё одним линейным элементом городского пространства, наряду с улицами, проспектами, набережными, переулками, являются бульвары. Этимология указывает на то, что слово *бульвар* имеет голландское происхождение – из ср.-нидерл. *bolwerk* «крепостной вал» и пришло в русский язык во второй половине XVIII века из французского языка (*boulevard* – «бульвар, насыпь») [Фасмер 1986-1987]. Однако изначально его смысловое наполнение отличалось от современного: бульвары являлись частью оборонительных сооружений, необходимость в которых впоследствии отпала, и с расширением планировки городов бульвары оказались внутри городской застройки. Они стали выполнять функцию транспортной и пешеходной связи объектов городского пространства, использоваться для движения, общения и прогулок людей, в результате чего было уделено внимание их благоустройству. Таким образом появились бульвары в их традиционном понимании, представляющие собой широкую прогулочную озеленённую аллею посреди городской улицы или вдоль набережной, разделяющую транспортные потоки: *«Бульвар – место в населённом пункте (обычно в городе), в виде широкой улицы или набережной, посреди которой проходит аллея, состоящая из декоративных деревьев или кустарников, дорожки-тротуара для прогулок и скамеек для отдыха гуляющих»* [Бабенко 2008].

От обычных улиц бульвары отличаются следующими концептуальными признаками: наличием широкой зелёной зоны, засаженной кустами и деревьями: *...бульвар – это бульвар Шевченко в Киеве, аллея тополей посередине улицы, отгороженная решёткой...* (В. Некрасов, 1977), *...гулял по*

бульвару, засаженному липами (М. Шишкин, 2003), ...*между каштанами бульвара...* (С. Шикера, 2016), а также развитой инфраструктурой, к которой относятся скамейки, фонари, клумбы, места для отдыха и развлечений, спортивные площадки: ...*их издавали репродукторы на фонарях Пролетарского бульвара* (А. Дмитриев, 2001), ...*Даша добрела до скамейки на бульваре...* (Н. Нестерова, 2008). Нередко на бульварах устанавливают памятники, скульптуры, фонтаны: *Мне захотелось посидеть на бульваре, у памятника Пушкину...* (Н. Ильина, 1957-1985), *Лёгкий снежок порошил московский Чистопрудный бульвар, памятник Грибоедову...* (В. Скворцов, 2001), *Бульвары, трамваи, фонтаны...* (Е. Завершнева, 2012). По бокам бульваров часто можно встретить множество кафе, ресторанов и магазинов, а также культурных и исторических достопримечательностей: ...*я сидел за столиком большого кафе на бульваре Montparnasse...* (Г. Газданов, 1950), *Мы вошли с ним в кафе, это было на Больших Бульварах* (Г. Газданов, 1959), *Заполнены туристами кафе Больших Бульваров* (Ю. Друнина, 1966).

Таким образом функции бульваров в пространстве города обширны: эстетическая (стать его украшением), экологическая (улучшить экологическую обстановку за счёт наличия зелёных зон), функциональная (обеспечить горожанам место для проведения свободного времени), социальная (улучшить жизнь жителей города). Кроме того, бульвары играют важную роль в формировании характера и культурной идентичности города, в связи с чем необходимым представляется анализ особенностей восприятия этого элемента городского пространства в сознании горожан. При обращении к НКРЯ было проанализировано 1305 вхождений леммы *бульвар* в подкорпус художественных текстов второй половины XX века и 735 вхождений в подкорпус художественных текстов первой четверти XXI века.

Далее представлены группы признаков, при помощи которых описываются бульвары в текстах художественной литературы. Так, авторы в первую очередь отмечают расположение бульвара, особенно это заметно в текстах второй половины XX века, где частотно описание событий,

происходящих на бульварах больших городов, в том числе российских и европейских. **По местоположению** бульвар может быть московским (11 и 3): *Орудия и зарядные ящики стояли серыми шеренгами вдоль московских бульваров...* (К. Паустовский, 1954), парижским (8 и 1): *Сейчас он мог дышать <...> воздухом парижских бульваров...* (К. Паустовский, 1954), приморским (6 и 3): *И приморский бульвар!* (В. Михальский, 2001), прибрежным (6): *Рядом с прибрежным бульваром...* (Ф. Искандер, 1987), городским (3 и 1): *...самый обыкновенный городской бульвар: на скамейках сидят няни...* (В. Брагин, 1962), батумским (2), ростовским (2), женеvским, южным, столичным, базельским, черноморским, хабаровским, волжским, параллельным.

По степени освещённости – тенистым (3 и 3): *...чернеет тенистый, густой Гоголевский бульвар* (В. Брагин, 1962), ночным (4 и 1): *Кто выдумал эти огни, эту толпу, этот ночной бульвар?* (Р. Гуль, 1952), тёмным (4 и 1): *...выбралась на уже тёмный бульвар...* (О. Новикова, 2003), вечерним (1 и 3): *...смотрел на вечерний бульвар Капуцинов...* (А. Проханов, 2001), слабо / едва освещённым (2 и 1): *...пошли по слабо освещённому бульвару* (Д. Гранин, 1954), вечереvющим, ярким, сверкающим.

В зависимости от температуры, погодных условий и времени года – мокрым (2 и 2): *...прошёлся по мокрому сверкающему бульвару...* (С. Шикера, 2016), снежным (2 и 1): *...свернули на чистый снежный бульвар...* (В. Аксёнов, 1969), осенним (2): *Душу продал за бульвар осенний...* (М. Анчаров, 1967), зимним (1 и 1): *Идти по зимним московским бульварам...* (Н. Баранская, 1969), весенним, ледяным, промозглым, горячим, жарким.

По наполненности – пустым (4 и 2): *...медленно двинулись по пустому бульвару* (В. Дудинцев, 1956), пустынным (3): *Он неприкаянно бродит по пустынному бульвару...* (В. Панова, 1953), безлюдным, голым, обезлюдившим, многолюдным, затопленным людским наводнением, запруженным. Несмотря на то что в данной группе

преобладают характеристики бульвара, указывающие на его незаполненность, в целом в текстах обоих подкорпусов отмечается большое количество людей на бульварах, которые либо следуют через бульвар по направлению куда-либо, либо приходят туда провести время.

По протяжённости и ширине – широким (3 и 3): *Город был зелёный, с <...> широкими бульварами* (Г. Голубев, 1972), длинным (2): *...с длинными спокойными бульварами...* (В. Панова, 1953), бесконечным: *...добрался до бесконечного Набережного бульвара...* (В. Кнорре, 1967), узким: *...пошёл по узкому бульвару вдоль Невы* (В. Ардаматский, 1971), тесным: *По тесным бульварам центра...* (А. Дмитриев, 1995).

По значимости – центральным (2 и 3): *...вновь возвращаясь на центральные бульвары* (Д. Гранин, 1962), знаменитым (2): *...она гуляла <...> по знаменитым базельским бульварам...* (А. Рыбаков, 1977), великим: *...пробегают великий и знаменитый бульвар Сансет* (В. Аксёнов, 1976).

По звуковому впечатлению – тихим (3 и 1): *...брела по бульвару, тихому и голому, как лес...* (Ю. Трифонов, 1971), шумным (2): *Миновал шумный бульвар Венис-Бич...* (А. Ростовский, 2000), притихшим: *За притихшими бульварами слышался гул машин и голоса* (Г. Николаева, 1959).

По цветовому восприятию – зелёным (1 и 1): *...густые, запущенные зелёные бульвары...* (П. Проскурин, 1967), *...одного из зелёных бульваров Барселоны...* (Д. Рубина, 2000), сиреневым: *И я быстро зашагал по сиреневому вечеряющему бульвару...* (В. Дудинцев, 1965).

По степени отдалённости – ближним: *В свете фонарей отчётливы были чугунные ограды ближних бульваров...* (Г. Николаева, 1959), далёким: *Под тополиным листом на далёком бульваре...* (А. Эпфель, 2000).

По времени появления – старым (3), старинным: *В окно был виден наш старый бульвар...* (В. Драгунский, 1964), новым: *Новые бульвары шумят фонтанами...* (А. Алдан-Семёнов, 1966-1973).

По оценочной квалификации – праздничным (1 и 1): *Особенно по вечерам, когда он казался таким ярким и таким праздничным...* (М. Божаткин,

1977), спокойным: *...с длинными спокойными бульварами...* (В. Панова, 1953), бессмертным: *...шли <...> по бессмертным бульварам Парижа* (Л. Кабо, 1964), роскошным: *Гуляя по прямому и роскошному Итальянскому бульвару...* (Б. Левин, 1965-1994), фешенебельным: *...в широкую бурлящую реку фешенебельного Бульвара Мадлен...* (Ю. Друнина, 1966), густым: *...густые, запущенные зелёные бульвары...* (П. Проскурин, 1967), просыпающимся: *...он ходил по просыпающимся бульварам...* (В. Корнилов, 1971), меланхоличным: *...к маленьким зелёным дворам и меланхоличному Гоголевскому бульвару* (В. Гоник, 1972), современным, изящным, игрушечным, конфетным, парадным и др.

Приведённые выше группы признаков были выделены в обоих подкорпусах. Но поскольку в текстах второй половины XX века бульвары упоминаются в два раза чаще, чем в текстах, созданных в XXI веке, в произведениях прошлого века были отмечены ещё и другие характеристики бульвара. Так, **по конфигурации** бульвар может быть приподнятым: *...нежно серел приподнятый бульвар...* (А. Солженицын, 1965), прямым: *Гуляя по прямому и роскошному Итальянскому бульвару...* (Б. Левин, 1965-1994). **По степени освоенности** – запущенным: *...густые, запущенные зелёные бульвары...* (П. Проскурин, 1967), родным: *Потом вышел <...> на родной мой Рождественский бульвар...* (А. и Г. Вайнеры, 1968). **По степени загрязнённости** – чистым: *...свернули на чистый снежный бульвар, оставив за спиной сутолоку Мясницкой* (В. Аксёнов, 1969), грязным: *И довольно грязным бульваром внизу* (Н. Медведева, 1988-1993).

Предметно-понятийные корреляции. По принципу дополнения бульвар чаще сочетается с другими элементами открытого городского пространства – скверами, площадями (бульвары часто исходят из центральных площадей города), улицами, набережными, проездами, переулками: *...цветут цветы на бульварах и в скверах* (В. Панова, 1953), *Широки были его площади, улицы, бульвары...* (Ю. Казаков, 1962), *...обтекала бульварами, набережными, скверами, двориками...*

(А. Иличевский, 2007), *...московские проезды, бульвары, площади, улочки, переулки...* (О. Павлов, 2009), реже – с объектами, наполняющими пространство города – домами: *...вдоль старинных домов Чистопрудного бульвара...* (В. Скворцов, 2001).

Поскольку бульвар является зоной, предназначенной для прогулок горожан, проведения общественных мероприятий (выставок, фестивалей, концертов), движения транспорта, некоторые авторы обращают внимание на звуковое наполнение бульвара: *...в аллеях лип на бульварах можно было услышать пение птиц* (К. Паустовский, 1955), *...откуда-то с бульвара раздавались крики игравших детей* (Н. Тихонов, 1956), *Пронзительный вой сирены разнёсся по бульвару...* (И. Ефремов, 1959-1963), *...с бульвара, долетает шум моторов...* (В. Пелевин, 1991), *...комната вновь наполнилась приятным шумом бульвара...* (Д. Маркиш, 2001).

Пропозициональная модель. В рассмотренных примерах слово *бульвар* чаще находится в позиции субъекта и локатива. В функции **собственно локатива** бульвар является местом встреч, прогулок и отдыха горожан, причём прогулок неспешных, размеренных. Предикаты в таких предложениях семантически варьируются. Так, **на бульваре** люди встречаются: *Мы встретились на бульваре, у памятника...* (В. Белоусова, 2000), поджидают: *Близ дома, на бульваре, её поджидает Андрей* (В. Панова, 1953), играют: *Я помню, как ты играла в песочек на Гоголевском бульваре...* (И. Эренбург, 1953-1955), продают цветы: *...в охапках мокрых цветов – их продавали чистенькие старушки на бульварах* (К. Паустовский, 1955), целуются: *...с молодыми парнями на бульваре целоваться...* (Н. Харьков, 1956), гуляют: *Будут гулять теперь под руку на бульваре...* (В. Аксёнов, 1961), гарцуют: *Ишь, закаруселил, циркач! Не на бульваре гарцуешь* (Г. Владимов, 1961), дерутся: *...на бульваре за девочек дрались...* (А. Гладилин, 1972), ждут: *На бульваре её ждала подруга* (Р. Ибрагибеков, 1972), прохаживаются: *На бульваре стали прохаживаться по аллеикам...* (Ю. Трифонов, 1972), выступают: *...юная девушка выступала на бульваре...*

(Ю. Трифонов, 1973), спорят: *...на Воронцовском бульваре в Темрюке спорили до ругани...* (В. Лихоносов, 1983), работают: *Марат уже работал на прибрежном бульваре...* (Ф. Искандер, 1989), знакомятся: *...как будто на бульваре с курортницей знакомится* (Ф. Искандер, 1989), бегают: *...по утрам они парюю бегали на Цветном бульваре...* (Н. Климонтович, 1991-1994), стоят: *Я стоял на бульваре...* (Г. Прашкевич, А. Богдан, 2001), выгуливают собак: *На бульваре выгуливали собак* (М. Веллер, 2001), торгуют: *На бульварах торгуют газировкой...* (А. Терехов, 2008), сидят: *А сегодня сижу себе на бульваре...* (Л. Любомирская, 2019).

По бульвару вышагивают: *...Куцеволов вразвалочку вышагивал по бульвару* (С. Сартаков, 1956-1965), бегут: *...по бульвару Гарибальди бегом бежал возмущённый Бурцев* (Р. Гуль, 1958), проезжают: *...проезжая в такси по Тверскому бульвару* (Г. Горин, 1960-1985), идут: *Я иду по бульвару, погружённый в мысли...* (А. Хайт, 1960-1990), мчатся: *...мчатся по Кохановскому бульвару...* (В. Каверин, 1974-1976), шатаются: *Мало ли загадочных типов шатается по бульварам?* (С. Довлатов, 1976), планируют: *...сажает на гауптвахту планирующих по бульвару прапорщиков...* (В. Катаев, 1981), двигаются: *...навстречу мне по Цветному бульвару молодой человек движется* (А. Арканов, 1985-1995), бродят: *...Сапожков брёл по бульвару...* (Ю. Петкевич, 2001), едут: *Гуров по Зубовскому бульвару ехал недолго* (Н. Леонов, 2001), несутся: *...несётся по бульвару...* (М. Галина, 2002), спускаются: *...спускаясь по бульвару к широкой набережной...* (Д. Симонова, 2002), шляютя: *...пошляться по бульварам до начала студии...* (С. Гандлевский, 2002), гуляют: *...гулял по бульвару, засаженному липами* (М. Шишкин, 2003), слоняются: *...часами слоняться по снежным бульварам...* (В. Аксёнов, 2007), шагают: *Милиционер шагает по бульвару...* (Б. Хазанов, 2008).

Бульвар также является местом, к которому и от которого направляются люди (**директив-финиш** и **директив-старт**). **На бульвар** сворачивают: *Он оглянулся, свернул на бульвар...* (В. Панова, 1953), высыпают: *...швеи и*

модистки высыпают на улицы и бульвары... (В. Каверин, 1965-1970), *сбегаются: Вся Одесса сбежится на бульвар...* (А. Львов, 1981), *плетутся: Он <...> поплёлся на бульвар...* (Е. Парнов, 1985), *вбегают: Она вбежала на бульвар...* (К. Шахназаров, 1986), *спускаются: Они уже спустились на Сансет бульвар...* (Н. Медведева, 1988-1993), *вылетают: ...только одна вылетела на бульвар...* (О. Дивов, 1999), *выходят: Вышел в тулупе и валенках на бульвар...* (В. Янин, 2000), *выскакивают: ...выскочил на бульвар...* (Н. Климонтович, 2001), *едут: И поехал на Восточный бульвар...* (Г. Грин, 2001), *поворачивают: Гуров повернул с Остоженки на Зубовский бульвар...* (Н. Леонов, 2001), *выезжают: Выехав на бульвар...* (Е. и В. Гордеевы, 2002), *поднимаются: ...поднялся по разбитой замусоренной лестнице на бульвар...* (С. Шикера, 2016) и др. **К бульвару** *подходят: ...к бульвару <...> нельзя было даже подойти...* (А. Львов, 1981), *направляются: Они молча направились к Суворовскому бульвару...* (К. Яхонтова, 1998), *двигаются: ...не спеша двинулся к Чистопрудному бульвару...* (П. Галицкий, 2000), *подъезжают: Подъехавши к «Цветному бульвару»...* (М. Бару, 2015).

С бульвара *поворачивают: С бульвара я повернул во вторую улицу* (В. Брагин, 1962), *отправляются: ...с Розового бульвара они отправятся в космический институт...* (Е. Велтистов, 1962), *возвращаются: ...с Гоголевского бульвара возвращался хмурый...* (А. Кабаков, 1990), *сворачивают: ...с бульвара Строителей я свернул на улицу...* (М. Милованов, 2000), *выходят: Вышел с бульвара на широченный тротуар...* (А. Салуцкий, 2019).

В текстах, созданных во второй половине XX века, также частотно употребление слова *бульвар* в функции **транзитива**: *...потом пересёк какой-то бульвар...* (Г. Газданов, 1950), *Дмитрий Алексеевич шёл бульваром к Арбату...* (В. Дудинцев, 1956), *Миновав Арбатскую площадь, он пошёл бульваром к Никитским воротам* (В. Дудинцев, 1956), *...что если сейчас пройти бульваром к Сретенке...* (В. Кормер, 1987), *...мы пересекали Сретенку, спускаясь бульварами к Трубной площади* (Б. Левин, 1995) и др.

В функции **семантического субъекта** бульвар чернеет: *...чернеет тенистый, густой Гоголевский бульвар* (В. Брагин, 1962), шумит: *Новые бульвары шумят фонтанами...* (А. Алдан-Семёнов, 1966-1973), поворачивает: *...бульвар, следуя изгибу реки, поворачивал налево...* (Ф. Кнорре, 1967), притягивает: *И всё же бульвар притягивал* (М. Божаткин, 1977), находится: *...на нём находятся бульвары* (А. Житков, 2000), пустеет: *...бульвар на какое-то мгновение опустел...* (Г. Прашкевич, А. Богдан, 2001), мелькает: *Мелькали бульвары...* (А. Берсенева, 2005), начинается: *...когда начался Петровский бульвар* (А. Берсенева, 2005), пересекает: *...улицу пересекал широкий бульвар* (Д. Глуховский, 2005), кончается: *Когда кончился бульвар...* (Н. Желунов, 2007), примыкает: *К площади примыкал широкий бульвар* (В. Михальский, 2009).

Смысловые преобразования. Употребление слова *бульвар* в функции семантического субъекта служит источником для формирования предикативных метафор. В метафорической проекции бульвар нередко переосмысливается в сознании горожан как ‘живое существо’ (В. Катаевым было отмечено, что у бульвара есть даже голова: *...памятник, который в то время ещё стоял на своём законном месте, в голове Тверского бульвара...* (1977)), ‘часть растения’, ‘водный поток’, ‘сосуд’:

По аналогии с живым существом, в том числе человеком, бульвар живёт: *За окном жил своей жизнью бульвар* (И. Грекова, 1962), горбится: *...горбился бульвар с вымершими деревьями...* (Ю. Трифонов, 1971), пробегает: *По западной границе кампуса пробегает великий и знаменитый бульвар Сансет* (В. Аксёнов, 1976), спотыкается: *...будто бульвар спотыкался...* (В. Алейников, 2002), уходит: *Справа в даль уходили бульвары...* (Д. Глуховский, 2005), сбегает: *...сбегающий к морю бульвар* (Е. Водолазкин, 2009), обегает: *Парадный бульвар по правую руку плавно обегал чудный сквер...* (Д. Рубина, 2014); по аналогии с ветвями дерева – шумит листвой: *За открытыми окнами вагона линии «А» шумели листвой бульвары* (К. Паустовский, 1954), раскидывается: *...у подножия Монте-*

Боки раскинулись изящные Бульвары... (Г. Грин, 2001); по аналогии с рекой – впадает: *...я уткнулся в какую-то площадь, куда впадал бульвар...* (А. Азольский, 2002); по аналогии с сосудом – заполняется: *...бульвар на глазах заполнялся людьми...* (С. Гандлевский, 2002).

Проведённый анализ текстов художественной литературы второй половины XX и первой четверти XXI вв., показал, что по своей значимости бульвары не уступают другим элементам линейного пространства города и являются важной частью городской инфраструктуры. Описывая бульвары, авторы в первую очередь отмечают их местоположение (*московские, парижские и приморские* – самые частотные бульвары в текстах обоих подкорпусов), степень освещённости и наполненность. При этом наиболее разнообразные характеристики были даны авторами второй половины XX века.

В отношении дополнения бульвар входит чаще всего с другими элементами открытого городского пространства, реже – с объектами, его наполняющими. В синтаксической структуре высказывания слово *бульвар* может находиться в позиции субъекта и локатива (преимущественно собственно локатива). Отметим также, что люди чаще следуют по направлению к бульвару, нежели идут от него. Встретившиеся предикативные метафоры в проанализированных художественных текстах немногочисленны. А в тексте, созданном во второй половине XX века, было выявлено одно сравнение бульвара с фотоальбомом: *Бульвар продолжал листаться, словно бесконечный фотоальбом* (С. Осипов, 1998).

3.6. Набережные в пространстве города

Ещё издавна, выбирая место для основания поселений, люди предпочитали селиться вблизи какого-либо водного объекта: реки, моря, озера и др. Для укрепления береговой полосы, для предохранения её от размыва, для обустройства доступа к водоёму и проезда вдоль него, для приёмки и передачи грузов, для перехода пассажиров в населённых пунктах стали появляться набережные – портовые и городские.

С одной стороны, набережной называют берег, укрепленный стенкой из бетона, камня, дерева; с другой стороны – улицу, идущую вдоль такого берега [Ожегов, Шведова 1997]. В пространстве города набережная играет важную роль в формировании его архитектурного облика. Не случайно набережную называют «лицом города», местом, «где формируются развёртки улиц и силуэты линий застройки» [Савельев, Киселёва и др. 2019: 173]. Кроме того, набережные, особенно в пространстве крупных городов, несут большое функциональное значение. Как уже было отмечено ранее, они являются торговой и промышленной зоной города, пунктом, куда причаливает грузовой и пассажирский водный транспорт. В то же время набережная представляет собой культурно-досуговое пространство для спокойного и активного отдыха, занятий спортом, проведения концертов, выставок, мастер-классов и пр. Часто набережную считают самой живописной улицей города, которая служит зоной для неспешных прогулок вдоль водоёма. Она позволяет человеку погрузиться в свои мысли, настроиться на нужный лад, успокоиться: *...и пошёл на Синопскую набережную, чтобы обдумать...* (Д. Каралис, 1987-2001).

Всю многомерность восприятия набережных жителями и гостями городов позволяют установить примеры из НКРЯ. В подкорпусе художественных текстов второй половины XX века было отмечено около 1300 вхождений леммы *набережная*, в подкорпусе художественных текстов первой четверти XXI века – больше 1200 вхождений, что указывает на частотность упоминания набережных в современных текстах.

Описывая городские набережные, писатели обращают своё внимание в первую очередь на её местоположение и наполненность. **По местоположению** набережная может быть батумской (4): *Причём глупо и опасно шататься по батумской набережной...* (А. Азольский, 2001), городской (1 и 3): *...мимо Георгиевской церкви поднялся на городскую набережную* (Л. Зуров, 1956-1969), невской (3 и 1): *Тут же с невских набережных перескакивал...* (В. Некрасов, 1986), ялтинской (2 и 2): *...до самой ялтинской набережной* (Н. Климонтович, 1991-1994), волжской (1 и 2): *На волжской набережной*

нас ждали Вася и Миша (С. Голицын, 1963), судакской (2): *...прохаживаясь с Майей по судакской набережной...* (А. Дмитриев, 1991), венецианской (2), коктебельской (1 и 1), сталинградской, сухумской, петербургской, ленинградской, питерской, тверской, университетской, яузской, тель-авивской, южной, сочинской, женеvской, европейской, приморской.

По наполненности – пустынной (17 и 6): *...они двинулись по пустынной набережной...* (Л. Леонов, 1950-1953), пустой (8 и 3): *...мы вдвоём оказались на пустой набережной...* (Е. Чижова, 2002), безлюдной (1 и 3): *...пустынные шаги на безлюдных набережных...* (Ф. Кнорре, 1973), людной (2): *Оттуда они выходили на людную набережную* (Д. Гранин, 1954), оживлённой, забитой.

По материалу – гранитной (15 и 5): *Поздняя вечерняя заря окрасила алым цветом почти всегда серую, взъерошенную ветром реку, гранитную набережную...* (Д. Гранин, 1954), асфальтированной (3): *...молодёжь плясала на танцплощадках и на асфальтированной набережной* (Г. Николаева, 1959), каменной (1 и 1): *На каменной набережной бушевал голый старик* (М. Анчаров, 1979), мощёной (2): *...булыжные камни мощёной набережной в этом месте были забрызганы неvской волной* (Э. Лимонов, 2002), бетонированной, мраморной, кирпичной.

В зависимости от погодных условий и времени года – летней (3): *...променад летней набережной...* (В. Кузнецов, 2013), холодной (1 и 1): *...на холодной набережной...* (А. Дмитриев, 1999), ледяной, ветреной (1 и 1): *...выбегала следом за дедом Васей в темноту ледяной ветреной набережной...* (Ф. Кнорре, 1973), тёплой, весенней, оледенелой, осенней, сырой, мокрой, дымной, продутой, пасмурной.

По степени освещённости – тёмной (6): *...они повернули по тёмной, глухой набережной в сторону Кремля* (С. Сартаков, 1956-1970), ночной (1 и 1): *...с кем он дрался из-за Лены на ночной набережной...* (Ю. Трифонов, 1969), вечерней (1 и 1): *...ехали на мотоцикле по мокрой вечерней*

набережной... (А. Кабаков, 1991), залитой светом, ярко освещённой, еле освещённой, полутёмной, солнечной.

По протяжённости и ширине – широкой (3 и 2): *Но однажды на широкой набережной Обводного канала... (А. Дар, 1954), узкой (1 и 2), узенькой: Кирпичная набережная была настолько узкой... (Д. Колодан, К. Шаинян, 2007), длинной (2): ...возле непомерно длинной набережной... (В. Катаев, 1962-1965), бесконечной (1 и 1): ...могли они всю ночь вышагивать по бесконечным набережным... (В. Некрасов, 1986).*

По уровню расположения – низкой (1 и 2): *На низкой набережной собрались зрители (В. Крапивин, 1979), высокой (1 и 1): Высокие набережные Сены... (Д. Каралис, 1999), нижней: Меняя дорожки, ходила то по нижней набережной... (В. Войнович, 2000), верхней: Она сидит в забвении на верхней набережной... (М. Кучерская, 2012).*

По времени появления – новой (2 и 1): *Прошёлся по новой щеголеватой набережной (В. Панова, 1958), древней: ...на древнюю набережную Тибра (Н. Александрова, 2010), новенькой: Узкую, изломанную бухту опоясала новенькая набережная... (А. Уткин, 2010).*

По цветовому восприятию – голубой: *...грудной глубокий голосок с голубой набережной Невы... (Ю. Домбровский, 1964), золотистой: Внизу, на золотистой от света фонарей набережной..., жёлтой: Они вышли на жёлтую от огней набережную... (Д. Каралис, 2001), серой: ...как эта серая набережная (А. Берсенева, 2005).*

По значимости – главной: *Посмотри на открытку – это главная Ялтинская набережная... (Н. Катерли, 1981), знаменательной: И прямо посреди самой знаменательной набережной (М. Чулаки, 2002), центральной: ...в кафе на центральной набережной... (Т. Орлова, 2003).*

По оценочной квалификации – живописной (2 и 1), красивой (1 и 2): *...в парке решено строить красивую набережную... (В. Крапивин, 1979), роскошной (1 и 1): ...сразу оказалась на тёмной, но всё равно роскошной набережной (А. Саед-Шах, 1991), ажурной: ...ажурные набережные в*

текучих огнях... (М. Веллер, 1990), *шикарной*: *...ушёл с задрипанной Гулиа на шикарную Набережную* (А. Саед-Шах, 1991), *помпезной*: *...вдоль помпезной набережной...* (В. Рыбаков, 1993), *спокойной, меланхолической*: *...они вышли из каменного двора на спокойную меланхолическую набережную...* (Д. Симонова, 2002), *вышколенной*: *Вышколенная европейская набережная* (С. Соловьёв, 2010), *щеголеватой, величавой, нарядной, унылой, симпатичной, модной* и др.

Приведённые выше группы признаков были выделены в обоих подкорпусах. Однако, несмотря на то что в современных текстах набережные упоминаются чаще, чем в произведениях, созданных во второй половине XX века, даваемые данному элементу городского пространства характеристики разнообразнее в текстах XX века, в связи с чем в ходе их анализа были отмечены и другие группы признаков. Так, **по степени освоенности** набережная может быть *незнакомой*: *...вышла на незнакомую мне набережную...* (Н. Берберова, 1960-1966), *знакомой*: *Они пошли по знакомой набережной* (Ю. Рытхэу, 1967), *заброшенной*: *...из пустых подъездов – на заброшенные набережные...* (Л. Чуковская, 1980-1994). **По звуковому впечатлению** – *шумной*: *...нависали над шумной и тесной набережной...* (К. Паустовский, 1959-1960), *тихой*: *...на тихой набережной не осталось ни одного прохожего...* (Ю. Дружков, 1984). **По конфигурации** – *изогнутой*: *Изогнутая, словно серп, набережная тянулась вдоль бухты...* (Ю. Авдеенко, 1982), *горбатой*: *...под одной из гнилых арок узенькой и горбатой набережной...* (В. Аксёнов, 1997).

Предметно-понятийные корреляции. По принципу дополнительности набережная сочетается с водоёмами, к которым она примыкает (рекой, каналом, морем, озером): *...они классом гуляли по набережной Москвы-реки...* (А. Варламов, 2000), *...долго гуляли вдвоём по набережным каналов...* (Н. Берберова, 1966), *...бродившей по набережным Чёрного моря...* (А. Варламов, 2000), *...около часа прогуливались по набережной озера...* (А. Слуцкий, 2019), а также другими элементами открытого городского

пространства и объектами, его наполняющими – улицами, бульварами, проспектами, площадями, переулками, скверами, мостами, домами, дворцами, соборами: *Набережная и улицы его были негромки и задумчивы* (Ю. Казаков, 1957), *...можно было долго ходить по скверам, по набережной...* (И. Меттер, 1979), *Его улицы, набережные, площади, переулки...* (Г. Алексеев, 1984), *Мосты, набережные, дома... горели гирляндами, звёздами...* (А. Иличевский, 2000), *...от мысли о гулянье по бульварам и набережной ей становилось тошно* (М. Кучерская, 2012), *Соборы и набережные, мосты и дворцы были отложены* (Г. Яхина, 2015).

Пропозициональная модель. Слово *набережная* может находиться в предложении в позиции субъекта, объекта, но чаще всего является локативом. Это определяет семантику предикатов в пропозициональной структуре. **По набережной**, как по месту пересечения пешеходных и транспортных потоков (функция **собственно локатива**), возвращаются: *...возвращается под утро домой по Дворцовой набережной...* (И. Андроников, 1962), идут: *Мы шли по набережной канала Грибоедова...* (А. Вяльцев, 1985), маршрутируют: *...у Яузы по набережной маршрутировала, отрабатывая парадный шаг, Лефортовская нормальная военная школа* (С. Сартаков, 1956-1965), планируют: *...он предался <...> планированию по набережной в обнимку с тощеватой девицей...* (Н. Климонтович, 1988-1990), прохаживаются: *Вечерами они так же грустно прохаживались по набережной...* (Ф. Искандер, 1989), мчатся: *Фары мчавшихся по набережной машин...* (Е. Маркова, 1990-2000), гуляют: *...они классом гуляли по набережной Москвы-реки...* (А. Варламов, 2000), бродят: *...бродившей по набережным Чёрного моря...* (А. Варламов, 2000), едут: *...решив ехать по Якиманской набережной...* (А. Савельев, 2000), бегают: *...они бежали по сочинской набережной...* (В. Войнович, 2000), дефилируют: *...и утром продефилирует по набережной...* (А. Азольский, 2001), шатаются: *...опасно шататься по батумской набережной...* (А. Азольский, 2001), прогуливаются: *По набережной прогуливались люди...* (Д. Колодан,

К. Шаинян, 2007), летят: *Они летели по набережной...* (С. Шаргунов, 2009), слоняются: *...он часа три слонялся по набережной...* (Н. Щербак, 2010), болтаются: *Мы болтались по набережным...* (И. Стогов, 2012).

На набережной продают: *...Лида в Тунисе что-то продавала на набережных...* (Г. Газданов, 1950), встречают(ся): *...они встретили её на набережной* (Д. Гранин, 1954), завтракают: *Завтракали на набережной...* (Л. Зуров, 1956-1969), толпятся: *...на краю набережной толпились люди* (Г. Николаева, 1959), пляшут: *...молодёжь плясала <...> на асфальтированной набережной* (Г. Николаева, 1959), целуются: *Мы целовались <...> на набережной...* (А. и Б. Стругацкие, 1959), слоняются, горланят песни: *На набережной слонялись и горланили песни...* (А. Ладинский, 1960), ожидают: *...Зоя с Киной ожидали их на набережной...* (Л. Зуров, 1956-1969), толкаются: *Днём мы толкались на набережной...* (Ю. Казаков, 1964), пьют вино: *На набережной прямо под небом сидели за столиками...* (Ю. Казаков, 1964), пекут каштаны: *...о каштанах, которые пекут возле сквера на набережной...* (В. Каверин, 1965-1970), курят: *...ещё там на набережной, когда ты курил...* (Б. Левин, 1965-1994), катаются на роликах: *Внизу на пустой набережной катался на роликовых коньках седой костлявый старик...* (С. Каледин, 1987-1999), сидят: *...сидел там на набережной реки Лиммат...* (Л. Улицкая, 2002), топчутся: *Я с двумя одноклассниками топчусь на набережной напротив школы* (А. Битов, 2002), торгуют: *...торговал на городской набережной...* (Т. Орлова, 2003), стоят: *Вышла и ещё долго стояла на набережной Сены...* (М. Шишкин, 2004), играют: *...по вечерам играл на набережной духовой оркестр...* (В. Михальский, 2005).

Слово *набережная* также выступает в функции объекта приближения (директив-финиш) и удаления (директив-старт). Так, к *набережной* выходят: *Выйдя к набережной, Крыков замедлил шаг...* (Ю. Герман, 1952), направляются: *По аллее Виктор направился к набережной* (В. Гоник, 1972), подъезжают: *Экипаж <...> подъехал к набережной* (Э. Радзинский,

1999), спускаются: *Я почему-то спустился к набережной...* (А. Терехов, 1997-2008), приближаются: *...стремительно приближались к набережной* (С. Таранов, 1999), возвращаются: *...возвращаемся к набережной* (О. Гладов, 2003), сворачивают: *...Инка сворачивает к набережной...* (У. Нова, 2004), идут: *...встали и пошли к набережной...* (З. Прилепин, 2006).

На набережную прибывают: *Когда они прибыли на набережную, начинало вечереть...* (Р. Штильмарк, 1951), вырываются: *Через Красную площадь он вырвался на набережную* (П. Сажин, 1962), несутся: *...понёсся на Фрунзенскую набережную* (П. Сажин, 1962), высыпают: *На набережную высыпали рабочие* (П. Сажин, 1962), скачут: *Он отлично сдал все экзамены <...> и прискакал на набережную* (П. Сажин, 1962), приходят: *А когда пришли на набережную, солнце совсем скрылось...* (Ю. Казаков, 1964), мчатся: *...мчатся на Университетскую набережную...* (В. Солоухин, 1966), выходят: *Из него мы вышли на набережную...* (А. Вяльцев, 1985-2000), выбегают: *Впервые в жизни выбежал на набережную...* (Ю. Трифонов, 1976), взбегают: *...Милый Алексеевич взбежал на набережную* (Ю. Давыдов, 1988-1989), выскакивают: *...она выскочила назад на набережную...* (В. Пелевин, 1996), вываливаются: *...одна толпа вываливалась на набережную...* (Д. Рубина, 1999), спускаются: *...они спускались на набережную...* (В. Войнович, 2000), едут: *...поехали на набережную* (М. Милованов, 2000), выезжают: *...по Китайскому проезду выехал на набережную...* (А. Ростовский, 2000), идут гулять: *...идти гулять на набережную...* (А. Вяльцев, 1985-2000), вырываются: *Выруливая на набережную, Бруно увидел...* (В. Скворцов, 2001), поднимаются: *...поднялся по дощатому трапу на набережную...* (В. Лавришко, 2001).

С набережной сворачивают: *Герой свернул с набережной...* (М. Чулаки, 2002), выезжают: *С набережной выехали на Бородинский мост...* (А. Савельев, 2000), бухаются: *...с набережной бухается в воду* (А. Измайлов, 2001), идут: *...шли с набережной вверх...* (Д. Корецкий,

2011), прыгают: *...прыгнул с набережной* (А. Хургин, 2013). **От набережной** идут: *Они не спеша шли от набережной...* (Р. Штильмарк, 1950-1951).

Как показывают приведённые примеры, набережная воспринимается в первую очередь как пешеходная зона, место прогулок горожан, неспешной ходьбы и «ничего неделания». Кроме того, набережная является местом, где кипит торговая и культурная жизнь: *Видеть этот окончательный праздник на набережной...* (Б. Кенжеев, 2007), *Тель-Авив, набережная, дискотека* (К. Арутюнова, 2013). На набережной также располагается большое количество кафе и ресторанов: *В конце набережной была расположена шашлычная...* (Ф. Искандер, 1977), *...ужинали во французском ресторане на набережной...* (В. Аксёнов, 1977-1979), *Маленькое кафе на набережной* (Г. Алексеев, 1984).

В функции **семантического субъекта** набережная кончается: *Есть на нашей реке живописный обрыв – в том месте, где кончается набережная...* (В. Панова, 1953), пустеет: *Когда набережная опустела, морские разбойники подняли на корме пиратский флаг...* (Ю. Дружков, 1964), *Набережная пустела* (Е. Чижова, 2002), начинается: *...если перейти мост, начинается Набережная* (В. Каверин, 1965-1970), тянется: *...набережная тянулась вдоль бухты...* (Ю. Авдеенко, 1982), приближается: *Под размеренные взмахи гребцов приближалась набережная...* (Е. Парнов, 1990), пестреет: *Набережная... пестрела модными, тропических расцветок нарядами...* (Т. Орлова, 2003), проходит: *Набережная проходит вдоль песчаной дюны...* (С. Штерн, 2003), выгибается, обнимает: *Мраморная набережная выгибалась широкой дугой, обнимая залив* (Д. Колодан, К. Шаинян, 2007), опоясывает: *Узкую, изломанную бухту опоясала новенькая набережная* (А. Уткин, 2010), поворачивает: *Он одолел повернувшую вбок набережную до конца...* (А. Тавров, 2013) и др.

Смысловые преобразования. Употребление слова *набережная* в функции семантического субъекта служит источником для формирования предикативных метафор. По аналогии с живыми существами набережная засыпает: *...Якиманская набережная засыпала* (А. Савельев, 2000),

уходит: *И влево, и вправо уходила мощённая бульжником Набережная...* (М. Богатов, 2001), лежит: *Вот они, французские нищие, на спинах которых лежат набережные Сены...* (К. Сурикова, 2003), подрагивает: *В темноту пляжа с подрагивающей тусклыми огнями набережной...* (А. Иличевский, 2005), веселится: *Набережная веселилась, по ней слонялись толпы одесситов...* (Е. Завершнева, 2012), поднимается: *...лишь нарядная набережная поднималась над Волгой...* (М. Кучерская, 2012).

По аналогии с природным явлением (тучей и громом) набережная надвигается: *...старик кивнул головой в сторону надвигающейся внизу Набережной* (М. Богатов, 2001), громыхает: *Арсенальная набережная громыхала транспортом* (С. Шуляк, 2013); по аналогии с жидкостью – течёт: *...текла красными стоп-сигналами набережная...* (А. Иличевский, 2007); по аналогии с цветком – пахнет: *Набережные пахли грубым дегтярным мылом* (Н. Климонтович, 2013); по аналогии с ульем – гудит: *...а за спиной гудит набережная...* (Р. Вереск, 2015).

Проведённый анализ материалов НКРЯ показал, что по частотности упоминаний в текстах художественной литературы набережные не уступают проспектам и бульварам, а в современных текстах они встречаются даже чаще, чем бульвары (735 вхождений леммы *бульвар* и большее 1200 вхождений леммы *набережная* в подкорпус текстов XXI века). Анализ данных набережным определений показывает, что авторы в первую очередь обращают внимание на её местоположение, наполненность (*пустынная* (17 и 6) – самая частотная характеристика в текстах обоих подкорпусов) и материал (как правило, набережные делают из гранита).

В отношении дополнения набережная входит с другими элементами открытого городского пространства и объектами, его наполняющими, а также с водоёмами, к которым она прилегает. В текстах обоих подкорпусов также частотно упоминание элементов конструкции набережных (ограда, парапет, сваи): *Люди не подходили к каменному парапету набережной* (Р. Погодин,

1960), ...только через ограду набережной перелезть, как в окно... (А. Битов, 2002), *Фотоаппарат запечатлел паранет набережной...* (Д. Донцова, 2004).

В синтаксической структуре высказывания слово *набережная* может находиться в позиции субъекта и локатива (собственно локатива, директива-старта, директива-финиша), редко выступает в функции объекта и транзитива. Большинство рассмотренных метафор было отмечено в текстах, созданных в текстах первой четверти XXI века. В текстах второй половины XX века метафоры немногочисленны.

Выводы по Главе III

Проведённый анализ художественных прозаических текстов, созданных во второй половине XX века и в первой четверти XXI века и представленных в основном корпусе НКРЯ, позволил установить, как в русской языковой картине мира осознаётся и воспринимается городское пространство в совокупности образующих его элементов, а именно: площадей, улиц, проспектов, бульваров и набережных. В художественном тексте, с одной стороны, находят отражение все свойства пространства, присущие ему как объективной бытийной категории, поскольку зачастую мы имеем дело с отражением в тексте реального мира. С другой стороны, представление пространства и его отдельных объектов в каждом художественном тексте уникально, что связано с творческим мышлением автора и его видением, восприятием окружающего мира. Таким образом мы можем говорить о воплощении в художественном тексте объективно-субъективного представления автора о пространстве.

Анализ описания конкретных объектов городского пространства в тексте позволил установить определяющий набор когнитивных признаков, который может быть использован для их представления. Так, если в тексте какой-либо элемент пространства города является предметом речи автора, его видение реализуется за счёт называния и описания, которое осуществляется путём перечисления его свойств, признаков, структуры и пр., упоминания

сопутствующих объектов и указания на состояние или действия, которые осуществляются кем-то по отношению к описываемому элементу пространства города или им самим. Например, во фрагменте произведения С. Шикера предметом речи (субъектом) является площадь: *Освещённая фонарями небольшая площадь перед собором в лёгком тумане выглядела нарядно и уютно...* (2016). В этом предложении содержится характеристика площади (перечисляются её атрибуты: «освещённая фонарями», «небольшая»), упоминается сопутствующий ей объект (собор) и указывается состояние, в котором пребывала площадь («выглядела нарядно и уютно»). Такой набор когнитивных признаков присущ конкретному элементу городского пространства, когда он в повествовании выходит на первый план. Однако в рассмотренных текстах город зачастую служит лишь фоном, на котором разворачиваются действия, и потому описание объекта сводится к упоминанию какой-либо одной значимой для сюжета его характеристики и осуществляемого действия.

Для каждого из выбранных элементов открытого городского пространства на первом этапе исследования были выделены группы когнитивных признаков, на основе которых происходит систематизация и упорядочивание наших знаний об этих объектах пространства города. Так, в текстах обоих подкорпусов и площади, и улицы, и проспекты, и бульвары, и набережные были определены по местоположению, наполненности, значимости, степени освещённости. Всем перечисленным элементам городского пространства также была дана оценочная квалификация на основании того, какое впечатление они оказали на смотрящего, как им были восприняты. Другие группы признаков были характерны либо для конкретного элемента городского пространства (например, только при описании набережных был отмечен уровень их расположения), либо были выделены только в текстах второй половины XX века в связи с бóльшим количеством употреблений (подробнее см. Табл. 2).

	Площади	Улицы	Проспекты	Бульвары	Набережные
По размеру	+	+	+		
По протяжённости и ширине		+	+	+	+
По конфигурации	+	+	+	+(XX век)	+(XX век)
По предназначению и расположенным сооружениям	+	+			
По наполненности	+	+	+	+	+
По местоположению	+	+	+	+	+
По значимости	+	+	+	+	+
По типу покрытия / материалу	+	+	+		+
По степени освещённости	+	+	+	+	+
По температуре и погодным условиям		+	+	+	+
По звуковому впечатлению	+	+	+	+	+(XX век)
По степени освоенности	+	+	+	+(XX век)	+(XX век)
По степени загрязнённости	+	+	+	+(XX век)	
По цветовому восприятию		+	+	+	+
По времени появления		+		+	+
По мере отдалённости и обозримости		+(XX век)	+	+	
По уровню расположения					+
По оценочной квалификации	+	+	+	+	+

Табл. 2. Основные группы признаков, на основе которых происходит систематизация и упорядочивание наших знаний об объектах пространства города

На втором этапе обработки примеров из НКРЯ были установлены предметно-понятийные корреляции, позволяющие отразить возможные сочетания выбранных элементов городского пространства с сопутствующими понятиями. Так, по принципу дополнительности площади, улицы, проспекты, бульвары и набережные сочетаются в первую очередь с другими элементами

открытого городского пространства, а также с объектами, их наполняющими: вокзалами, рынками, магазинами, кафе, ресторанами, административными и жилыми зданиями и др. Среди особых корреляций отметим упоминание памятников и различных мероприятий (парадов, гуляний, митингов и пр.) на площадях; транспорта и большого количества людей на улицах и бульварах; при описании набережных – водоёмов, к которым они примыкают. Используемые единицы ожидаемы, однако в ходе анализа были отмечены случаи наполнения рассматриваемого элемента городского пространства неожиданными объектами, например: *Вокзальная площадь с озарённым стеклянным куполом была наполнена розовыми медузами, проплывающими прозрачной флотилией* (А. Проханов, 2001). В этом случае подчёркнута нетипичность подобных объектов для описываемого пространства, при этом таким образом могут быть реализованы дополнительные авторские интенции.

На третьем этапе исследования при построении пропозициональной модели были рассмотрены приложимые к словам, обозначающим выбранные элементы городского пространства, действия-предикаты в зависимости от позиции слова в синтаксической структуре высказывания (субъект, объект, локатив и его разновидности). Анализ глагольных предикатов позволил установить, что в том случае, когда слово, при помощи которого обозначается тот или иной элемент городского пространства, выступает в функции объекта, к ситуации приложимы глаголы физического воздействия (*строить, перемостить, чистить, застраивать, подметать, мыть, прокладывать, украсить и др.*), в том числе глаголы движения (*обступить, покинуть, окружить, обойти, объехать, патрулировать*), глаголы зрительного восприятия (*увидеть, посмотреть, рассмотреть*), глаголы, обозначающие чувство-действие (*любить*). Если номинации городских объектов выступают в функции локатива, к ситуации приложимы преимущественно глаголы действия или события (*выступать, танцевать, петь, продавать, митинговать и др.*) и движения (*гулять, бродить, мчаться, бежать, нестись и др.*), реже – глаголы статики (*ждать, стоять, сидеть*). При этом глагольные

предикаты в художественных текстах могут выражаться единицами разной стилевой принадлежности: нейтральными (*бежать, идти, двигаться, прогуливаться и др.*), стилистически ограниченными (*фланировать, дефилировать, шататься, слоняться, болтаться и др.*), экспрессивными (*иляться*).

Среди глагольных предикатов, приложимых к выбранным словам в функции семантического субъекта, с учётом данных лингвокогнитологии, отсылающих нас к процессам концептуализации и категоризации явлений, были выделены: а) единицы, указывающие на свойства объекта пространства, реализующиеся при его ориентации относительно других объектов: 1) на расположение в пространстве (*находиться*); 2) позицию (*лежать*); 3) охват другого объекта (*обегать, обнимать, опоясывать*); 4) способность разграничивать (*отделять*); 5) направление (*вести, выводить*); б) пространственное соотношение объектов (*пересекать, примыкать, упираться*); б) единицы, которые могут реализовать в тексте свойства объекта пространства без отношения к иным объектам: 1) характеристика формы объекта (*поворачивать, делать изгиб, выгибаться*); 2) положение в пространстве (*тянуться, проходить, уходить, подниматься*). Эти предикаты, согласно классификации, предложенной Варфоломеевой Ю.Н. [Варфоломеева 2020], относятся к первому классу.

Второй класс образуют предикаты проявления качественного состояния объекта, к которым относятся единицы выделенности в пространстве на основе световых или цветовых характеристик объекта (*краснеть, сверкать, сиять, темнеть, голубеть, нестреть, чернеть и др.*) и группа глагольных предикатов, характеризующих процесс аудиального восприятия частной характеристики звучания: *шипеть, гудеть, хохотать, шуметь, греметь, молчать, ликовать, громыхать*. При описании набережных был отмечен и предикат ольфакторной модальности, указывающий на запах (*пахнуть*).

Рассмотренные лексико-семантические группы глагольных предикатов, встретившиеся при анализе художественных текстов, актуализируют разные схемы представления элементов открытого городского пространства: 1)

установление расположения объекта в пространстве и его позиции; 2) концептуализация объекта в виде точки, линии, плоскости (*виднеться, подниматься, тянуться*); 3) указание на способность задавать направление движения; 4) характеристика выделенности объекта по световым или цветовым свойствам; 5) концептуализация формы предмета; 6) указание на расстояние до другого объекта; 7) характеристика аудиального восприятия. В основе моделей представления объектов городского пространства, которые могут быть сведены к указанным выше схемам, лежат процессы категоризации и концептуализации пространства.

Анализ материалов НКРЯ также показал метафоричность городского пространства. Так, при описании города в целом на примере Москвы используются натуроморфные, антропоморфные, артефактные и соматические метафоры. Кроме того, в новейшем московском тексте встречаются такие метафорические модели, как «город-организм», «город-рай», «город-монстр», «город-машина» и др. При этом метафорическое представление характерно не только для города в целом, но и для отдельных его элементов. В рассмотренных примерах были выделены метафорические модели, используемые носителями русского языка при представлении площадей, улиц, проспектов, бульваров, набережных, что отражено в таблице ниже:

		Площади	Улицы	Проспекты	Бульвары	Набережные
Предметная область	Объекты живой природы					
	Человек		+	+	+	+
	Насекомые, пресмыкающиеся		+			+
	Растение		+	+	+	+
	Объекты неживой природы					
	Жидкость	+	+	+	+	+
	Снег	+				
	Пласт земли	+				
	Природное явление	+				+
	Предметы, созданные руками человека					
	Сосуд	+	+	+	+	

	Улицы также предстают в терминах метафорической модели ‘транспорт’, ‘книга’, ‘клубок’, ‘стекло’, ‘плита’, ‘деревянная доска’, ‘подошва’; проспекты – ‘транспорт’, ‘бумага’.
--	---

Табл. 3. Примеры метафорических моделей, выявленных при анализе выбранных элементов открытого городского пространства

Как видим из таблицы, элементы открытого городского пространства чаще предстают в терминах метафорической модели ‘человек’ (на это указывают присоединённые предикаты *шагать, переживать, пускаться в пляс, говорить, ждать, надеяться, понимать, улыбаться* и др.), ‘растение’ (*куститься, ветвиться, раскидываться, распиливаться* и др.), ‘жидкость’ (*перетекать, закипать, бурлить, кипеть, стекать* и др.), ‘сосуд’ (*наполняться, переполняться, заполняться*), при этом зачастую при помощи метафорических моделей осмысляются площади, улицы и проспекты, что объясняется частотностью их употреблений в литературных текстах.

Подводя итог проведённому анализу, отметим многоплановость описания объектов открытого городского пространства авторами художественных текстов. Подробное исследование приписываемых им когнитивных признаков, встретившихся предметно-понятийных корреляций и глагольных предикатов, выбранных авторами в зависимости от модели представления, дало возможность проследить, как происходит систематизация и упорядочивание языковой личностью имеющихся у неё знаний о площадях, улицах, проспектах, бульварах, набережных в пространстве города. А осуществлённое сопоставительное исследование художественных текстов различного временного периода дало возможность отследить изменения в частотности описания в текстах каждого из выбранных элементов открытого городского пространства и отметить, как с течением времени менялось их видение и оценка авторами. Так, в восприятии авторами площадей, улиц и их разновидностей – проспектов, бульваров и набережных, было выделено больше сходств, чем различий, что свидетельствует об их взаимосвязи не только в структуре города, но и в сознании языковой личности.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Развитие когнитивной парадигмы в лингвистической науке открывает перед лингвистами новые перспективы изучения того, как при помощи языка осуществляется отражение окружающей нас действительности. Полученные результаты демонстрируют, что языковая система функционирует не просто как инструмент коммуникации, а как сложный механизм познания и отражения окружающего мира в сознании человека. И важная роль в процессе познания человеком мира отводится пространству, поскольку «пространственные представления лежат в основе формирования многих фундаментальных концептов человеческого сознания» [Корнева 2006: 154].

В ходе осуществлённой реконструкции представления о пространстве в русской языковой картине мира была

- построена научная таксономия «пространство» и выделены дифференциальные когнитивные признаки, по которым возможна классификация пространства в русской лингвокультуре;

- установлен набор параметров, на основании которых происходит наивная концептуализация и категоризация пространства в сознании носителей современного русского языка;

- описана наиболее часто используемая носителями русского языка когнитивная схема, при помощи которой происходит категоризация пространства, и её структурные элементы;

- выявлены диахронические изменения содержания ассоциативного поля ПРОСТРАНСТВО по данным трёх ассоциативных словарей русского языка и по результатам лично проведённого ассоциативного эксперимента;

- проведён анализ художественных прозаических текстов второй половины XX века и первой четверти XXI века, представленных в НКРЯ, с целью выявления особенностей вторичной концептуализации пространства и реконструкции содержания концепта ПРОСТРАНСТВО путём изучения дистрибутивных возможностей, предметно-понятийных соответствий, построения пропозициональной и метафорической моделей;

- по материалам лексикографических источников, данным психолингвистического эксперимента и материалам художественной литературы выявлены уровни, задействованные в категоризации пространства: суперординатный, базовый, субординатный;

- осуществлено исследование динамики концептуализации и категоризации пространства путём сопоставления научного, бытового и художественного восприятия категории «пространство», что позволило установить, какие изменения в понимании пространства актуальны для современной картины мира и как это отражается в языковой репрезентации концепта ПРОСТРАНСТВО;

- представлены особенности концептуализации и категоризации городского пространства в художественном тексте через комплексное исследование образующих его элементов: площадей, улиц, проспектов, бульваров, набережных, – включающее анализ характеристик, при помощи которых объект отображается в языковом выражении, пропозициональных установок, предметно-понятийных соответствий и смысловых преобразований.

Построенная научная таксономия демонстрирует систематизированный подход к классификации пространства, представленный в лексикографических источниках. С опорой на «Словарь-тезаурус синонимов русского языка» под ред. Л.Г. Бабенко, «Русский семантический словарь» под ред. Н.Ю. Шведовой, а также на структуру приведённых в толковых словарях русского языка XX-го – начала XXI века значений номинирующей категорию «пространство» лексемы отметим, что пространство можно классифицировать по следующим дифференциальным когнитивным признакам: 1) тип пространства (сюда включаются категориальные лексические единицы, имеющие обобщённое значение); 2) место в пространстве (лексические единицы, называющие конкретные виды пространства); 3) характеристика пространства (такие качественные и количественные параметры пространства, как размер, протяжённость, заполненность, структурированность, наличие границ и др.); 4) расположение в пространстве и пространственные ориентиры

(лексические единицы, указывающие на положение объектов относительно друг друга и системы пространственной ориентации).

Наивная таксономия отражает бытовые представления носителей языка о пространстве, что позволяет выявить наиболее естественные для русского языкового сознания способы категоризации пространства. По данным проведённого психолингвистического эксперимента, в русском языковом сознании подобная категоризация происходит в большинстве случаев при помощи когнитивной схемы «место», для которой характерны такие структурные элементы, как ‘функция и предназначение’, ‘границы’, ‘внутреннее содержание’, ‘расположение’. В субъективных дефинициях также были задействованы три уровня категоризации пространства: суперординатный, базовый и субординатный, к которым относятся слова-идентификаторы пространства, репрезентирующие его в сознании носителей русского языка.

В ходе анализа данных проведённого свободного ассоциативного эксперимента также были установлены самые частотные ассоциации на слово-стимул *пространство* (*свобода* (6% от общего количества ассоциаций), *космос* (~6%), *место* (5%), *воздух* (~5%), *пустота* (4%), *простор* (4%), *поле*, *комната* (> 3,5%)); определена лексико-грамматическая принадлежность полученных ассоциаций (94% ассоциаций были представлены именами существительными, среди которых преобладали слова с абстрактной семантикой, остальные – простыми именными словосочетаниями с разными видами связи); проведена семантическая интерпретация результатов, которая показала, что 26% респондентов используют слово-стимул *пространство* в его географическом значении, и выявлены дополнительные смыслы, которые вкладываются носителями русского языка в понятие «пространство».

Для определения динамики изменения восприятия пространства, помимо результатов собственно проведённого ассоциативного эксперимента, были также использованы данные РАС, СИБАС и ЕВРАС, в которых отражены результаты ассоциативных экспериментов конца XX-го – второго десятилетия XXI века. Сопоставление этих материалов показало, что в

русском языковом сознании пространство воспринимается прежде всего как обширная свободная территория, а затем уже как ограниченное место. Ядро и ближняя периферия ассоциативного поля ПРОСТРАНСТВО на протяжении времени устойчивы. Неизменными остаются слова-реакции *космос, пустое, бесконечность, Вселенная, замкнутое, воздух, огромное*.

Тем не менее в последние годы мы наблюдаем расширение содержательных компонентов ассоциативного поля ПРОСТРАНСТВО. В частности, отмечается появление таких ассоциаций, как *личное, моё* пространство, отражающих стремление людей к созданию индивидуальной зоны комфорта и определению личных границ. Кроме того, если в РАСе на слово-стимул *пространство* ассоциация *свобода* вообще отсутствовала, то по данным эксперимента 2023-2024 гг. эта реакция самая частотная.

Результаты направленного ассоциативного эксперимента позволили установить наиболее характерные концептуальные признаки пространства, среди которых *‘отсутствие границ’ (открытость), ‘протяжённость’, ‘большой размер’, ‘незаполненность’, ‘ширина’, ‘освещённость’*. Данные концептуальные характеристики пространства легли в основу выделения соответствующих групп определений-ассоциаций (всего 21 группа). Так, чаще всего респонденты характеризовали пространство по наличию или отсутствию границ (13% всех ассоциаций), по размеру (13%) и наполненности (12%), реже – по ширине (7%), по расположению (5%), по степени освещённости (4%), по предназначению (4%), по протяжённости и объёму (4%). Среди новых явлений в восприятии пространства носителями русского языка отметим появление у данного понятия эмоционально-оценочных коннотаций.

Анализ данных, полученных с использованием метода субъективных дефиниций, показал, что 21% опрошенных определили пространство как «вместилище», то есть место, в котором что-либо находится, а 17% – как окружающий человека мир. Кроме того, респонденты обратили внимание на функциональное предназначение пространства, его большой размер и наличие у пространства границ, а также отметили важность не только внешнего

пространства, но и внутреннего, личного. Именно данные эксперимента с использованием метода субъективных дефиниций стали основой для выделения когнитивных схем, при помощи которых отражается результат взаимодействия человека с миром, и выделения уровней категоризации пространства в сознании носителей русского языка.

Художественная таксономия раскрывает специфику репрезентации концепта ПРОСТРАНСТВО в литературном тексте, где происходит творческое переосмысление и трансформация представлений о пространстве, вторичная концептуализация. В отличие от наивного (фрагментарного, основанного на личном опыте) восприятия, художественное восприятие пространства более целостное, многоуровневое, отличающееся своей метафоричностью и эмоциональной насыщенностью. Обращение к художественным прозаическим текстам НКРЯ и анализ адъективов, при помощи которых авторы описывали пространство, позволило установить большое разнообразие параметров, на основании которых осуществляется категоризация пространства: *‘наличие или отсутствие границ’, ‘размер’, ‘наполненность’, ‘ширина’, ‘расположение’, ‘степень освещённости’, ‘предназначение’, ‘протяжённость и объём’, ‘степень освоенности человеком’, ‘характер действия’, ‘цветовое восприятие’, ‘научная область’, ‘восприятие’, ‘температура’, ‘мера отдалённости и обозримости’, ‘глубина’, ‘охват’, ‘форма и агрегатное состояние’, ‘звуковое впечатление’, ‘материал’, ‘последствия воздействия’, ‘влияние природных явлений’.*

На материале художественных текстов также были отмечены диахронические изменения в восприятии пространства. Так, в текстах второй половины XX века чаще давалось указание на размер, расположение, цвет пространства и степень его освоенности, а в современных текстах авторы обращали больше внимания на наличие у пространства границ, материал, его предназначение и степень целостности. Кроме того, в текстах первой четверти XXI века упоминаются частные виды пространства и уделяется внимание личному пространству человека. А вот по принципу дополнительности на

протяжении времени устойчивой является взаимосвязь *пространства* и *времени*. Сходства наблюдались и в выборе авторами действий-предикатов, приложимых к слову *пространство*. В текстах второй половины XX века слово *пространство*, с точки зрения позиции в синтаксической структуре высказывания, чаще выступало в функции локатива, в текстах первой четверти XXI века – в функции объекта действия. При этом в обоих подкорпусах было отмечено разнообразие действий-предикатов, приложимых к слову *пространство* в функции субъекта, и частотность примеров метафорического представления пространства.

По данным НКРЯ также был изучен конкретный вид пространства – городское пространство. На примере объектов открытого городского пространства (площадей, улиц, проспектов, бульваров и набережных) были отмечены изменения, происходившие в сознании людей при восприятии пространства города. Для каждого из перечисленных выше элементов по данным подкорпусов художественных текстов второй половины XX века и первой четверти XXI века были выявлены присущие им когнитивные признаки, установлены предметно-понятийные корреляции, построена пропозициональная модель и выявлены метафорические преобразования.

Проведённое исследование позволило установить, что все три типа восприятия пространства (научное, наивное и художественное), несмотря на свою специфику, взаимосвязаны и дополняют друг друга, формируя целостную картину осмысления пространства в русском языковом сознании. При этом наивная таксономия служит основой для формирования как научной, так и художественной категоризации пространства.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

1. Апресян, Ю.Д. Дейксис в лексике и грамматике и наивная модель мира / Ю.Д. Апресян // Семиотика и информатика. – Москва: Языки русской культуры, 1986. – Вып.28. – С. 5-33.
2. Арутюнова, Н.Д. Язык и мир человека / Н.Д. Арутюнова. – Москва: Языки русской культуры, 1998. – 895 с.
3. Ахундов, М.Д. Концепции пространства и времени: Истоки. Эволюция. Перспективы / М.Д. Ахундов. – Москва: Наука, 1982. – 222 с.
4. Аюпова, С.Б. Категории пространства и времени в языковой художественной картине мира (на материале художественной прозы И.С. Тургенева): специальность 10.02.01: диссертация ... доктора филологических наук / Аюпова Светлана Будимировна. – Москва, 2012. – 668 с.
5. Баландина, Е.С. Репрезентация понятия «пространство»: лексикографический, корпусный и психолингвистический анализ / Е.С. Баландина // Вопросы психолингвистики. – 2024. – №4 (62). – С. 20-33.
6. Безукладова, И.Ю. Эгоцентрические модели категоризации пространства в немецком языке: специальность 10.02.04: диссертация ... доктора филологических наук / Безукладова Ирина Юрьевна, – Тамбов, 2016. – 327 с.
7. Бердяев, Н.А. Судьба России / Н.А. Бердяев. – Москва: ЭКСМО-Пресс; Харьков: Фолио, 1998. – 736 с.
8. Болдырев, Н.Н. Категоризация ландшафтов и интерпретационный потенциал ландшафтной лексики в современном английском языке: монография / Н.Н. Болдырев, Е.В. Чистякова; М-во обр. и науки РФ, ФГБОУ ВПО «Тамб. гос. ун-т им. Г.Р. Державина». – Тамбов: Издательский дом ТГУ им. Г.Р. Державина, 2015. – 206 с.
9. Болдырев, Н.Н. Когнитивная семантика (Курс лекций по англ. филологии): учебное пособие для студентов вузов, обучающихся по специальности «Зарубеж. филология» / Н.Н. Болдырев; М-во образования Рос. Федерации [и др.]. – Тамбов: Изд-во ТГУ, 2000. – 123 с.

10. Болдырев, Н.Н. Концептуальная основа языка / Н.Н. Болдырев // Когнитивные исследования языка. – 2009. – № 4. – С. 25-77.
11. Болдырев, Н.Н. Концептуальное пространство когнитивной лингвистики / Н.Н. Болдырев // Вопросы когнитивной лингвистики. – 2004. – № 1. – С. 18-36.
12. Болдырев, Н.Н. Язык и система знаний. Когнитивная теория языка / Н.Н. Болдырев; Министерство науки и высшего образования РФ, Тамбовский государственный университет им. Г.Р. Державина. – Москва: Издательский дом ЯСК, 2018. – 478 с.
13. Борисова, С.А. Пространство – Человек – Текст / С.А. Борисова. – Ульяновск: УлГУ, 2003. – 327 с.
14. Бородай, С.Ю. Язык и познание: Введение в пострелятивизм / С.Ю. Бородай; отв. ред. В.А. Лекторский, А.В. Смирнов. – Москва: ООО «Садра»: Издательский Дом ЯСК, 2020. – 800 с.
15. Бороздина, И.С. Концепты «пространство / space» в англо- и русскоязычной культурах / И.С. Бороздина // Теория языка и межкультурная коммуникация. – 2010. – №2 (8). – С. 1-7.
16. Бочкарёв, А.Е. О чувствах и эмоциях в русскоязычной картине мира / А.Е. Бочкарёв // Вестник Пермского университета. Российская и зарубежная филология. – 2017. – Т. 9. – Вып. 1. – С. 5-14.
17. Бочкарёв, А.Е. О чувстве долга как лингвоспецифичном концепте русского языка (в фокусе Национального корпуса русского языка) / А.Е. Бочкарёв // Вестник Санкт-Петербургского университета. Язык и литература. – 2019. – № 16 (1). – С. 20-32.
18. Варфоломеева, Ю.Н. Категоризация и концептуализация пространства в описательном тексте / Ю.Н. Варфоломеева // Научный диалог. – 2020. – № 4. – С. 27-39.
19. Верлен, Б. Общество, действие и пространство. Альтернативная социальная география / Б. Верлен; пер. с англ. С.П. Баньковской // Социологическое обозрение. – 2001. – Т. 1. – № 2. – С. 33-34.

20. Виноградова, О.Е. Интегральная методика углубленного описания значения слова (на материале семантического описания слов разных частей речи): специальность 10.02.19: диссертация ... кандидата филол. наук / Виноградова Ольга Евгеньевна. – Воронеж, 2016. – 200 с.
21. Гайденко, П.П. История новоевропейской философии в её связи с наукой: учебное пособие для вузов / П.П. Гайденко. – Москва: Per Se; Санкт-Петербург: Университетская книга, 2000. – 455 с.
22. Гачев, Г.Д. Лекция «Национальные образы мира». – Текст: электронный. – URL: <https://polit.ru/article/2007/05/24/kulturosob/> (дата обращения: 15.04.2023).
23. Гачев, Г.Д. Национальные образы мира / Г.Д. Гачев // Космо-Психологос. – Москва: Прогресс – Культура, 1995. – 479 с.
24. Горелова, Ю.Р. Образ города в восприятии горожан: монография / Ю.Р. Горелова. – Москва: Институт Наследия, 2019. – 154 с.
25. Горелова, Ю.Р., Межевикин, И.В. Образ крупного города в восприятии его жителей / Ю.Р. Горелова, И.В. Межевикин // Вестник Омского государственного педагогического университета. Гуманитарные исследования. – 2016. – №4 (13). – С. 15-18.
26. Грищук, Е.И. Абстрактная лексика в языковом сознании: Экспериментальное исследование языкового сознания старшеклассников: специальность 10.02.19: диссертация ... канд. филол. наук: / Грищук Елена Ивановна. – Воронеж, 2002. – 248 с.
27. Гумилёв, Л.Н. Этногенез и биосфера Земли / Л.Н. Гумилёв. – Москва, 2002.
28. Декарт, Р. Избранные произведения: к трёхсотлетию со дня рождения / пер. с фр. и латин. / Р. Декарт; Ред. и вступ. статья В.В. Соколова; Акад. наук СССР. Ин-т философии. – Москва: Госполитиздат, 1950. – 712 с.
29. Денисова, Т.Ю. Пространство и место в человеческом существовании / Т.Ю. Денисова // Идеи и идеалы. – 2013. – №3 (17), – Т. 2. – С. 51-58.

30. Дзюба, Е.В. Когнитивная лингвистика: учебное пособие для высших учебных заведений / Е.В. Дзюба; Урал. гос. пед. ун-т. – Екатеринбург, 2018. – 280 с.
31. Дзюба, Е.В. Лингвокогнитивная категоризация в русском языковом сознании: монография / Е.В. Дзюба; Урал. гос. пед. ун-т. – Екатеринбург, 2015. – 286 с.
32. Дугин, А.Г. Социология русского общества. Россия между Хаосом и Логосом / А.Г. Дугин. – Москва: Акад. Проект, 2011. – 582 с.
33. Ермакова, О.П. Пространственные метафоры в русском языке / О.П. Ермакова // Логический анализ языка. Языки пространств / Отв. ред. Н.Д. Арутюнова, И.Б. Левонтина. – Москва: Языки русской культуры, 2000. – С. 289-298.
34. Залевская, А.А. Вопросы организации лексикона человека в лингвистических и психолингвистических исследованиях: учебное пособие / А.А. Залевская. – Калинин: КГУ, 1978. – 88 с.
35. Залевская, А.А. Значение слова через призму эксперимента: монография / А.А. Залевская. – Москва: Директ-Медиа, 2013. – 239 с.
36. Зализняк, А.А. Ключевые идеи русской языковой картины мира: Сб. ст. / А.А. Зализняк, И.Б. Левонтина, А.Д. Шмелёв. – Москва: Языки славянской культуры, 2005. – 540 с.
37. Зубова, Н.Ю. Пространство как концепт и как категория / Н.Ю. Зубова // Вестник МГОУ. Серия «Лингвистика». – 2011. – № 3 – С. 51-57.
38. Ивашкевич, И.Н. К вопросу о специфике языковой концептуализации природного пространства / И.Н. Ивашкевич // Вестник ТГУ. – 2015. – Вып.1. – С. 13-19.
39. Иконников, А.В. Пространство и форма в архитектуре и градостроительстве / А.В. Иконников; Рос. акад. архитектуры и строит. наук, Науч.-исслед. ин-т теории архитектуры и градостроительства. – Москва: URSS, cop. 2006. – 349 с.

40. Иливицкая, Л.Г. Центр и периферии города: хронотопические конфликты / Л.Г. Иливицкая // Ярославский педагогический вестник. – 2019. – № 2 (107) – С. 153-157.

41. Каганов, Г.З. К вопросу об образе среды / Г.З. Каганов // Городская среда. Сборник материалов всесоюзной научной конференции ВНИИТАГ и СА ССР. – Москва, 1989. – Ч.1.

42. Карасик, В.И. Культурные доминанты в языке / В.И. Карасик // Языковая личность: культурные концепты. Волгоград; Архангельск: Перемена, 1996. – С. 3-16.

43. Карасик, В.И. О категориях лингвокультурологии / В.И. Карасик // Языковая личность: проблемы коммуникативной деятельности: Сб. науч. тр. – Волгоград: Перемена, 2001. – С.3-17.

44. Карасик, В.И., Слышкин, Г.Г. Лингвокультурный концепт как единица исследования / В.И. Карасик, Г.Г. Слышкин // Методологические проблемы когнитивной лингвистики: Сб. науч. тр. / Под ред. И.А. Стернина. – Воронеж: ВГУ, 2001. – С. 75-80.

45. Караулов, Ю.Н. Ассоциативная грамматика русского языка / Ю.Н. Караулов. – Москва: Рус. яз., 1993. – 330 с.

46. Колшанский, Г.В. Объективная картина мира в познании и языке / Г.В. Колшанский; отв. ред. А.М. Шахнарович; [предисловие С.И. Мельника, А.М. Шахнаровича]; АН СССР, Институт языкознания. – Москва: Наука, 1990. – 103 с.

47. Корнева, В.В. Лингвистика на просторах пространства (обзор публикаций последних лет) / В.В. Корнева // Вестник ВГУ. Серия: Лингвистика и межкультурная коммуникация. – 2006. – №1. – С. 154-164.

48. Кравченко, А.В. Язык и восприятие: когнитивные аспекты языковой категоризации / А.В. Кравченко. – Иркутск: Изд-во Иркут. ун-та, 1996. –159 с.

49. Красных, В.В. Основы психолингвистики и теории коммуникации: Курс лекций / В.В. Красных. – Москва: ИТДТК Гнозис, 2001. – 269 с.

50. Кубрякова, Е.С. В поисках сущности языка: Когнитивные исследования / Е.С. Кубрякова. – Москва: Знак, 2012. – 203 с.

51. Кубрякова, Е.С. О соотношении языка и действительности и связи этой проблемы с трактовкой понятия знания / Е.С. Кубрякова // Когнитивные исследования языка. – 2008. – Вып. III. – С. 11-25.

52. Кубрякова, Е.С. Язык и знание: на пути получения знаний о языке: части речи с когнитивной точки зрения. Роль яз. в познании мира / Е.С. Кубрякова. – Москва: Яз. славян. культуры, 2004 (ППП Тип. Наука). – 555 с.

53. Кубрякова, Е.С. Язык пространства и пространство языка (к постановке вопроса) / Е.С. Кубрякова // Известия АН. Сер. Литература и язык. – 1997. – Т. 56. – №3. – С. 22-31.

54. Культурология. XX век: энциклопедия / гл. ред., сост. С.Я. Левит. – Санкт-Петербург: Университетская книга, 1998. – Т.2 (М-Я). – 448 с.

55. Лакофф, Дж. Женщины, огонь и опасные вещи: Что категории языка говорят нам о мышлении / Дж. Лакофф; пер. с англ. И.Б. Шатуновского. – Москва: Языки славянской культуры, 2004. – 792 с.

56. Ланге-Соболева, Т.А. Лингвистическое раскрытие статуса первичной и вторичной концептуализации мира / Т.А. Ланге-Соболева // Актуальные проблемы коммуникации. Язык и перевод: материалы II Международной научно-практической конференции, г. Москва, 20-22 апреля 2022 г. / под общ. ред. Т.К. Жорж. – Москва: МПГУ. – С. 144-148.

57. Левицкий, А.Э. Пространство как объект изучения с позиций лингвокогнитологии / А.Э. Левицкий // Когнитивные исследования языка. Выпуск XII. Теоретические аспекты языковой репрезентации: сб. науч. тр. – Москва: Ин-т языкознания РАН; Тамбов: Издательский дом ТГУ им. Г.Р. Державина, 2008. – С. 692-703.

58. Лейбниц, Г.В. Сочинения в четырех томах: Т. I / Ред. и сост., авт. вступит, статьи и примеч. В.В. Соколов; перевод Я.М. Боровского и др. – Москва: Мысль, 1982. – 636 с.

59. Леонтьев, А.А. Основы психолингвистики / А.А. Леонтьев – Москва: Смысл, 1997. – 287 с.
60. Леонтьев, А.А. Психолингвистические единицы и порождение речевого высказывания / А.А. Леонтьев; АН СССР. Ин-т языкознания. – Москва: Наука, 1969. – 307 с.
61. Леонтьев, А.А. Язык, речь, речевая деятельность / А.А. Леонтьев. – Москва: Просвещение, 1969. – 214 с.
62. Леонтьев, А.Н. Деятельность. Сознание. Личность / А.Н. Леонтьев – 2-е изд. – Москва: Политиздат, 1977. – 304 с.
63. Линч, К. Образ города / К. Линч; перевод с англ. В.Л. Глазычева. – Москва: Стройиздат, 1982. – 328 с.
64. Лихачёв, Д.С. Концептосфера русского языка / Д.С. Лихачёв // Русская словесность: Антология. – Москва: Academia, 1997. – С. 28-37.
65. Лихачёв, Д.С. О русской природе // Лихачёв Д.С. Избранное: Воспоминания. 2-е изд., перераб. – Санкт-Петербург: Logos, 2000. – С. 157.
66. Логический анализ языка. Языки пространств / Отв. ред.: Н.Д. Арутюнова, И.Б. Левонтина. – Москва: Языки русской культуры, 2000. – 448 с.
67. Логический анализ языка: языки динамич. Мира / Рос. акад. наук. Ин-т языкознания, Междунар. ун-т природы, о-ва и человека «Дубна»; отв. ред. Н.Д. Арутюнова, И.Б. Шатуновский. – Дубна: Междунар. ун-т природы, о-ва и человека “Дубна”, 1999. – 514 с.
68. Любимова, Л.М., Титова, М.П. Вербализация категории пространства в национальных культурах / Л.М. Любимова, М.П. Титова // Ключевые аспекты научной деятельности – 2014: материалы X Международной науч.-практич. конф. Сборник трудов, Том 8. Философия. – Польша, Przemysl: Nauka I studia. – 2014. – С. 30-38.
69. Магировская, О.В. Уровни концептуализации в языке / О.В. Магировская // Когнитивные исследования языка. Вып. IV. Концептуализация мира в языке: Коллектив. монограф. Москва-Тамбов: Институт языкознания РАН; Издательский дом ТГУ им. Г.Р.Державина, 2009. – С. 78-96.

70. Макарова, М.В. Вербализация пространства в русской и немецкой лингвокультурах / М.В. Макарова // Вестник ВолГУ. Серия 2: Языкознание. – 2009. – №2 (10). – С. 145-148.

71. Малафеев, А.Ю. Особенности концептуализации времени и пространства в поэтическом творчестве Арсения Тарковского / А.Ю. Малафеев // Вестник Нижегородского университета им. Н.И. Лобачевского. – 2011. – № 6 (2). – С. 394-398.

72. Мах, Э. Познание и заблуждение: Очерки по психологии исслед. / Э. Мах; Разреш. авт. пер. со 2, вновь просмотр. нем. изд. Г. Котляра; Под ред. проф. Н. Ланге. – Москва: С. Скирмунт, 1909. – 471 с.

73. Медведева, Т.С. Концепт пространство в русской и немецкой лингвокультурах / Т.С. Медведева // Вестник Удмуртского университета. Серия «История и филология». – 2010. – Вып. 4. – С. 145-151.

74. Морозов, В.В. Сопоставительный анализ глаголов движения в английском, русском и французском языках / В.В. Морозов // Логический анализ языка. Языки динамического мира / Отв. ред. Н.Д. Арутюнова, И.Б. Шатуновский. – Дубна: Международный ун-т природы, общества и человека “Дубна”, 1999. – С. 78-86.

75. Мостепаненко, А.М. Пространство и время в макро-, мега- и микромире / А.М. Мостепаненко. – Москва: Политиздат, 1974. – 240 с.

76. Мухачёва, А.М. Концепт «Пространство» в русской языковой картине мира / А.М. Мухачёва // Актуальные проблемы гуманитарных и естественных наук. – 2011. – №4. – С. 180-185.

77. Ненько, А.Е. Социологические методы изучения общественных пространств / А.Е. Ненько. – Санкт-Петербург: Унив-т ИТМО, 2020. – 55 с.

78. Никитин, М.В. Метафора: уподобление vs. интеграция концептов / М.В. Никитин // С любовью к языку: Сб. науч. трудов. Посвящается Е.С. Кубряковой. – Москва – Воронеж: ИЯ РАН, Воронежский гос. ун-т, 2002. – С. 255-270.

79. Николина, Н.А. Филологический анализ текста: Учеб. пособие для студ. высш. пед. учеб. заведений / Н.А. Николина. – Москва: Издательский центр «Академия», 2003. – 256 с.

80. Николова, А. Категория пространства, ее языковая репрезентация и лингвистическое описание / А. Николова // Проблемы когнитивного и функционального описания русского и болгарского языков. – Шумен, 2002. – С. 59-92.

81. Ньютон, И. Математические начала натуральной философии / И. Ньютон; пер. А.Н. Крылова. Серия «Классики науки». – Москва: Наука, 1989. – 688 с.

82. Осыка, М.В. Способы вербализации концепта «пространство» (на материале русской и французской топонимической фразеологии) / М.В. Осыка // Вестник ИГЛУ. – 2009. – С. 129-134.

83. Павловский, И.В. Время и пространство в европейской и русской картине мира / И.В. Павловский // Вестник Московского унив-та. Сер. 19. Лингвистика и межкультурная коммуникация. – 2013. – № 2. – С. 119-133.

84. Падучева, Е.В. Пространство в облиции времени и наоборот (к типологии метонимических переносов) / Е.В. Падучева // Логический анализ языка. Языки пространств / Отв. ред. Н.Д. Арутюнова, И.Б. Левонтина. – Москва: Языки русской культуры, 2000. – С. 239-255.

85. Панкова, С.Ю. Пространство и время в этнической картине мира: монография / С.Ю. Панкова. – Южно-Сахалинск: изд-во СахГУ, 2012. – 235 с.

86. Панова, Л.Г. «Мир», «пространство», «время» в поэзии Осипа Мандельштама / Л.Г. Панова. – Москва: Яз. славян. культуры, 2003. – 808 с.

87. Пищальникова, В.А. История и теория психолингвистики: курс лекций. Ч. 2. Этнопсихолингвистика / В.А. Пищальникова. – Москва: МГЛУ, 2007. – 228 с.

88. Пойманова, О.В. Категория «Пространство» в философской и психолого-педагогической литературе / О.В. Пойманова // Психолого-педагогический журнал «Гаудеамус». – 2010. – №15. – С. 36-46.

89. Попова, З.Д. Когнитивная лингвистика / З.Д. Попова, И.А. Стернин. – Москва: АСТ: Восток-Запад, 2007. – 314 с.

90. Попова, З.Д. Семантико-когнитивный анализ языка: научное издание / З.Д. Попова, И.А. Стернин. – изд. 2-е, перераб. и доп. – Воронеж: ИСТОКИ, 2007. – 250 с.

91. Поршнева, А.С. Изучение художественного пространства: стратегии и алгоритмы / А.С. Поршнева // Иноязычный дискурс: проблемы интерпретаций и изучения: сборник научных трудов. – Екатеринбург: Издательство Уральского университета, 2010. – С. 96-115.

92. Проблемы функционально-когнитивного анализа языка: коллективная монография / [Л.А. Козлова и др.]; М-во образования и науки Российской Федерации, Федеральное гос. бюджетное образовательное учреждение высш. проф. образования «Алтайская гос. пед. акад.». – Барнаул: АлтГПУ, 2016. – 171 с.

93. Проектный словарь-справочник когнитивных терминов: учебное пособие / Под общ. ред. Т.В. Романовой. – Нижний Новгород: ДЕКОМ, 2022. – 216 с.

94. Прокофьева, А.В. О возможности использования субстанциональной, реляционной и эпистемологической концепции пространства в социологическом анализе города / А.В. Прокофьева // Вестник Пермского университета. Сер.: Философия. Психология. Социология. – 2017. – Вып. 4. – С. 604-613.

95. Пространство и время в языке и культуре / Отв. редактор С.М. Толстая. – Москва: Индрик, 2011. – 368 с.

96. Пупынина, Е.В. Механизмы формирования концепта «ПРОСТРАНСТВО» синонимичными существительными абстрактной семантики: специальность: 10.02.04: автореферат диссертации ... канд. филол. наук / Пупынина Елена Владимировна. – Белгород, 2004. – 21 с.

97. Радчук, О.А., Аубакирова, В.К. Лингвокультурные концепты слов «space» и «пространство» в английском и русском языках / О.А. Радчук, В.К. Аубакирова // Филология. – 2020. – № 6 (30). – С. 64-68.

98. Романова, Т.В. Динамика концептуализации и категоризации пространства в русском языке / Т.В. Романова // *Respectus Philologicus*. – 2013. – № 23(28). – С. 109-117.

99. Романова, Т.В. Лингвистический анализ художественного текста: Учебное пособие / Т.В. Романова. – Нижний Новгород: НГЛУ им. Н.А. Добролюбова, 2007. – 271 с.

100. Романова, Т.В. Речевая самоидентификация по данным ассоциативного эксперимента / Т.В. Романова // *Политическая лингвистика*. – 2017. – № 6 (66). – С. 45-50.

101. Романова, Т.В. Слово по данным ассоциативного эксперимента / Т.В. Романова // В кн.: *STUDIA RUSSICA XXVI*. Материалы Международной лингвистической конференции «Русская лексика: история и современность», Будапешт, 20-21 октября 2017 г. / Отв. ред.: А. Золтан, Л. Ясаи, 2018. – С. 250-257.

102. Рубцова, О.В. Языковая концептуализация категории пространство / О.В. Рубцова // *Известия ВГПУ. Филологические науки*. – 2019. – № 5(138). – С. 115-120.

103. Сабурова, Н.А. Категория пространства в русской фразеологии: специальность: 10.02.01 : диссертация ... канд. филол. наук / Сабурова Наталья Анатольевна. – Москва, 2003. – 235 с.

104. Селиверстова, О.Н. Труды по семантике / О.Н. Селиверстова. – Москва: Яз. славян. культуры, 2004. – 959 с.

105. Складаревская, Г.Н. Метафора в системе языка / Г.Н. Складаревская. – Санкт-Петербург: Наука, 2004. – 145 с.

106. Скребцова, Т.Г. Когнитивная лингвистика: Курс лекций / Т.Г. Скребцова. – Санкт-Петербург: Филологический факультет СПбГУ, 2011. – 253 с.

107. Стернин, И.А. О понятиях метод, методика, приём / И.А. Стернин // Вопросы психолингвистики. – 2008. – Вып. 7. – С. 24-25.
108. Стернин И.А., Рудакова А.В. Психолингвистическое значение слова и его описание: монография / И.А. Стернин, А.В. Рудакова. – Saarbrücken: Lambert Academic Publishing, 2011. – 192 с.
109. Топоров, В.Н. О понятии места, его внутренних связях, его контексте (значение, смысл, этимология) / В.Н. Топоров // Язык культуры: семантика и грамматика. К 80-летию со дня рождения академика Н.И. Толстого (1923-1996) / отв. ред. С.М. Толстая. – Москва, 2004. – С. 12-106.
110. Топоров, В.Н. Текст города-девы и города-блудницы в мифологическом аспекте / В.Н. Топоров // Исследования по структуре текста. – Москва, 1987. – С. 121-132.
111. Улицкая, Л.Е., Глуховский, Д.А., Быков, Д.Л. и др. Москва: место встречи / Л.Е. Улицкая. – Москва: АСТ, 2016. – 512 с.
112. Уфимцева, Н.В. Языковая картина мира: проблемы моделирования / Н.В. Уфимцева // Вопросы психолингвистики. – 2016. – Вып. 1. – С. 238-249.
113. Уфимцева, Н.В. Языковое сознание: динамика и вариативность / Н.В. Уфимцева. – Москва, Калуга: Инст-т языкознания РАН, 2011. – 252 с.
114. Уфимцева, Н.В., Балясникова, О.В. Языковая картина мира и ассоциативная лексикография / Н.В. Уфимцева, О.В. Балясникова // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 2, Языкознание. – 2019. – Т. 18. – № 1. – С. 6-22.
115. Фархутдинова, Н.В. Структурные и категориальные признаки слов и их отражение в словарных дефинициях: специальность: 10.02.04: автореферат диссертации ... канд. филол. наук: / Фархутдинова Наталья Васильевна. – Минск, 1992. – 27 с.
116. Федосеева, Л.Н. Категория локативности в современном русском языке: специальность: 10.02.01: автореферат диссертации ... доктора филол. наук: / Федосеева Лариса Николаевна. – Тамбов, 2013. – 43 с.

117. Федосеева, Л.Н. Пространство и время в русской языковой картине мира / Л.Н. Федосеева // Culture and Civilization. – 2018. – Vol. 8. – Is. 5A. – С. 271-276.

118. Фокина, Т.П., Гурин, С.П. Город для двоих / Т.П. Фокина, С.П. Гурин // Пространство цивилизаций и культур на рубеже XXI века. Ч. III. – Саратов, 1998. – С.33-35.

119. Хлопова, А.И. Ассоциативный эксперимент как способ установления психологически актуального значения слова (на примере лексемы «Arbeiten») / А.И. Хлопова // Вестник МГЛУ. Гуманитарные науки. – 2018. – №13 (807). – С. 280-293.

120. Черемисин, А.Н. Прилагательные пространственной семантики как средство репрезентации оценки в современном английском языке: специальность: 10.02.04 : диссертация ... канд. филол. наук: / Черемисин Александр Николаевич. – Тамбов, 2015. – 199 с.

121. Чистякова, Е.В. Категоризация ландшафтов и оценочный потенциал ландшафтной лексики в современном английском языке: специальность: 10.02.04 : диссертация ... канд. филол. наук / Чистякова Елена Владимировна. – Тамбов, 2015. – 221 с.

122. Чудинов, А.П. Россия в метафорическом зеркале: Когнитивное исследование политической метафоры (1991-2000): Монография / А.П. Чудинов; Урал. гос. пед. ун-т. – Екатеринбург, 2001. – 238 с.

123. Шамне, Н.Л. Сопоставительное освещение семантики немецких и русских глаголов движения в аспекте интерпретации категории пространства: специальность: 10.02.20 : автореферат диссертации ... доктора филол. наук / Шамне Николай Леонидович. – Казань, 2000. – 45 с.

124. Шмелёв, А.Д. Русский язык и внеязыковая действительность / А.Д. Шмелёв. – Москва: Языки славянской культуры, 2002. – 496 с.

125. Шмелёва, Т.С. Пространственные отношения в языке с точки зрения современной когнитивистики / Т.С. Шмелёва // СИСП. 2021. – Т. 13. – № 2. – С. 190-202.

126. Яковлева, Е.С. Фрагменты русской языковой картины мира: модели пространства, времени и восприятия / Е.С. Яковлева. – Москва: Гнозис, 1994. – С. 20-21.
127. Ястребова, Н.Е. Национальные особенности понятий «пространство» и «время» / Н.Е. Ястребова // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. – Тамбов: Грамота, 2011. – № 8 (14): в 4-х ч. – Ч. I. – С. 218-221.
128. Haspelmath, M. (1997). *From Space to Time. Temporal Adverbials in the World's Language*. Lincom Europa. München – Newcastle.
129. Hickmann, M. and S.R. (2006). *Space in Languages: Linguistic Systems and Cognitive Categories*. Amsterdam/Philadelphia: John Benjamins.
130. Jackendoff, R. (1983). *Semantics and cognition*. Cambridge/MA: MIT Press.
131. Jammer, M. (1954). *Concepts of Space: The History of Theories of Space in Physics*. Harvard UP.
132. Langer, P. (1984). Sociology-Four Images of Organized Diversity. In: Rodwin, L., Hollister, R.M. (Eds.) *Cities of the Mind. Environment, Development, and Public Policy*. Springer, Boston, MA.
133. Levinson, S. (1996). Language and space. *Annual Review of Anthropology*. Vol. 25, 353-382.
134. Rosch, E. (1978). Principles of Categorization. In E. Rosch, B.B. Lloyd (Ed.) *Cognition and Categorization*, pp. 27–48. Lawrence Erlbaum, Hillsdale.
135. Schaffer, M. (2001). Worldview Theory and the Conceptualization of Space. In A. Rogerson (Ed.): *Proceedings of the International Conference 'New Ideas in Mathematics Education'*, Palm Cove (Australia).
136. Skordoulis, C., Arvanitis E. (2008). Space Conceptualization in the context of Postmodernity: Theorizing Spatial Representations. *The International Journal of Interdisciplinary Social Sciences*. Vol. 3, Num. 6, 105-113.

137. Szwedek, A. (2009). Conceptualization of space and time. In: Łobacz P., Nowak P., Zabrocki W. (Eds.) *Language, Science and Culture*, pp. 317-333. Poznań: Wydawnictwo Naukowe UAM.

Список словарей

138. Большой академический словарь русского языка. Т. 21/ Рос. акад. наук, Ин-т лингвист. исслед; Гл. ред. А.С. Герд; ред. словаря: У.В. Буторова и др.; ред. 21 тома: А.А. Шушков. – Москва; Санкт-Петербург: Наука, 2012. – 631 с.

139. Большой толковый словарь русских существительных: свыше 15000 имён существительных, идеографическое описание, синонимы, антонимы / редактор Л.Г. Бабенко. – 2-е изд., стереотип. – Москва: АСТ-ПРЕСС, 2008. – 864 с.

140. Большой толковый словарь русского языка / Под ред. С.А. Кузнецова. – Санкт-Петербург: Норинт, 1998. – 1536 с.

141. ГЭС – Географический энциклопедический словарь: понятия и термины / гл. ред. А.Ф. Трешников. – Москва: Советская энциклопедия, 1988. – 431 с.

142. Даль, В.И. Толковый словарь живого великорусского языка: [в 4 т.] / В.И. Даль. – 2-е издание, исправленное и значительно умноженное по рукописи автора. – Санкт-Петербург; Москва: Издание книгопродавца-типографа М.О. Вольфа, 1880-1882. – Т.3 (1882). – 576 с.

143. КСКТ – Краткий словарь когнитивных терминов / Е.С. Кубрякова, В.З. Демьянков, Ю.Г. Панкрац, Л.Г. Лузина; Под общ. ред. Е.С. Кубряковой. – Москва: Филол. фак. МГУ, 1996. – 245 с.

144. Лопатин, В.В., Лопатина, Л.Е. Русский толковый словарь. – 5-е изд., стереотип. – Москва: Русс. яз., 1998. – 832 с.

145. Морковкин, В.В., Богачёва, Г.Ф., Луцкая, Н.М. Большой универсальный словарь русского языка / Гос. Ин-т рус. яз. им. А.С. Пушкина; Под ред. В.В. Морковкина. – Москва: Словари XXI века, 2017. – 1456 с.

146. Новый словарь русского языка. Толково-словообразовательный: Св. 136000 словар. ст., ок. 250000 семант. единиц: в 2 т. Т.2: П – Я / Т.Ф. Ефремова. – Москва: Рус. яз., 2000. – 1084 с.

147. НФС – Новейший философский словарь / Гл. науч. ред. и сост. Грицанов А.А. – Минск: Изд. В.М. Скакун, 1999. – 877 с.

148. Русский ассоциативный словарь: в 2 т. / Ю.Н. Караулов, Г.А. Черкасова, Н.В. Уфимцева [и др.]; Рос. акад. наук. – Москва: АСТ: Астрель, 2002.

149. Русский семантический словарь. Толковый словарь, систематизированный по классам слов и значений / РАН. Ин-т рус. яз.; Под общей ред. Н.Ю. Шведовой. – Том 3; Имена существительные с абстрактным значением. Бытие. Материя, пространство, время. Связи, отношения, зависимости. Духовный мир. Состояние природы, человека. Общество. Москва: Азбуковник, 2003. – 720 с.

150. Семёнов, А.В. Этимологический словарь русского языка – Москва: Изд-во «ЮНВЕС», 2003. – 704 с.

151. Словарь русского языка: В 4-х т. / РАН, Ин-т лингвистич. исследований; Под ред. А. П. Евгеньевой. – 4-е изд., стер. – Москва: Рус. яз.; Полиграфресурсы, 1999. – Т. 3. – П-Р. – 750 с.

152. Словарь-тезаурус синонимов русского языка / Под общ. ред. проф. Л.Г. Бабенко. – Москва: «АСТ-ПРЕСС ШКОЛА», 2021. – 448 с.

153. Словарь синонимов русского языка. – URL: <https://sinonim.org/> (дата обращения: 14.11.2022).

154. Толковый словарь русского языка: 80 000 слов и фразеологических выражений / С.И. Ожегов, Н.Ю. Шведова; Рос. акад. наук, Ин-т рус. яз. им. В.В. Виноградова. – 4-е изд., доп. – Москва: Азбуковник, 1997. – 938 с.

155. Толковый словарь русского языка: в 4-х т. / Под ред. Д.Н. Ушакова. – Москва: Гос. ин-т «Сов. энцикл.»; ОГИЗ; Гос. изд-во иностр. и нац. слов., 1935-1940.

156. Толковый словарь современного русского языка. Языковые изменения конца XX столетия: более 7000 слов и устойчивых словосоч. / под ред. Г.Н. Складчиковой. – Москва: Астрель; АСТ; Транзиткнига, 2005. – 894 с.

157. Уфимцева, Н.В., Черкасова, Г.А. Русский региональный ассоциативный словарь (Европейская часть России – ЕВРАС). В 2-х тт.: Т.1: От стимула к реакции. – Москва: ММА, 2018. – 544 с.

158. Фасмер, М. Этимологический словарь русского языка: в 4 т. / пер. с нем и доп. Члена-корреспондента АН СССР О.Н. Трубачева; под ред. и с предисл. проф. Б.А. Ларина. – Изд. 2-е, стер. – Москва: Прогресс, 1986-1987.

159. ФЭС – Философский энциклопедический словарь [текст] / гл. ред. Л.Ф. Ильичёв и др. – Москва: Сов. энциклопедия, 1983. – 839 с.

160. Шанский, Н.М. Школьный этимологический словарь русского языка. Происхождение слов / Н.М. Шанский, Т.А. Боброва. – 7-е изд., стереотип. – Москва: Дрофа, 2004. – 398 с.

161. Шанский, Н.М. Этимологический словарь русского языка. – 2-е изд. – Москва: Дрофа, 2000. – 399 с.

162. Шапошникова, И.В. Русский региональный ассоциативный словарь: Сибирь и Дальний Восток (СИБАС 2): в 2 т. / И.В. Шапошникова, А.А. Романенко; Ин-т филологии СО РАН; Новосиб. гос. ун-т. Новосибирск: ИПЦ НГУ, 2022. – Т. 1: От стимула к реакции. – Новосибирск: ИПЦ НГУ, 2022. – 920 с.

163. Шушков, А.А. Толково-понятийный словарь русского языка: 600 семантических групп: ок. 16 500 слов и устойчивых выражений / ИЛИ РАН; А.А. Шушков. – Москва: АСТ: Астрель: Хранитель, 2008. – 988 с.

164. Этимологический словарь современного русского языка / сост. А.К. Шапошников. Т.2. – 3-е изд., стер. – Москва: ФЛИНТА, 2019. – 576 с.

Список ресурсов

165. Национальный корпус русского языка. – URL: <https://ruscorpora.ru/>